

В ФОКУСЕ: РЕБЁНОК — РОДИТЕЛЬ — СПЕЦИАЛИСТ

ПРОФЕССИЯ — РОДИТЕЛЬ

ПРОФЕССИЯ — РОДИТЕЛЬ

СЕМЬЯ И ДЕТИ

ФОНД
ТИМЧЕНКО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ЕЛЕНЬ И ГЕННАДИЯ
ТИМЧЕНКО

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»

ПРОФЕССИЯ – РОДИТЕЛЬ

Москва
2014

Автор: Гобова Е.С.

Авторское название: Повышение компетентности родителей в воспитании детей в замещающих семьях. Программа и учебно-методическое пособие по подготовке родителей.

Профессия – Родитель

М.: ООО «РПФ НИК», 2014. – 156 с.

Серия «В фокусе: ребенок-родитель-специалист», Издательский проект программы «Семья и Дети» благотворительного фонда Тимченко

ISBN 978-5-9906015-2-9

Пособие ориентировано на подготовку замещающих родителей – опекунов, приемных родителей, усыновителей, а также на повышение профессиональной компетентности патронатных воспитателей, специалистов, работающих в службах по организации и сопровождению семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Пособие основано на личном опыте психолога, приемной матери, взявшей на воспитание в свою семью девочку из детского дома. Актуальные проблемы формирования чувства привязанности, преодоления страхов, возрастного регресса, развития самосознания, решения разнообразных педагогических коллизий в учебе нашли свое отражение на страницах дневника приемной матери.

© Гобова Е.С.

Все права защищены.
Никакая часть данного произведения
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельца авторских прав.

Уважаемые читатели!

Предлагаем Вашему вниманию уникальную серию методической литературы по вопросам защиты детства «В фокусе: ребенок-родитель-специалист». Программа «Семья и Дети» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко призвана помочь каждому ребенку жить и воспитываться в семье.

Очень актуальна подготовка замещающих родителей, которые создают возможности для развития ребенка, его социализации. Крайне важной нам представляется и работа, связанная с предотвращением отказов родителей от приемных детей, т.к. это наносит ребенку тяжелую эмоциональную и психологическую травму.

Сохранение ребенка в кровной семье или его перемещение в замещающую семью требует грамотной и тонкой работы специалистов сферы защиты детства. Вот почему большое внимание мы уделяем обучению и развитию специалистов.

При нашей непосредственной поддержке в регионах РФ создаются центры профилактики сиротства и семейного устройства «шаговой доступности», проводятся «Школы приемных родителей», оказываются услуги по сопровождению замещающих семей.

В процессе работы мы столкнулись с дефицитом качественной методической литературы. Так, в 2014 году возникла идея реализовать издательский проект «В фокусе: ребенок-родитель-специалист». В серию включены произведения экспертов, практиков, замещающих родителей и приемных детей. Мы надеемся, что книги серии «В фокусе: ребенок-родитель-специалист» смогут поддержать и тех, кто только размышляет о приеме ребенка в семью, и тех, кто уже связан судьбой с приемным ребенком, и специалистов, которые помогают детям и семьям.

Данное пособие - это фактически «учебный план», помогающий родителям и специалистам глубже разобраться в актуальных вопросах формирования привязанности и привыкания приемного ребенка к домашнему образу жизни, преодоления страхов, возрастного регресса, преодоления школьных трудностей и других. Теоретическая часть сопровождается реальными примерами (отрывками из дневника), т.к. пособие основано на личном опыте психолога, приемной матери, взявшей на воспитание в свою семью девочку из детского дома.

Мы будем признательны Вам за обратную связь и предложения, какие темы важно раскрыть в будущих книгах и кого из авторов пригласить.

С уважением,
руководитель программы «Семья и Дети»
кандидат социологических наук
Эльвира Гарифулина
egarifulina@timchenkofoundation.org

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ РЕБЕНКА В ЗАМЕЩАЮЩУЮ СЕМЬЮ	9
ГЛАВА 2. ПРИВЫКАНИЕ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА К ДОМАШНЕМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ.....	18
ГЛАВА 3. ИСТИННЫЕ И ВЫМЫШЛЕННЫЕ СТРАХИ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА	32
ГЛАВА 4. ВОЗРАСТНОЙ РЕГРЕСС.....	51
ГЛАВА 5. САМОСОЗНАНИЕ И ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА: МЕТОДЫ ИХ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ПРОРАБОТКИ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ.....	72
ГЛАВА 6. МЕТОДЫ РОДИТЕЛЬСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ЛОЖЬЮ	89
ГЛАВА 7. ПРЕОДОЛЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ ТРУДНОСТЕЙ, СВЯЗАННЫХ С СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЗАПУЩЕННОСТЬЮ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА И НЕСФОРМИРОВАННОСТЬЮ УЧЕБНЫХ НАВЫКОВ	103
ГЛАВА 8. ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ	121
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	140
Приложение 1 Четыре заповеди принимающих родителей.....	140
Приложение 2 Правовое сопровождение замещающих семей	145

ВВЕДЕНИЕ

Устройством детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, занимались во все времена. Это явление не XXI века – появление первых приютов датируется IV веком нашей эры. И создавались они для того, чтобы предотвратить смерть детей в результате недоедания, детоубийства и отсутствия заботы. Люди, борющиеся за спасение детей, помещая их в детские дома, были страстными реформаторами. Так, например, огромные приюты, построенные Екатериной II в Санкт-Петербурге, предназначались не только для заботы о детях без родителей, но и для воспитания класса честных и просвещенных горожан, которые будут особой ценностью для государства. Иван Иванович Бецкой, автор этой идеи, поначалу даже одобрял отказ родителей от детей с тем, чтобы иметь достаточно «сырого материала» для претворения своего плана в жизнь. Как и в других странах, результаты пребывания детей в детских учреждениях сильно отличались от целей их основателей. Массовая гибель детей довольно быстро разочаровала императрицу в самой идее, но процесс расформирования закрытых детских учреждений начался только в 1888 году, когда император Александр III поручил Объединенному Опекунскому Совету императорских воспитательных домов разобраться с причиной массовой гибели в них детей. В 1901 году комиссия, изучавшая этот вопрос более 12 лет, сделала совершенно недвусмысленный вывод: «Горький опыт всех воспитательных домов заставил их отказаться от воспитания своих пи-

томцев в стенах своих заведений... Такую форму призрения брошенному родителями сироте, «казенному ребенку», дает семья; случайно делаясь членом ее, он (ребенок) сливается с ней, делит ее радости и горе и может забыть в конце концов свое одиночество. Дать этого никакая другая форма призрения не может».

На протяжении XX века помощь детям-сиротам заключалась преимущественно в помещении их в государственные учреждения интернатного типа. Поиск форм устройства детей-сирот варьировал между детскими коммунами, городками, трудовыми колониями. В 1950-е годы Н. Хрущев провозгласил: «Интернат – лучшая форма детских домов», и в нашей стране заметно увеличилось их количество.

Долгое время проблема содержания детей в приютах и детских домах ограничивалась лишь проблемами улучшения санитарных условий. И только в XX веке началось изучение отрицательных последствий пребывания в закрытом детском учреждении для психики ребенка.

Опыт показывает, что помещение ребенка в принимающую (приемную, опекуную, патронатную) семью благотворно влияет на физическое, психическое состояние ребенка, который воспитывался до этого в детском доме. Нельзя переоценить влияние приемных родителей на ребенка, лишенного своей кровной семьи. Приемные родители, осознавая ответственность, стремятся стать компетентными родителями, способными справиться с любыми трудностями. Так как только дети позволяют понять самое главное: из всех способов самореализации взрослого человека именно созидание личности представляет собой самый надежный способ обрести душевное тепло, семейную гармонию и равновесие. Только в процессе воспитания родитель не только растит свое дитя, но одновременно возвращает и самого себя.

Настоящее пособие «Повышение компетентности приемных родителей в замещающих семьях» основано на личном опыте психолога, приемной матери, взявшей на воспитание в свою семью девочку из детского дома. Актуальные темы формирования чувства привязанности, преодоления страхов, возрастного регресса, развития самосознания, решения педагогических проблем в учебе нашли свое отражение на страницах дневника приемной матери и были «пропущены» через собственный опыт понимания процессов воспитания и образования.

Пособие адресовано и в помощь самим замещающим родителям – опекунам, приемным родителям, патронатным воспитателям, и в помощь специалистам, работающим в центрах или специальных службах по организации и сопровождению семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Учебно-тематический план позволит участникам экспериментального проекта «Профессиональная Школа родителей» изучить основные темы данного пособия и сориентироваться в количестве учебных часов, отведенных на самостоятельное изучение той или иной главы. Кроме того, необходимо учитывать, что после освоения каждой темы данного пособия участники проекта должны выполнить задание – ответить в письменной форме на предлагаемые автором пособия вопросы.

№ п/п	Наименование темы	Кол-во часов		Самостоятельная работа	Всего
		Лекции	Семинары		
1	Научно-методические проблемы принятия ребенка в замещающей семье	1	0	1	2
	Привыкание приемного ребенка к домашнему образу жизни		2	4	6
2	Истинные и вымышленные страхи приемного ребенка	1	2	3	6
3	Возрастной регресс	1	1	1	3
4	Самосознание и защитные механизмы приемного ребенка: методы их сознательной проработки в замещающих семьях	1	2	4	7
5	Методы родительского контроля над ложью	1	2	4	7
6	Преодоление школьных трудностей, связанных с социально-педагогической запущенностью приемного ребенка и несформированностью учебных навыков	1	1	3	5
7	Процесс профессионального самоопределения	1	2	3	6
	Итого	7	12	23	42

Глава 1.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ РЕБЕНКА В ЗАМЕЩАЮЩУЮ СЕМЬЮ

Наряду с категорией детей-сирот, потерявших своих родителей, в России широкое распространение получило *социальное сиротство*. Кризисное состояние общества, современной семьи – главной и естественной системы защиты ребенка, резкое падение уровня ее материального и нравственного благополучия повлекли за собой рост количества сирот при живых родителях – так называемых социальных сирот.

«Социальное сиротство» – понятие многоплановое, включающее такие категории детей, как отказные дети; дети-подкидыши; дети, чьи родители находятся продолжительное время в местах лишения свободы или неизлечимо больные; дети, родители которых лишены родительских прав; дети, родители которых безвестно отсутствуют. При определенных различиях и особенностях социальных сирот всех детей объединяет то, что *они при живых родителях официально лишены родной семьи*, нормального семейного образа жизни; их родители лишены или ограничены в праве воспитывать детей, совместно проживать с ними, выполнять по отношению к ним свои родительские функции.

Наиболее драматическим последствием пребывания социальных сирот в домах ребенка является прямой вред здоровью, психическому и социальному развитию ребенка. До 60% контингента До-

мов ребенка составляют дети с тяжелой хронической патологией. Почти 55% детей отстают в физическом развитии. Лишь 4,7% детей квалифицируются как практически здоровые.¹ Наиболее тяжелый след социальное сиротство оставляет в *психической жизни ребенка*. У оторванного от родителей и помещенного в условия интерната или детского дома ребенка снижается общий психический тонус, нарушаются процессы саморегуляции, доминирует пониженное настроение, развивается чувство тревоги и неуверенности.²

Большинство брошенных детей воспитываются в детских домах и приютах, где им постоянно не хватает личного внимания и эмоционального стимулирования, необходимого для *нормального развития*. Лишение ребенка доброжелательной атмосферы семейного счастья, заботы, поддержки приводит к задержке психического развития ребенка – физического, интеллектуального и социального.

Отсутствие семьи в процессе воспитания ребенка практически *невозможно* никакими традиционными общественными мероприятиями. Семья – это уникальный общественный институт, самой природой предназначенный для целей воспитания и образования. В семье создаются условия для развития ребенка, для усвоения им общечеловеческого опыта. С самого раннего детства ребенок учится у своих родителей. Именно в семье ребенок естественно и гармонично приобщается к жизни, получает *целостное представление об окружающем его мире*, взаимодействует с ним. Именно семья дает направления для развития, личного и профессионального самоопределения, а также задает критерии для оценки собственной успешности, обеспечивает *внутреннюю уверенность в себе*.

В случае социального сиротства семейное устройство детей необходимо начинать с *реабилитации кровной семьи* и с попыток определения в ближайшем окружении ребенка взрослых людей, способных взять на себя заботу о его воспитании. И только если эти возможности окажутся исчерпывающими, нужно переходить на поиск *принимавшей семьи*.

Ребенку лучше жить в *своей* семье. Даже изъятый из асоциальной семьи ребенок часто сбегает к родителям из детского дома,

^{1,2} Социальная педагогика: монография / Под ред. В.Г. Бочаровой. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — С. 212.

позабыв о голоде и жестоком обращении. Дети, чьи родители лишены родительских прав, переживают *двойную жизненную травму*: с одной стороны, это плохое обращение в родной семье и негативный жизненный опыт, с другой – сам факт разрыва с семьей.¹

Существует традиционное заблуждение – *ребенок не может любить родителей*, которые так плохо с ним обращались; а если он их любит – значит, «сам ненормальный». Однако сохранение привязанности к родителям как раз является одним из признаков «нормальности» ребенка. Потребность любить и быть любимым естественна для всякого душевно здорового человека. Просто эти дети любят своих родителей *не такими*, какими они есть, а такими, какими они должны были бы быть: додумывая хорошее и не замечая плохого. Детям трудно адекватно оценить причины изъятия их из семьи, и они могут воспринимать это как *насилие*, а представителей органов опеки – как агрессоров. Но даже тогда, когда перемещение было ожидаемым, дети испытывают страх и неуверенность, чувствуя себя *зависимыми* от внешних обстоятельств и незнакомых им людей. Разлука с кровной семьей, по сути, является признанием того, что для данного ребенка быть любимым своими родителями – невозможно. И утрата кровной семьи, даже если она была неблагополучной, – это серьезная травма, приносящая ребенку боль, обиду на родителей и на «жизнь вообще», вызывая чувство отверженности и гнева.

В нашей стране практически нет структур, которые занимаются родителями, лишенными родительских прав. В случае угрозы изъятия ребенка из семьи с родителями на протяжении определенного периода времени работают специалисты из органов опеки и комиссии по делам несовершеннолетних, а при лишении родительских прав о них забывают.

Устранение ребенка из родной семьи мало чем может помочь кровным родителям. Скорее всего, они так и *не смогут* справиться с создавшимися неблагополучными ситуациями или решить свои личные и социальные проблемы. Этот факт убедительно подтвержден в исследовании, проведенном персоналом *Школы социального работника Колумбийского университета*. В результате наблюдения за 624 детьми, помещенными в приемные семьи в 1966

¹ Организация работы Регионального центра развития семейных форм устройства детей-сирот и профилактика социального сиротства: методическое пособие. – М.: ООО «Издательство «Проспект»», 2010. – С. 18.

году, выяснилось, что, хотя по истечении пятилетнего срока три четверти детей вернулись в собственные семьи, экономические и социальные условия в родном доме практически остались неизменными, если не ухудшились (П. Котли).¹

По данным *Е. Рындиной* (директор ГОУ «Вологодский детский дом № 2»), примерно 50% детей хотят вернуться в биологические семьи и не желают иметь иных родителей (*Е. Рындина*).² Именно поэтому для многих детских домов и интернатов *приоритетными* направлениями деятельности являются:

- розыск родственников, потенциальных усыновителей;
- работа с родителями, отбывающими наказание в местах лишения свободы;
- работа с отказавшимися от ребенка при рождении;
- работа с родителями, чьи права были ограничены решением суда;
- работа с родителями, лишенными родительских прав.

Детальную структуру работы по реабилитации кровной семьи предложила *И.И. Осипова*, с содержанием которой можно ознакомиться более глубоко в ее работе.³

Согласно юридической практике, любая семья, в которой ребенка воспитывают не кровные родители, называется *замещающей*. Однако очевидно, что новая семья может *принять* ребенка, но не может заменить кровной семьи. Поэтому *Детский фонд «Виктория»*⁴ предложил использовать вместо термина «замещающая семья» термин «*принимающая семья*». Чтобы минимизировать существующие трудности и предотвратить возможные проблемы, самой острой из которых является *вторичное сиротство* приемного ребенка, система работы с принимающей семьей должна опираться на следующие *принципы*:

¹ Котли П. Новые приемные родители. Первый опыт / Пер. с англ. Н.И. Ивановой. – Новосибирск: ООО «Дата», 2000. – С. 196.

² Рындина Е. Курсовая работа. Теоретические аспекты проблем социализации личности детей-сирот.

³ Осипова И.И. Система предотвращения социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних: научно-методическое пособие / Под общ. ред. Э.А. Манукяна, к.с.н. – М.: Полиграф-сервис, 2005.

⁴ Фонд помощи обездоленным детям и детям, лишенным родительской ласки, основан в 2004 году. – <http://www.victoria-foundation.ru>.

1. *Начало сопровождения начинается с момента принятия будущими принимающими родителями решения о воспитании ребенка в своей семье.*

2. *Рассмотрение приемной семьи как системы.* Ребенок, попадая в приемную семью, взаимодействует не только со взрослыми, которые занимаются его воспитанием, но и строит отношения со всей семьей в целом. По сути, приемному ребенку необходимо адаптироваться ко всем членам семьи сразу (другим детям, бабушкам, дедушкам).

3. *Приемная семья изменяется со временем.* Изменения позволяют не только способствовать развитию гармоничных отношений в семье, решать сопутствующие проблемы, преодолевать кризисы, но и отслеживать стратегию ее развития, прогнозировать возможные трудности (Е.В. Куфтяк).¹

Наиболее важным и ответственным этапом в построении работы с профессиональной принимающей семьей является этап *диагностики и оценки потенциальной принимающей семьи.*² Как модель – комплексная оценка должна состоять из анализа следующих уровней готовности семьи к приему ребенка:

1. *Когнитивный (интеллектуальный параметр)* – который учитывает представления и знания родителей о психических и характерологических особенностях ребенка-сироты, потребностях, интересах и ценностях приемного ребенка, учет индивидуального своеобразия его развития.

2. *Личностный уровень готовности*, который включает мотивацию, ожидания и установки по отношению к будущему приемному ребенку.

3. *Деятельностный уровень готовности* – опыт воспитания собственных детей, в том числе способы поддержания дисциплины и установления границ, стиль обращения с детьми.

4. *Семейный уровень готовности* содержит функционирование семьи как системы, готовность сотрудничать со специалистами.

¹ Куфтяк Е.В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010, № 6 (14).

² Организация работы Регионального центра развития семейных форм устройства детей-сирот и профилактика социального сиротства: методическое пособие. – М.: ООО «Издательство «Проспект»», 2010. – С. 25.

Следующим этапом работы с профессиональной принимающей семьей является этап *обучения кандидатов в принимающие родители*. В приемную семью, в большинстве случаев, поступают дети, имеющие какие-либо отклонения в развитии или заболевания. Уход за ними и их воспитание способны осуществить лишь лица, получившие *первоначальную психолого-педагогическую и медицинскую подготовку воспитателя детей-сирот*. Поэтому программы по обучению принимающих родителей, как правило, состоят из *юридического, медицинского, психолого-педагогического и социально-экономического* блоков.

Безусловно, родителям, которые взяли на себя ответственность воспитывать в своей семье приемного ребенка, потребуется изменить не только сложившийся уклад жизни, но и *глубоко заглянуть в себя*, пересмотреть свои родительские способности, сформировать новые социально-психологические и педагогические стратегии взаимодействия с ребенком. В настоящем методическом пособии охарактеризованы наиболее важные проблемы в воспитании и развитии приемных детей, а также заложен импульс на *собственные поиски* приемными родителями *решения трудных ситуаций*, возникающих в замещающей семье.

Психолого-педагогические особенности детей из приютов и детских домов. У детей из приютов и детских домов весьма ограниченный набор источников информации об обществе, незначителен опыт контактов с людьми, исполняющими различные *социально одобряемые роли*. Поэтому у них возникают затруднения при освоении позитивных и конструктивных социальных ролей: друг, соседка, семьянин, одноклассник, гражданин, лидер. Не имея в своем личном и социальном опыте положительной модели выстраивания отношений в семье, в коллективе, ребенок из детского дома выполняет роли «деструктора», «агрессора», «отрицательно-го лидера», которые не позволяют ему успешно социализироваться. Поэтому детей-сирот характеризует, с одной стороны, *высокий уровень социальной адаптации в экстремальных условиях выживания*, а с другой – *очень низкий уровень социальной адаптации в условиях «нормы», в условиях домашнего образа жизни*.

Пониженный фон настроения, бедная гамма эмоций, склонность к быстрой смене настроения, однообразность и стереотипность эмоциональных проявлений, эмоциональная поверхностность, неадекватные формы эмоционального реагирования на

одобрение и замечание (от пассивного равнодушия до агрессивности и враждебности), повышенная склонность к тревожности и беспокойству, непонимание эмоционального состояния другого человека, чрезмерная импульсивность – вот *эмоциональный портрет* воспитанника учреждения интернатного типа по описанию Э.А. Минковой.¹

Эмоционально нестабильное положение ребенка, лишенного родительской заботы, развивает в нем чувство тревоги и неуверенности в себе, подавляет заинтересованное отношение к миру – так из-за проблем в эмоциональном развитии тормозится и его *интеллектуальное развитие*. Следует понимать, что к необратимым нарушениям в развитии ребенка, в первую очередь в сфере *эмоционально-личностного развития*, приводит *нарушение привязанности*.²

Английский психолог и психоаналитик, специалист в области психологии развития, психологии семьи, психоанализа и психотерапии *Джон Боулби*³ рассматривал привязанность как модель поведения, обеспечивающую достижение и сохранение контактов с близким взрослым, удовлетворяющим потребность ребенка в безопасности. Он считал привязанность своеобразной системой с контролем и обратной связью: ребенок активен в поиске близости со значимой фигурой взрослого, поскольку лишь установление необходимой близости с ним и удовлетворение потребности в безопасности открывает возможности для познавательной активности ребенка в исследовании новой ситуации.

Причина *влияния типа привязанности на познавательное развитие ребенка* в том, что между удовлетворением потребности ребенка в безопасности и готовностью к познанию мира существует *прямая зависимость*. Если мир представляется доброжелательным и безопасным, то бояться нечего и можно смело исследовать мир. Действительно, все отношения ребенка с миром в раннем возрасте опосредованы общением и сотрудничеством со взрослым, поэтому характер такого сотрудничества, обуславливающий тип привязанности, решающим образом определяет открытость ре-

¹ Минкова Э.А. Особенности личности ребенка, воспитывающегося вне семьи // Очерки о развитии детей, оставшихся без родительского попечения. – М.: ТОО «Симс», 1995.

² Подготовка ребенка к устройству в принимающую семью: методическое пособие. – М.: ООО «Издательство «Проспект»», 2009. – С. 12.

³ Боулби Дж. Детям – любовь и заботу // Лишенные родительского попечительства / Под ред. В.С. Мужиной. – М., 1991.

бенка к взаимодействию с миром. Ненадежный тип привязанности, не обеспечивающий удовлетворения потребности ребенка в безопасности, приводит к нарушению, искажению или *задержке его познавательного развития*.

В экспериментах *Мэри Эйнсворт*¹ были выделены три основных типа привязанности: *надежная/безопасная* (60-65% детей), *тревожно-избегающая* (15-20%) и *тревожно-амбивалентная/протестующая* (15%). Позже эта классификация была дополнена *тревожно-дезорганизованным* типом.

Надежная привязанность, удовлетворяя потребность ребенка в безопасности, характеризуется эмоционально-позитивными взаимоотношениями ребенка и близкого взрослого, близостью и интенсивностью характера взаимодействия, реакцией дистресса на сепарацию и положительной эмоциональной реакцией на воссоединение, высокой степенью познавательной активности ребенка.

Тревожно-амбивалентная (протестующая) привязанность вследствие неуверенности ребенка в поддержке со стороны взрослого отличается высокой тревожностью, стратегией поиска наиболее близкого контакта со взрослым. В ситуации разлуки с близким взрослым резко снижается познавательная активность. Ярко выражены протестные реакции на отделение от взрослого.

Тревожно-избегающий тип привязанности характеризуется дистанцированием ребенка и избеганием общения со взрослым на фоне высокой тревожности.

Тревожно-дезорганизованный тип привязанности отличается восприятием ребенком мира как враждебного и угрожающего. Доминирование тревоги и страха в эмоциональном состоянии ребенка вызывает дезорганизацию, непредсказуемость и хаотичность в его поведении.

Учет специфики личности ребенка, его прежнего жизненного опыта и сформированных моделей отношений с людьми, приемными родителями и специалистами, сопровождающими долгий и трудный период вхождения ребенка в новую семью и открытый социум, является важнейшим для интуитивного и со-

¹ Доктор психологии, окончила Университет в Торонто, работала ассистентом Дж. Боулби, исследовала паттерны привязанности у младенцев в Уганде, США, Англии. – <http://bit.ly/A9Hs2r>, <http://www.hr-portal.ru/article/razvitie-teorii-privyazannosti>.

знательного выбора инклюзивных стратегий поддержки ребенка, защиты его хрупкого душевного мира, создания условий для самореализации в жизни.

Задание № 1 для родителей.

Тема № 1: научно-методические проблемы принятия ребенка в замещающей семье.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на эти два вопроса:

1. Какие мотивы были у Вас и Вашей семьи взять на воспитание приемного ребенка?
2. Как Вы думаете, какие трудности испытывает семья на этапе самоопределения как приемной семьи?

Глава 2.

ПРИВЫКАНИЕ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА К ДОМАШНЕМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Существуют определенные показатели успешности интеграции приемного ребенка в замещающую семью.¹ Интеграция приемного ребенка состоялась, когда ребенок и члены семьи начинают идентифицировать (отождествлять) себя друг с другом, т. е. местоимение «мы» уверенно произносится всеми членами семьи, а по выражению лиц и реакциям на ситуацию становится трудно различить, где кровные, а где приемные дети (В.Н. Ослон).²

В практике службы по семейному устройству детей, оставшихся без попечения родителей, успехом размещения принято считать в первую очередь формирование стойкой взаимной привязанности при достаточно прочных и стабильных отношениях между приемным ребенком и приемными родителями и их кровными детьми, характеризующихся взаимным уважением и способностью разрешать конфликты.

Чувство привязанности, или, как еще его называют, чувство близости, основано на глубокой симпатии, преданности

¹ Организация работы Регионального центра развития семейных форм устройства детей-сирот и профилактики социального сиротства: методическое пособие. – М.: ООО «Издательство «Проспект»», 2010. – С. 29.

² Ослон В.Н. Ребенок в замещающей семье: публичная лекция. – 2006. – http://www.youtube.com/watch?v=zNgF_6phxCE.

кому-либо или чему-либо. И такое сложное чувство возникает в процессе *привыкания приемного ребенка к домашнему образу жизни*: к своим новым вещам, своей новой комнате, домашним питомцам и всему тому окружению, с которым соприкасается приемный ребенок. Формирование положительного отношения к своим вещам и привыкание к своему месту жительства *гарантирует* стабильность детско-родительских отношений, а также способствует проявлению уважения к традициям, установленным в приемной семье, *принятию домашнего образа жизни в целом*. Поэтому успешная адаптация приемного ребенка в замещающей семье начинается еще *задолго* до того момента, когда ребенок непосредственно попадает в дом или квартиру замещающей семьи. Адаптация начинается еще на *этапе знакомства* приемных родителей с ребенком, с его образом жизни в детском доме, с его привычками, особенностями, интересами, историей его кровной семьи и всего того, что касается жизни их приемного ребенка в прошлом.

У каждого детского дома, интерната или приюта *свои правила*. В некоторых детских домах у каждого воспитанника имеется своя личная одежда, личные вещи для учебы, для досуга. В некоторых детских домах вся одежда общая и каждому воспитаннику достается то, что воспитатели выдадут на сегодня. В таких ситуациях *за вещи идет упорная борьба* между воспитанниками, и сама по себе одежда является поводом для проявления установленной иерархии. Девочкам на вершине иерархии достается самая новая и самая модная одежда. Девочкам-аутсайдерам достается наиболее изношенная одежда. Но и в том и в другом случае у воспитанников за время пребывания в закрытых детских учреждениях формируется неправильное отношение к «не своим» вещам. Кроме того, у детей, проживающих в подобных закрытых учреждениях, *развивается опыт манипулирования* другими детьми, в том числе и взрослыми работниками данных учреждений.

Приемным родителям, опекунам, патронатным воспитателям необходимо понимать следующее:

1. Когда вещи являются *поводом давления на других детей*, таких же брошенных и отринутых, или когда вещи являются признаком авторитета среди лишенных родительской защиты детей, в закрытых учреждениях формируется *атмосфера ресурсной зависимости* даже от незначительных вещей, которые в обычной жизни не

имеют никакого значения и тем более не могут стать поводом для влияния на других детей, например, одноклассников. Многие родители сталкиваются с тем, что их кровные дети хвастаются друг перед другом своими мобильными телефонами. Родители вроде бы не поощряют соперничество в «крутизне», но от страха за то, что их собственные дети будут выглядеть беднее других, покупают дорогие телефоны, дорогую и модную одежду, обувь, аксессуары и прочее. Конечно, такие явления есть практически в каждом классе каждой школы каждого города. Но это выбор именно самих родителей, которые считают лично для себя важным, чтобы их дети выглядели в глазах других детей достойно, «не хуже других». А теперь представьте себе *ситуацию соперничества* в детском доме. Там уже нет родителей, которые бы несли ответственность за покупку и сохранность дорогих «игрушек». В закрытых учреждениях *каждая вещь может стать предметом раздора, вражды, давления*. Мир вещей не только формирует, но и закрепляет отношения недоверия, подозрительности, замкнутости, обиды, ранимости, существовавших в детских домах и возникших задолго до появления ребенка на пороге подобного учреждения.

2. Когда приемный ребенок попадает из закрытого учреждения в дом или квартиру приемных родителей, он, безусловно, привносит в этот мир правила, которые были установлены в месте его предыдущего жительства и которые были приняты этим ребенком или, наоборот, отвергнуты. Многие приемные родители думают, что покупка хороших вещей для их приемного ребенка *создаст ситуацию ответственности за эти вещи*. Однако чаще всего это является *опасной иллюзией* взрослых людей, которые плохо знакомы с неуставными правилами жизни в детских домах. Порой даже сами воспитатели детских домов не догадываются о том, что происходит между их воспитанниками.

3. Появление приемного ребенка в семье, в которой сложилась определенная культура взаимоотношений, способно не только изменить привычный уклад домашней жизни, но и *проверить этот уклад на прочность*. Именно поэтому процесс привыкания приемного ребенка к семье приемных родителей начинается не с процесса привязанности к маме и папе, а с процесса *привыкания к своим личным вещам*, к своей кровати, к своему письменному столу, к своим обязанностям, к своей комнате, к квартире или дому в целом. От успешности процесса привыкания приемного ребенка к домашнему образу жизни зависит и *уровень привязанности*

его к своим приемным родителям, их кровным детям, семейному укладу их жизни в целом. Через принятие и погружение в домашний образ жизни формируется новое доверительное отношение приемного ребенка к новому для него миру, возникают новые мироощущения. Это происходит в течение первых лет совместной жизни. И к этому необходимо подготовиться, правильно и грамотно выстроить отношения в кругу новой семьи, осознать свои сильные и слабые места. Тема домашнего образа жизни – это *путь честного и открытого признания своих родительских побед и родительских ошибок.*

4. Приемным родителям необходимо почувствовать *качество* своей связи, контакта с приемным ребенком и сделать это лучше всего именно дома, в кругу своей семьи. Личная привязанность приемного ребенка к своей приемной маме или папе только укрепится, если ребенок сможет почувствовать теплоту и заботу о нем. Очень важно, чтобы приемный ребенок стал еще и *естественным участником* всех семейных событий: без сопротивления и показного равнодушия *присоединился к повседневным делам* семьи, таким как совместное выпекание блинчиков, ухаживание за домашним любимцем, подвешивание полочки для сестренки или обустройство сада. Приемные родители могут быть уверены в том, что их дом, квартира предоставляют им *огромное количество возможностей* в проявлении своей любви, нежности к приемному ребенку, заботы о нем, в оказании ему помощи и поддержки.

Настоящее пособие основано на *личном опыте приемной матери*, взявшей на воспитание из детского дома девочку одиннадцати лет. В пособие включены *страницы из дневника*, где сложные психологические и психотерапевтические проблемы обсуждаются откровенно и искренне, а запутанные педагогические ситуации находят оригинальные решения. На страницах дневника описываются размышления, направленные на *осмысление опыта приемного материнства*, позволяющие понимать происходящее и находить конструктивные способы взаимодействия с приемным ребенком, сохраняя нежность, не поддаваясь на провокации и агрессию.

Дневник – совокупность фрагментарных записей, которые делаются для себя, ведутся регулярно и чаще всего сопровождаются указанием даты. Такие записи организуют индивидуальный опыт и как письменный жанр сопровождают *становление индивидуальности в культуре, формирование «я»* – параллельно с ними разви-

ваются формы мемуаристики и автобиографии. Как писал Ральф Уолдо Эмерсон, «...романы постепенно уступят место дневникам и автобиографиям, которые могут стать пленительными книгами, если только человек знает, как выбрать из того, что он называет своим опытом, то, что действительно есть его опыт, и как *записать эту правду собственной жизни правдиво*» (курсив наш – Е.Г.). В этом дневнике передана атмосфера семейных *бесед*, которые, по сути своей, являются эффективными *психотерапевтическими способами* влияния на настроение приемного ребенка, обсуждения с ним тревожных состояний. Разговоры матери и дочери важны сами по себе еще и потому, что их характер отражает «душевное» движение друг к другу. Грамотно выстроенный разговор каждый раз, снова и снова, формирует *границы доверия и открытости*. А внутренние размышления матери, изложенные в дневниковых записях, очень четко и ясно показывают, насколько важно осознавать то, что происходит между родителями и детьми, как важно *исследовать свои чувства* и особенно нахлынувшие *эмоции* для того, чтобы снять внутреннее напряжение и подобрать нужные слова. Настоящий дневник приемной матери является одним из *способов осознания семейной жизни*, позволяя глубоко заглянуть в свою жизнь и найти в себе *потенциал* стать более *компетентным* родителем.

Страницы из дневника приемной матери.

Домашний образ жизни

Не проходило и дня, чтобы я не вспоминала в сердцах свой разговор с воспитателем детского дома. Мы сидели на очередном празднике детского дома. На сцене пели и плясали детишки. И в этой атмосфере случился такой разговор:

– *Возьмите эту девочку, она Вам будет мыть полы. Она хорошо их моет.*

– ???

– *Она умеет мыть полы, Вы не думайте...*

– *Мне нужна дочка, а полы я и сама могу помыть!*

– *Зачем же самой?*

Домашний образ жизни выявил другую реальность. Насколько моя приемная дочка казалась испуганной и растерянной во внешнем мире, настолько же она оказалась наглой, агрессивной и беспардонной дома, в нашей квартире. Если в магазине она креп-

ко держала меня за руку и была как бы приклеена ко мне, то дома она устраивала жуткие погромы. Вот такие разговоры у нас бывали достаточно часто:

– Да. Разбросать свои вещи в разные стороны ты смогла. А теперь давай все приведем в порядок и сложим на свои места.

– Еще чего!

– Доча, но это же твои вещи?

– Вот ты и убирай!

– Я занимаюсь своими домашними делами, а у тебя есть свои.

– Я тут не уборщица, я убирать ничего не буду!

– Так что, ты собираешься жить в таком беспорядке?

– Нет, ты будешь убирать у меня в комнате!

Вы теперь понимаете, почему не проходило и дня, когда бы я не вспомнила пресловутую фразу воспитательницы из детского дома: «Возьмите эту девочку, она вам полы помое!» Прошло больше года, а моя доченька только один раз действительно мыла полы. И прошли миллионы минут разговоров о том, что такое свой дом, своя комната, свои вещи, свои домашние дела, прежде чем моя дочурка что-то сделала по дому.

Оно и понятно. Представьте себе детей, которым прислуживают специально нанятые государством взрослые люди. Государство наняло поварих, чтобы они готовили, кормили и мыли за детьми посуду. Государство наняло уборщиц, чтобы они мыли, подметали, стирали и все прочее. Государство наняло воспитателей, чтобы они их будили, одевали, водили в школу, приводили обратно в детский дом, готовили им уроки и все прочее. За какие заслуги у детдомовских детей такие слуги? Этот вопрос меня мучил без конца. Я понимала всю несостоятельность и язвительность этого риторического вопроса, но волей-неволей он возникал с новой силой.

Когда состоятельная семья на свои заработанные деньги строит большой дом, нанимает прислугу, поваров, садовников, гувернеров – это нормально. Дети знают, что эти люди работают на них и получают за это деньги. А деньги зарабатывают родители. Здесь нет никакого порока. Все работают. Каждый зарабатывает на жизнь как может. Как говорится, кто на что учился. А что понимают дети из детского дома, к каким мыслям привыкают они? Согласитесь, к хо-

рошему все люди привыкают быстро. Но это хорошее создают люди своими силами. А данным детдомовским детям еще не представилось случая сделать что-то серьезное и хорошее своими силами, как они уже привыкли к полному обслуживанию. И это порочно!

Даже неважно, что нанятые государством люди думают, что это они главные в детском доме. Безусловно, все их рассуждения о своей работе ограничиваются выполнением функциональных обязанностей. Но у них-то есть свой дом, свои родные, свои вещи. Они не лишены домашних хлопот у себя дома. Их никто не лишил свободы готовить обед своему мужу, мыть полы у себя дома. Может быть, домашние хлопоты им неприятны. Возможно даже, что они без удовольствия убирают свой дом. Главное, что у них изначально есть право это делать! А у детей детского дома такого права априори нет! И все разговоры о том, что дети детского дома помогают уборщицам мыть полы, глупы и кощунственны по своей природе, так как у детей нет никакого желания помогать зарабатывать уборщицам свою зарплату. И если они это делают, то делают они это из весьма неблагодарных мотивов.

Посуду моя дочь впервые помыла на третьем месяце нашей совместной жизни. Борьба за чистоту и домашний порядочный образ жизни оказалась настоящей битвой без врага. Я хорошо понимала, что нужно ввести правила и следовать им неукоснительно. Мне понадобилась вся моя устойчивость, чтобы не потянуться за валяющейся кофточкой и не положить ее в красивый зеркальный шкаф моей дочери, предварительно свернув. Мне это было сделать легко и почти естественно. И уж тем более не лень. Дело в том, что мне нужно было воспитать у своей доченьки, во-первых, позитивное отношение к своей комнате, во-вторых, ответственное отношение к своим вещам и, в-третьих, научить ее самостоятельно принимать решения. Конечно, воспитание – слишком объемный процесс. Но, вспомнив притчу о слепых, я в начале устройства нашего домашнего образа жизни решила сконцентрироваться на порядке в комнате и еде.

Порядок в комнате

Я установила правило, которое гласило: «Если вещь валяется на полу, значит, она не нужна и ее можно выбросить!» У моей дочери после похода по магазинам сложилось твердое убеждение, что мои слова не расходятся с поступками. Уж если я что сказала, то можно быть уверенным на 100% в том, что я так и сделаю. Дочь

на своем опыте убедилась в моей устойчивости к ее «хочу-купишкам». А хотела она всякой ерунды типа той бесконечной мишуры, которая продается на полках у кассы любого крупного универсама. Если она ныла, я внимательно смотрела ей в глаза и спрашивала: «Сколько времени у тебя эта игрушка продержится?» Дочь отвечала: «Все время, я ее буду беречь!» Я покупала эту игрушку, напомнив про правило. И как только на следующий день я обнаруживала именно эту, якобы дорогую ее сердцу игрушку валяющуюся на полу, я демонстративно поднимала ее с пола и выбрасывала в мусорное ведро. Моя дочь злилась, рыдала, но я была непреклонна. Правило нарушено. Если вещь дорога, то ее надо беречь и у нее должно быть свое место! Так мало-помалу моя доченька воспитывала в себе бережливость и ответственность. Она стала более аккуратна и внимательна к своим любимым игрушкам и вещам хотя бы первое время. Конечно, потом новизна исчезала и вместе с ней исчезало бережное отношение к вещам. До остального пока не хватало ни рук, ни внимания. Я ей помогала и устраивала совместные уборки.

С уборкой мы долго не находили общего языка. «Еще чего!» так и слетало с языка моей дочери. Автоматически! Я понимала, что автоматическую реакцию преодолеть сложнее, чем можно было бы ожидать. Поэтому терпеливо вместе с ней сначала наводила порядок в ее комнате, а потом начинала убирать свою комнату, кухню и коридоры. Очень скоро такая терпеливая стратегия дала хорошие результаты: дочь заинтересовалась пылесосом. Ее в принципе привлекали устройства и приборчики. Долго они не жили, но жажду нового утоляли. Например, фонарики нами покупались почти каждые две недели. Она их собирала-разбирала, брала на ночь в кровать и там, под одеялом, игралась с ними или просто лежала и светила в потолок или на стены комнаты. Ритуал засыпания с фонарем продержался долго и тоже сыграл позитивную роль в нашей жизни. На покупку фонарей я не скупилась, так как они были носителем принципа, частью необходимого ритуала. Все остальные «хочу» я полностью игнорировала, поскольку они не представляли ценности для нашей жизни. К тому же за них не надо было нести никакой ответственности.

Так вот, моя дочь заинтересовалась пылесосом. И я стала поручать ей уборку сначала ее собственной комнаты, а затем и всей квартиры. Ковер в моей комнате отличался от ковра в комнате дочери структурой ворса, и пылесосить его было труднее. Я показала и рассказала, как удобнее пылесосить мой ковер, и доч-

ка больше не испытывала никаких трудностей с уборкой всей квартиры. Очень скоро нам понадобился новый пылесос. Сила, с которой дочь жала на трубки, расплющила их и по ним пошли трещины. Но зато наша квартира была чистая. Новый пылесос понравился моей дочурке. И теперь она без проблем убирается. Но полы не моет. Их по-прежнему мою я. И еще одного мы не достигли из того, чего бы мне очень хотелось. Инициативы в домашнем образе жизни. Да, моя дочь без проблем пропылесосит квартиру. Но только после того, как я ей скажу или напишу об этом. И никак иначе. Моей дочери не придет в голову ценная мысль о том, что пора бы и убратсья. Пока инициативных мыслей в голове моей дочурки не водится.

Геометрическое правило

Но через один год и три месяца я смогла ввести еще одно правило. Я назвала его «геометрией действия», поскольку моя дочь стала делать успехи в геометрии. У дочки, видимо, от природы было неплохо развито зрительно-пространственное воображение. А я еще поддержала развитие способностей дочурки в этом направлении. Так вот, как-то раз после ужина я объявила, что сейчас мы займемся изучением очень ценного геометрического правила, которое в школе вряд ли будут преподавать. Я попросила свою дочь принести на кухню фломастеры и большой лист белой бумаги. Мы сели рядом, и я разделила лист линией на две равные половины. Одну половину я назвала «Беспорядок». Другую – соответственно «Порядок».

– Дочь, смотри, сейчас я открою тебе тайну беспорядка, – сказала я.

– Мама, а где геометрия?

– Смотри на мой рисунок, и она появится, ты ее узнаешь в линиях, – убежденно ответила я. И моя дочь стала завороженно наблюдать за моим рисованием.

Я нарисовала кружок, приделала к нему туловище в виде овала и нарисовала ручки и ножки тоже овалами. «Это ты, – намекнула я – Ты пришла со школы и переодеваешься. Вот ты снимаешь школьные брюки, – я нарисовала аккуратные брючки рядом со схемой человечка. – Смотри, вот ты бросаешь их здесь, – я нарисовала диван под брюками. – А они должны висеть на стуле». Чуть ниже я нарисовала стул с высокой спинкой в проекции 45 градусов.

– Да, стул хорошо получился, правда? – спросила я свою дочь.

– Мама, а при чем тут беспорядок!?

– Вот! Ты и спросила о главном. Мы к нему подошли вплотную. Смотри, что будет дальше. Итак, ты бросила свои брюки здесь, например, на диване. И ты подумала, что потом их повесишь на стул, а сейчас тебе захотелось... например, порисовать. Ты переходишь к своему столу и начинаешь доставать свои карандаши, фломастеры, альбом. Ты придумала, что именно будешь рисовать, и рисуешь.

Я нарисовала перемещения человечка по комнате стрелочками. Добавила рисунок письменного стола в комнате дочери, на котором появилось много предметов для рисования.

– Ты за столом. Прихожу я и что вижу?

– Что я рисую?

– Да, сначала я вижу, что ты сидишь за столом и рисуешь. А потом я вижу, что в комнате все разбросано. Одно дело – разбросано то, что необходимо тебе сейчас. То, что разбросаны фломастеры, карандаши, энциклопедия рисования валяется на полу, листы из альбома – все это состояние твоей комнаты я могу гордо назвать «творческим беспорядком». Но то, что валяется на полу рубашка, в которой ты ходила в школу, а на диване лежат брюки, колготки тоже валяются на диване, только в углу – все это я могу уверенно назвать беспорядком. А теперь появится геометрия беспорядка. Смотри внимательно!

Я рисую такого же человечка. «Это я, ты уже это поняла. Для того чтобы твои школьные брюки повесить на стул, ты идешь к дивану». Стрелочкой я помечаю передвижения первого человечка от письменного стола к дивану и помечаю это действие номером 1. «Дальше ты берешь свои брюки и идешь их вешать на стул, где они и должны были находиться». Я рисую стрелочку от дивана к стулу и маркирую ее номером 2. «Затем ты возвращаешься к своему рисованию». Я рисую стрелочку и ставлю номер 3 рядом с ней. «Это и есть СУЕТА, как следствие беспорядка». Я крупными буквами красным фломастером пишу слово «Суета» и слово «Потом». «Я надеюсь, ты понимаешь, как эти слова связаны между собой: мысль про то, что ты потом уберешь свои брюки, рубашку, порождает суету, которую я и изобразила стрелочками».

«А еще бывает и так. Ты остаешься на месте рисования. А я иду к твоим брюкам». Я рисую передвижение человечка под номером

2, т. е. себя, и помечаю эту стрелочку номером 1. «Я лично беру твои брюки с дивана и иду их складывать на стул». И это свое перемещение я отмечаю стрелочкой под номером 2. «Конечно, я стараюсь, чтобы ты сама следила за своими вещами, но иногда мне приходится убирать их по местам за тебя, а это в один прием не получается, как видишь на нашем рисунке. Но самое главное, что всей этой бесполезной и занудной суеты могло не быть, если бы ты знала и следовала геометрическому правилу порядка».

Я перешла к рисованию на второй половине листа. «Начнем все сначала: доченька моя приходит из школы домой». Я рисую опять ту же смешную рожицу с ножками и ручками в виде палочек, овалов и кружочков. Дочь очень довольна моим рисованием. Ей нравится схема «человека». «Ты, как обычно, начинаешь сразу переодеваться: снимаешь брюки и идешь к стулу их повесить». Я рисую стул, на котором висят брюки, и отмечаю это действие стрелочкой под номером 1. «Дальше ты хочешь порисовать, и ты садишься за стол и рисуешь. А твоя комната находится в полном порядке. И когда я к тебе прихожу, ничего не отвлекает моего зрения. Я вижу только хорошее – моя дочь рисует!»

– Здорово! А ты мне обещала рассказать о секрете?

– Да, теперь, когда есть рисунки «Порядка» и «Беспорядка» и ты можешь видеть, чем они отличаются друг от друга, только теперь я могу открыть тебе секрет порядка. Секрет заключается в девизе: «Никаких промежуточных действий: все сразу и сейчас!» Я крупными буквами пишу на стороне «Порядка» слова «Сразу» и «Сейчас». Секрет прост, как одно действие, но очень качественное и результативное. Ты, конечно же, можешь создавать суету большим количеством действий, у которых только один результат. Лично я предпочитаю получать один результат за одно действие. И так происходит в любом деле. Не только в поддержании порядка в собственной комнате. Давай повесим этот лист с рисунками на стенку в твоей комнате. Пусть он будет у тебя перед глазами и напоминает тебе о том, что ты знаешь секрет порядка и сможешь ему следовать!»

Первое время я постоянно обращала внимание своей дочери на промежуточные действия. Иногда мы вместе с ней их устранили. Иногда я наказывала дочь, вытряхивая все содержимое на пол и заставляя более внимательно и аккуратно все упаковать и разложить вещи сразу по своим местам. Порой мне все-таки приходи-

лось выбрасывать игрушки и вещи. Но гораздо реже, чем это было вначале. К сожалению, инициативы что-либо убрать нет до сих пор. Но настроение, с которым моя дочь относится к своей комнате и своим вещам, можно уверенно назвать приятным.

Задание № 2 для родителей.

Тема № 2. Привыкания приемного ребенка к домашнему образу жизни в замещающих (опекунских, приемных, фостеровских или патронатных) семьях.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на три наиболее актуальных для Вашей семьи вопроса:

1. Какие представления о домашнем образе жизни существовали у Вашего приемного ребенка во время, когда он жил еще в кровной семье? Что Вы знаете об условиях его жизни в прошлом?
2. Как изменились представления Вашего приемного ребенка о домашнем образе жизни (далее ДОЖ) в течение пребывания его в закрытом учреждении – детском доме, интернате и т. п.?
3. Каким образом представления приемного ребенка о ДОЖ, сложившиеся и в кровной семье, и в детском доме, и в интернате, повлияли на процесс привыкания к жилому пространству приемной семьи:
 - отношение приемного ребенка к своим личным вещам, игрушкам;
 - отношение к пространству своей комнаты, квартиры, дома приемной семьи;
 - отношение к домашним ритуалам, принятым в данной приемной семье, в том числе и к религиозным;
 - отношение к еде;
 - отношение к личной гигиене (уровень ухода за своим телом).
4. Какие трудности испытывал приемный ребенок в процессе привыкания к ДОЖ?
 - 4.1 Типологизируйте, пожалуйста, трудности приемного ребенка, выстроив их по степени актуальности и значимости.
 - 4.2 Опишите, пожалуйста, возникающие ситуации, связанные с проблемами привыкания приемного ребенка к ДОЖ в форме напряженного разговора, негативного или непонятного со-

бытия, неожиданной поведенческой реакции ребенка в ситуации выполнения домашней работы.

- 4.1 Проанализируйте, пожалуйста, причины возникновения трудностей в процессе привыкания приемного ребенка к ДОЖ. Прокомментируйте, пожалуйста, каждую ситуацию и каждый тип трудностей, который данная ситуация раскрывает или объясняет.
5. Какие трудности испытывает приемная мама в процессе привыкания приемного ребенка к ДОЖ:
 - 5.1 Изложите, пожалуйста, свои трудности в форме дневниковых записей (для приемных мам).
 - 5.2 Постарайтесь, пожалуйста, проанализировать свои пиковые эмоциональные состояния, которые Вы испытываете по отношению к приемному ребенку в процессе его привыкания к ДОЖ:
 - тревога;
 - раздражение;
 - злость;
 - неуверенность, чувство беспомощности;
 - обида;
 - что еще?
6. Какие трудности испытывает приемный отец в процессе привыкания приемного ребенка к ДОЖ?
 - 6.1 Изложите, пожалуйста, свои трудности или трудности Вашего мужа в форме дневниковых записей.
 - 6.2 Постарайтесь, пожалуйста, проанализировать свои пиковые эмоциональные состояния или пиковые эмоциональные состояния своего мужа.

Список рекомендуемой литературы по теме «Привыкание приемного ребенка к домашнему образу жизни»:

Андреева Ю. Хотите усыновить ребенка? – СПб: Питер, 2004.

Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей: пер. с англ. – М.: Академический проект, 2006.

Гласс К.Б. Будь моей мамой. Искалеченное детство / Пер. с англ. Е. Шульга. – М.: РИПОЛ классик, 2010.

Грошева Е.Л. Будем родными! Из дневника родителя – воспитателя приемной семьи. – М.: Дом, 1993.

Иванова Н.П., Заводилкина О.В. Дети в приемной семье: советы начинающим родителям-воспитателям. – М., 1993.

Кантонистова Н.С., Хамаганова Т.Г. Психогигиенические основы адаптации детей в замещающей семье // Социальная реабилитация дезадаптированных детей и подростков в специализированном учреждении. – М., 1996.

Красницкая Г.С., Пименов М.В., Рудов А.Г. Организация обучения граждан, желающих принять ребенка в семью: методические материалы. – М., 2008.

Лишенные родительского попечительства. Хрестоматия: учебное пособие для студентов пед. ун-тов и ин-тов / *Ред.-сост. В.С. Мухина.* – М., 1991.

Николаева Е.И., Япарова О.Г. Навстречу ребенку: пособие для принимающих родителей (*Детский фонд «Виктория»*). – М.: ООО «Издательство «Проспект»», 2010.

Осипова И.И. Профилактика отказов от приемных детей: пособие. – М.: НП «Независимый институт семьи и демографии», 2008.

Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. – М., 2006.

Приемные семьи: Проблемы становления / *Под ред. Г.И. Гусаровой.* – Самара, 1999.

Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей: содержание и организация деятельности: пособие для сотрудников центров / *Под ред. Г.М. Иващенко.* – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 1999. – С. 192.

Глава 3.

ИСТИННЫЕ И ВЫМЫШЛЕННЫЕ СТРАХИ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА

Согласно толковому словарю *психиатрических терминов*¹ **страх** – это чувство внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий. Сопровождается разнообразными вегетативными расстройствами. Может быть различно выражен – от неопределенного чувства неуверенности, опасности до ужаса.

Отечественный исследователь эмоции страха А.И. Захаров разделяет страхи по следующим признакам: 1) по характеру – природные, социальные, ситуативные, личностные; 2) по степени реальности – реальные и воображаемые; 3) по степени интенсивности – острые и хронические.²

Подавляющее большинство страхов в той или иной степени обусловлены *возрастными особенностями* и имеют временный характер. Детские страхи, если к ним правильно относиться и понимать причины их появления, чаще всего исчезают бесследно.

¹ Толковый словарь психиатрических терминов В.М. Блейхер, И.В. Крук / Под ред. С. Бокова. – М.: Издательство «МОДЭК», 1995. – С. 640; Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org>.

² Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. Серия «Психология ребенка». – СПб: Изд-во «СОЮЗ», 2000. – С. 448.

Если же страхи *болезненно заострены* или сохраняются длительное время, то это служит признаком неблагополучия, говорит о нервной ослабленности ребенка, неправильном поведении родителей, о незнании ими психических и возрастных особенностей ребенка, наличии у них самих страхов, конфликтных отношений в семье. К сожалению, в большинстве случаев страхи возникают *по вине самих родителей*, и наш долг – предупредить возможность их появления и оградить детей от страхов, вызванных семейными неурядицами, душевной черствостью или, наоборот, чрезмерной опекой или же просто родительской невнимательностью.

С возрастом у детей *меняются мотивы поведения*, отношение к окружающему миру, взрослым, сверстникам. И от того, смогут ли родители уловить эти перемены, *понять изменения*, происходящие с сыном или дочерью, и в соответствии с этим изменить свои отношения, будет зависеть тот положительный эмоциональный контакт, который является основой нервно-психического здоровья ребенка. Для того чтобы воздействовать на ребенка и помочь ему избавиться от страхов, родителям необходимо также *знать, что такое страх*, какую функцию он выполняет, как возникает и развивается, чего больше всего боятся дети и почему. Как предупредить страхи у детей и что предпринять, если они уже есть, – это серьезный повод для разговора.

Еще *Ларошфуко* сказал: «Мы обещаем согласно своим надеждам, а поступаем согласно своим страхам». Последствия страхов разнообразны, и, по существу, нет ни одной психической функции, которая не могла бы претерпеть неблагоприятные изменения. В первую очередь это относится к *эмоциональной сфере*, когда страх пропитывает все чувства тревожной окраской. В ряде случаев страх поглощает так много эмоций, что их начинает не хватать для выражения других чувств, а сам страх, подобно опухоли, разрастается в психике человека, затормаживая ее. Это проявляется в исчезновении ряда положительных эмоций, особенно смеха, жизнерадостности, ощущения полноты жизни. Вместо них развиваются хроническая эмоциональная неудовлетворенность и удрученность, неспособность радоваться, тревожно-пессимистическая оценка будущего. Подобное состояние эмоционального перенапряжения проявляется не только общей заторможенностью и раздражительной слабостью, но и в виде импульсивных, внезапно возникающих трудно предсказуемых действий.¹

¹ Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. Серия «Психология ребенка». – СПб: Изд-во «СОЮЗ», 2000. – С. 448.

Тревога, беспокойство, пессимистическая оценка не только своего будущего, но и развития своих способностей в настоящем времени, чрезмерная импульсивность, равнодушие, заторможенность – со всеми этими проявлениями сталкиваются приемные родители.

Каждый взрослый человек понимает, что жизнь в детском доме – не сахар. Но ни один взрослый человек даже представить себе не может, насколько она горька, пока лично не столкнется лицом к лицу с ребенком из детского дома. Только беззаветное, огромное желание стать приемной мамой или папой такого ребенка позволит вам не захлебнуться в этой горечи, а честно и открыто *разделить ее на части*. И относиться к каждой части как к целой жизни!

Да, наверное, вы узнали в идее разделить горечь на части известную притчу про слона. В этой притче каждый слепой схватился за какую-то часть слона и сделал вывод про то, кто такой слон и как он выглядит. Вам придется на какое-то неопределенное время *стать слепым* человеком, чтобы ухватиться за каждую из частей того прошлого ребенка, о котором вам ничего не скажут ни документы, ни сам ребенок, ни воспитатели, ни директор. Вам обязательно придется на время ослепнуть, чтобы не думать, что вы видите и знаете эти проблемные части вашего ребенка. Потому что вы *не знаете* ни одной части горечи, испытанной вашим ребенком до детского дома, в детском доме, а какое-то время и после детского дома. Это очень важное понимание. Вам действительно необходимо понять, что вы ухватились за то, чего не знаете, *о чем не имеете представления*. И на ощупь, медленно вы будете открывать вместе с ребенком эти части. В этом и состоит *начало*. Начало жизни с ребенком из детского дома.

Каждому приемному родителю следует знать, что страхи Вашего приемного сына или дочери в любом случае *«выплывут на поверхность»* Вашей жизни, даже если внешне Ваша настоящая семейная жизнь выглядит достаточно спокойной и мирной. Будьте уверены, что физические и психологические травмы, которые пережил ребенок, оставшийся без попечения родителей, *не подвластны времени*. Даже через несколько лет подавленные когда-то травмирующие состояния Вашего приемного ребенка могут вернуться. И Вы, как приемный родитель, должны не только понимать, отслеживать психологические состояния своего приемного сына или дочери, но и помочь ему (ей) преодолеть их, пережить.

Необходимо особенно серьезно отнестись к страхам, которые испытывают приемные дети в связи с тем, что их бросали, оставляли одних кровные родители. Страхи, связанные с *одиночеством*, более всего травмируют неокрепшую душу любого ребенка. Но одно дело, когда мама пусть и в соседней комнате, но всегда рядом и ребенок может ее позвать, обратиться к ней за помощью, если ему становится страшно. Другое дело, когда мама в той же соседней комнате, но находится в таком состоянии опьянения, что не может даже откликнуться на крик или плач своего ребенка, выслушать его, помочь ему, успокоить его. В таких ситуациях у ребенка развивается *невроз*, так как его страхи одиночества приобретают *постоянный характер* и ребенок чувствует себя все более несчастным и тревожным. Невротические страхи представляют собой гораздо большую проблему для приемного ребенка. Испытывая их, ребенок обычно находится в состоянии сильного эмоционального напряжения и справиться с ним сам чаще всего не может.

Необходимо понимать, что невротические страхи почти всегда имеют внезапное происхождение – страх в ситуации испуга возникает почти *мгновенно*. Психологи выделяют три основных вида невротических страхов – это страхи *одиночества*, *темноты* и *животных*. В отличие от возрастных страхов, переводящих ребенка на новый уровень понимания окружающего мира, невротические страхи *деструктивны*. Они разрушают внутреннее убеждение ребенка в миролюбии окружающего мира и заставляют погрузиться в длительные, сложные и часто неразрешимые для ребенка переживания.

Страхи приемного ребенка, сохранившиеся из прошлой его жизни с кровными родителями, будут *подавлять надежду* ребенка на нормальную жизнь в семье его приемных родителей, а невротическое напряжение будет способно перебороть желание ребенка расслабиться и довериться своим «спасителям».

Можно ли избежать появления страхов в настоящей жизни в приемной семье или, по крайней мере, значительно смягчить последствия испугов в прошлом? Если родители будут вести себя грамотно, то им это удастся. Даже резкий испуг для очень впечатлительного ребенка родители могут свести на нет. Самое важное в пугающей ситуации – помнить, что родители являются для ребенка *своеобразным индикатором* этой самой ситуации. Если пугаются они, то непременно испугается и ребенок. Поэтому, когда

испуг неизбежен, родители обязаны сохранять спокойствие и разговаривать с ребенком, комментируя ситуацию. Таким образом, они не только смогут избежать углубления испуга, но и научат ребенка правильно вести себя, сохраняя хладнокровие, способность разумно и трезво мыслить. Если в жизни приемной семьи ребенок ощутит *надежность и стабильность* в отношениях между родителями, а также увидит и поверит в способность приемных родителей устоять перед лицом его «детской опасности», то он сможет открыться и рассказать им о том, что его беспокоит, что его волнует, от чего он дрожит, почему не может заснуть и т. д.

Есть еще одна тема, которую невозможно обойти стороной при рассмотрении проблемы детских страхов. Это ситуация, когда родители сознательно запугивают ребенка в воспитательных целях, проявляя таким образом свое недовольство поведением ребенка, выказывая тем самым свою родительскую несостоятельность и беспомощность. Дети обладают прекрасной памятью, *запоминая такие угрозы*. И если однажды ребенок окажется в ситуации, из которой он мог бы выйти двояко – испугавшись или нет, то итог такой ситуации для пуганного ранее ребенка в силу ограниченности знакомства с окружающим миром, особой детской логики и уже подготовленной благодатной почвы, может оказаться весьма плачевным. И это может быть не только глубокий невротический страх, но и тики, заикание, энурез. Пожалуйста, никогда и ни при каких условиях *не пугайте детей!*

Для приемного ребенка самым страшным испытанием в семье приемных родителей окажется ситуация запугивания, связанная с *возвращением* его туда, откуда «его взяли»! Если приемная мама или папа хоть словом обмолвятся, что они отправят своего приемного сына или дочь обратно в детский дом, это ребенок запомнит и уже не сможет избежать возвращения невротического, тревожного, напряженного состояния. Этот страх крепко и жестко вцепится в душу приемного ребенка и для того, чтобы от него избавиться, потребуется уже помощь специалиста – психолога, психотерапевта, поскольку ребенок не сможет довериться своим «новым» родителям, взрослым людям. Приемным родителям следует очень *осторожно обращаться со словами*, произносимыми во взрывной эмоциональной атмосфере, обдумывать свои действия, заранее взвешивать свои поступки, которые могут привести к ухудшению контакта с приемным ребенком, появлению подозрений и сомнений в искренности приемных родителей.

Страницы из дневника приемной матери.

Страхи

У каждой части есть свой страх. Во-первых, страх внутри самого ребенка. Во-вторых, страх вокруг ребенка. Когда ребенок живет в детском доме, он не только чувствует себя преданным, брошенным, глубоко обиженным своими родными и близкими. Ребенок пытается забыть плохое, сделать вид, что в его жизни «ничего такого» не было. Но чем больше и упорнее ребенок стремится забыть свою родную маму или папу, тем глубже проникают в его душу обида и злость. Запомните, страхи никуда не деваются. Они прикипают на время. Они затаиваются в уголках, тесня надежду на нормальную жизнь. Потому что жизнь в детском доме в принципе нельзя назвать нормальной ни для одного ребенка. Потому что в детском доме ребенку напомнят о его брошенности другие, такие же брошенные дети. Напомнят жестоко, вымещая собственные обиды на других, пытаясь забыться и делая другим больно точно так же, как делали больно ему. Детский дом порочен по своей сути. Потому что ни в каком самом радостном детском доме дети не могут забыть свои страхи, не могут не причинять друг другу вреда: им приходится страдать самим и заставлять страдать других. Прошлое держит и будет держать в страхе всех детей детского дома, потому что его нельзя просто забыть. Даже со временем.

Страхи из прошлого

Придуманное прошлое

Моя дочь только на третий месяц нашей совместной жизни смогла начать вспоминать свое прошлое. Потому что первые месяцы она придумывала себе свое прошлое. Моя дочь всей своей душой желала иметь хорошее прошлое, которое она могла для себя только что разве выдумать. Я старалась ей не мешать. Но и не поощряла ее выдумки. Я не знала, правда ли то, что она рассказывала. Но я почти интуитивно чувствовала, что сейчас эта ложь нужна моей дочери не меньше, чем рыбе вода.

Ребенок не может жить без знания того, что с ним произошло. Моя дочь знала, что у девочки ее возраста (11 с половиной лет) могли быть, например, воспоминания о катании на роликах. Дочь вздохнула рассказывала, как они с подружкой катались на роликах и как она научилась делать разные трюки не только на роликах, но и на скейтборде. Простого вопроса о технике катания на роликах

было бы достаточно, чтобы понять, что это голая неправда. Я слушала байки из якобы ее прошлой жизни и единственное, что мне приходило в голову, так это то, что моя дочь хочет мне показать, какая она хорошая и способная девочка. Потому что все ее завиральные истории в сущности были опытом нормального ребенка, который хочет похвалить себя. И дочь черпала самоутверждение для своей настоящей жизни, облагораживая свое прошлое.

Иногда получались из этого смешные казусы. Например, мы идем из моего офиса вместе домой, и я рассказываю дочери историю, которая случилась со мной в моем детстве. С нами идет еще моя подруга, и она вспоминает, что с ней случилась подобная история. На следующий же день я встречаю дочь из школы. По дороге домой моя дочурка как ни в чем не бывало рассказывает мне историю, которая по ее представлениям произошла с ней прошлой зимой. Ее история является точным повтором моей вчерашней истории, но с добавлением того, что рассказала моя подруга. Потом мы вместе с дочкой смеялись и даже подтрунивали над тем, как ловко она пересказывает мои истории да еще умудряется присвоить себе воспоминания моей подруги. Тогда я была уверена в том, что моя доченька прекрасно понимает, о чем мы смеемся. Но я также была уверена и в том, что, когда моя доченька рассказывала мне «свою» историю из «своего» прошлого, она совершенно искренне верила в то, что это действительно произошло именно с ней. Моя дочь верила, что эта история является именно ее воспоминанием, а не той историей, которую она услышала вчера вечером от меня. Мне было не жаль своих воспоминаний из детства для моей дочери. Если бы я могла, я отдала бы ей столько своих историй, сколько нужно было бы ей, чтобы заполнить душевную пустоту. Но я точно знала, что моими воспоминаниями можно увлечься лишь на какое-то время, потому что страхи прошлого давали о себе знать почти каждый день. Они были там. И они влияли на настроение, на сон, на поведение. Это придуманное прошлое было островком «нормальности» или «хорошести». Но оно не было ее прошлым. Оно было уже нашим настоящим.

Через какое-то время я стала настаивать на том, чтобы моя дочь различала то, что она придумывает, и то, что с ней произошло в «нашем» настоящем. Единственное, чего я хотела добиться, так это того, чтобы дочь понимала, что у нее есть ее настоящее! Мне было нужно убедить свою дочку в том, что это настоящее происходит именно с ней, а не с выдуманной девочкой. И что я – это я. И что наше насто-

ящее происходит также со мной, ее приемной мамой, а не с кем-то еще. Я уделяла этому внимание постоянно. Все наши с ней километры дорог в школу и из школы, в магазин и из магазина, все наши прогулки и посиделки были посвящены осознанию нашего общего настоящего.

Мы с другом стоим на кухне. Первый день, как мы с дочкой вместе.

Друг говорит мне:

– Надеюсь, ты понимаешь, что она тебя не сможет называть мамой.

Моя дочь распахивает дверь, врывается на кухню и кричит:

– Мама, мама! Смотри, что я нарисовала!

Воспоминания нашего прошлого

Конечно, в нашем настоящем были наши воспоминания, которые касались нашей жизни после детского дома. Как-то раз моя дочь сказала мне за ужином, что она решила, что я стану ее мамой в первый же день нашего знакомства. Меня это удивило. Это было неожиданно, поскольку наша жизнь складывалась очень сложно.

Когда мои друзья спрашивали меня, как я выбирала себе ребенка в детском доме, я пыталась рассказать им, что выбирать себе детей в принципе невозможно. Когда ты заходишь в детский дом, на тебя наваливается орава малышни, тебя тянут за руки, за одежду, не дают ступить и шагу двадцать пар рук. И еще двадцать пар глазенок смотрят на тебя с такой надеждой, что ты забываешь все на свете и не можешь сдерживать рыданий. Все твои чувства обостряются настолько, что тихим голосом произнесенный каким-то малышом прямой вопрос: «А вы будете моей мамой?» – превращается во внутренний крик души. И ненависть ко всему человечеству подступает так близко к сердцу, что приходится срочно бежать в какой-нибудь уголок тайком смахивать слезы и приводить себя в порядок. Сбежать в этот момент, поддаться слабости возможно. В этом нет ничего постыдного. Но вернуться сложнее во сто крат! Хотя и это возможно. Невозможно понять само наличие и увеличение количества детских домов, не понять ни умом профессионального психолога, ни сердцем женщины. Что касается меня, то я приехала за конкретным ре-

бенком, с которым провела вместе Новый год у моих друзей, а взяла ту девочку, которую мне дали. Взяла без сопротивления и в соответствии с законом жизни: дают – бери!

Так вот. Доченька очень подробно вспомнила тот день, когда я впервые ее взяла из детского дома с собой. Поскольку детский дом находился не в моем, а в другом городе, я жила у своих друзей и могла пригласить свою будущую дочь только к ним, получив предварительно их согласие. Дочка вспомнила, как мы рисовали, как болтали, как смотрели все вместе «Мадагаскар-2», как делали винегрет, а вечером взбивали молочный коктейль с бананами, как рассматривали все вместе фотографии родного моего города, города, в который нам предстояло через какое-то (никто не знал, какое) время уехать и жить. Дочь вспомнила и о том, как я укладывала ее спать и читала сказку на ночь. А когда мы легли, прикасаясь друг к другу, моя дочь именно в тот момент подумала, что я стану ее мамой. Она так и сказала мне за ужином по прошествии более трех месяцев с того самого момента, что это она меня выбрала.

Мосты прошлого сожжены

И пусть до ее приезда в мой город у нас был еще месяц, она, не переставая, думала обо мне. А я о ней. Я бегала с документами по инстанциям. А она выдержала разговор с родной мамой. Рыдала ночами.

Моя будущая дочка отказалась наотрез брать с собой какие-либо фотографии из прошлой жизни. Моя будущая дочь сожгла все мосты и уехала со мной в незнакомый город, к незнакомым людям. Моя дочь пошла в незнакомую школу и стала преодолевать незнакомые ей трудности. Это не значит, что она перестала рыдать. Это не значит, что она перестала отказываться. Это не значит, что она перестала бояться. Это не значит, что она перестала хотеть забыть свое прошлое, и особенно свою родную маму, навсегда! Это значит, что она осмелилась начать со мной жить. И нам предстояло в нашей жизни построить новые мосты. Потому что старые мосты дочь сожгла, чтобы уехать. И теперь нам нужны были другие мосты, чтобы остаться.

В моем случае настоящее началось осознаваться только на третьем месяце нашей совместной жизни и принято ценой невероятных душевных и профессиональных усилий не только с моей стороны, но и со стороны моей дочери. В конце третьего месяца у моей дочери появилось первое воспоминание из действитель-

но ее прошлой жизни. Конечно, в какие-то моменты до этого она пыталась мне что-то рассказывать. В ее памяти всплывали воспоминания. Но попытки рассказать о них превращались в стоны и захлебывание слезами. Слезы катились градом, и дочь не могла произнести ни одного слова. Она выдавливала из себя какие-то непонятные звуки, и мне приходилось ее долго успокаивать.

Не мой, но очень важный случай

Среди моего окружения только одни дальние знакомые взяли маленького ребенка из детского дома. Мальчик лет 3–4 без конца спрашивал своих приемных родителей:

– Мама, как же ты могла оставить меня в детском доме?

Мама была растеряна. Она-то не оставляла этого малыша, а, наоборот, взяла его из детского дома.

– Папа, как же ты мог оставить меня в детском доме?

Папа тоже ничего не понял. В первый раз. Но со второго, третьего раза приемные родители повинились перед этим мальчиком и просили прощения. Мама просила простить ее за то, что она оставила своего маленького мальчика в детском доме. Папа умолял простить его за то, что он позволил случиться тому, что его любимый сыночек попал в детский дом.

– Бабушка, как ты могла оставить меня в детском доме? Бабушка, как ты могла разрешить моей маме бросить меня?

И бабушка просила прощения за то, что позволила своей дочери бросить любимого внука в детском доме.

– Дедушка, как ты мог оставить меня в детском доме, почему ты меня не забрал оттуда?

И дедушка тоже просил его простить за то, что он не забрал своего любимого внука из детского дома раньше.

Вопросы маленького мальчика были обращены к его новым родителям, которые перед ним были ни в чем не виноваты. Но им пришлось взять всю долю вины и ответственности за кровных родителей, которые бросили своего маленького сынишку, которые отказались его воспитывать. Приемные родители просили простить их. Конечно, мальчик их простил. Дети хотят все и всех простить. Им нужно в этом помочь. Например, взять вину на себя.

Время

В современном мире люди воспринимают разговоры о времени как некую банальность и обыденность. Во многом такое восприятие оправданно той обыденной и банальной жизнью, которую ведут эти люди. Как правило, серьезное отношение ко времени появляется либо с возрастом, поскольку смерть не за горами, либо с потрясением, несчастием. Не зря же народная мудрость гласит: «Счастливые часов не наблюдают». Ценить каждый час своей жизни – задача непомерно сложная еще и потому, что наполняется этот самый каждый час заботами, делами и хлопотами автоматически. Лишь те ситуации, которые выбивают взрослого человека из его автоматического состояния, заставляют задуматься и о времени, и о смысле проведенного времени, т. е. о самой жизни.

Совсем другое восприятие времени возникает у взрослого человека, в жизни которого появляется ребенок. И не просто сын или дочь подруги. А ребенок, который каждую секунду, каждый час находится рядом с тобой. Поверьте, эта ситуация заставляет задуматься о том, как и чем заполнить жизнь ребенка. Моей дочке было 11 с половиной лет, когда под Новый год мы приехали ко мне домой и стали жить вместе. Она практически не умела читать. Школьный образ жизни сформирован был неправильно, так как она иногда приходила на второй урок, а иногда и на третий, появлялась без выполненных домашних заданий, ей все сходило с рук, так как она в обычной школе была на особом, явно привилегированном положении ребенка из детского дома. И единственное, что моей будущей дочке давала привилегия детского дома, – это заветные тройки. А какие еще могли быть оценки у ученицы четвертого класса, которая не могла толком прочесть даже условие задачи! Но если о школе у моей дочки имелись хоть какие-то представления о классе и учителе, то представления о домашнем образе жизни у нее не было вообще. Поэтому на время зимних каникул я, как слепая, ухватилась за дом. И мы стали его обживать.

Зимние фотографии

Все наши походы и прогулки на зимних каникулах сильнейшим образом истощили меня физически. Я буквально на себе носила свою дочь. Спустя много месяцев я, просматривая фотографии наших прогулок и поездок, заметила, что на всех зимних фотографиях моя дочь нигде не стоит самостоятельно. Вот она висит на мне, вот она буквально налегла на сына моего друга, а вот она

ухватилась сзади и почти всем своим весом пригнула мою подругу к земле. И я тогда подумала, насколько же тяжело стоять на земле своими ногами брошенным детям. Поверьте, что эта «висячесть» не есть детское стремление повозиться, поваляться, побеситься с другими детьми или взрослыми. Конечно, моя доченька постоянно заигрывала, дралась, толкалась, убегала и прибежала. Она была постоянно в движении. Но постоять спокойно и самостоятельно одну минуту, чтобы сфотографироваться, была для нее задача ни физически, ни психически непосильная.

Я осознанно первые месяцы позволяла своей дочурке висеть на мне. Себя я настраивала мыслями о нелегкой роли матери, которой приходится носить своих детей на руках с младенчества. Это правильное понимание, что ребенок растет благодаря энергии матери. Только материнская сила способна поставить ребенка на ноги в прямом и переносном смысле. И когда возникает ситуация, что ребенок лишается своих родителей по любой причине, то ребенок в первую очередь лишается именно родительской силы, родительской защиты, родительской энергии. И я знаю, что детский дом, какой бы он ни был, никогда не поставит на ноги своих воспитанников. По одной очень простой причине, мудрой и житейской, – никто не будет делиться своей энергией, чтобы каждого брошенного ребенка взять под «свое крыло». А энергии детдомовскому ребенку нужно во сто крат больше, чем ребенку, находящемуся под родительской защитой. Ребенку из детского дома нужна и энергия, чтобы справиться со своими прошлыми ужасами, и энергия, чтобы встать на ноги.

Страхи настоящего

Каждый ребенок, живущий в детском доме, мечтает о жизни в семье. Дети мечтают о маме, о папе, о том, как они будут вместе жить и радоваться этой новой жизни. Я думаю, что многие разговоры, которые дети ведут в детском доме, так или иначе крутятся вокруг их будущей прекрасной жизни с мамой и папой. И как всякие мечты, их мечты полны радужных надежд.

Но не только. Их мечты также полны и жутких страхов. Потому что все неизвестное является устрашающим. И мечты о будущей неизвестной жизни надежно извращаются самими детьми и самими условиями жизни в детском доме. Если бы каждый из этих детей мечтал о своей маме в одиночку, наверное, у него не было бы столько страхов. Потому что одному невозможно объять все имеющиеся в мире страхи. Но вот в группе девочек и мальчиков

это вполне возможно. Безусловно, в стороне не остается и преданный друг детей – телевизор. Так вот, в копилку мечтаний о будущей прекрасной жизни попадают все известные миру извращения, которые в принципе могут делать взрослые люди с детьми: бить, насилловать, продавать, убивать, заставлять мыть и убирать, морить голодом и т. п. Поверьте, этот список не так уж и мал.

Если на одном полюсе мечты о новой жизни с родителями «живут» страхи и извращения, то на другом полюсе этой мечты о будущей прекрасной жизни с новыми мамами и папами «живет» не что иное, как вожделение о богатой, потребительской и, я бы даже сказала, беззаботной жизни. Дети в разговорах о прекрасной, сытой и богатой жизни проводят никак не меньше времени, чем в разговорах об ужасах и извращениях, которые могут случиться с ними в жизни с их новыми мамами и папами. И, безусловно, рейтинг душещипательных бесед о страхах и прелестях значительно превышает рейтинг бесед об успехах в школе. Мечтания о будущей жизни разве могут сравниться с корпением над книгой или выполнением домашних уроков?

А теперь представьте, ребенок из детского дома с багажом мечтаний о беззаботной жизни и копилкой всех известных ему ужасов действительно оказывается с новой мамой в незнакомом городе. Как я уже писала, страхи прошлой «плохой» жизни меркнут перед страхами настоящего. Что может случиться с детдомовским ребенком в приемной семье? Вы видели, как избивали бедного мальчика в каком-то там селе какой-то там области? А как с нашими детьми обращаются в Америке? А сколько детей погибло от рук извращенцев в Италии? Вот эти вопросы волнуют общественность превыше всего. Потому что они дают пищу благородному гневу народа и повышают рейтинг телевизионных нечеловеческих шоу. Но никто не задумался над тем, зачем и кому вообще нужны детские дома? И зачем столько горя вокруг при неуклонном повышении материального уровня жизни россиян?

Страшны не страхи, страшны провокации

Мне тоже было страшно за наше настоящее. Потому что моя дочь постоянно меня провоцировала на агрессию. Она делала все возможное для того, чтобы я ее побила. А я делала буквально невозможное для того, чтобы вовремя остановиться и не поддаться на провокацию. Так мы и жили первый год в жутком напряге. На улице дочь на мне висела и на моей энергии познавала новый мир

нового для себя города, новой школы. А дома, наедине со взрослой женщиной, т. е. мной, она чувствовала себя маленькой и беззащитной и напрямую реализовывала все десятки раз обговоренные в детском доме страхи и извращения.

Жизнь идет по плану, и все ходы записаны

В первый же день, как только мы оказались с дочкой дома, она у себя в комнате построила наподобие пьедестала, сложив все диванные подушки друг на друга. Восседая на этих подушках (когда я ее увидела, мне почему-то сразу вспомнился отрывок из фильма «Джентльмены удачи», в котором Евгений Леонов впервые встретился в тюрьме со своими сокамерниками), моя дочь произнесла почти предвыборную депутатскую программу нашей будущей жизни. Она заявила, что у нее все рассчитано и что все должно идти по плану. Разумеется, по ее плану. И дальше, загибая ловко свои пальчики, мне было объявлено, что я должна завтра купить ей мобильный телефон, послезавтра я должна буду ей купить компьютер. Еще ей нужно много конфет, сладостей, «лизунов» и что нам скоро пора будет ехать в Египет. Моя дочь уверенно произнесла свою речь, и нельзя сказать, чтобы эта предвыборная депутатская программа меня не ошаршила. Я едва сдержала то ли смех, то ли слезы, и единственное, что я позволила себе сделать, так это с огромной силой выдернуть из-под нее самую нижнюю подушку. Дочка полетела на пол кувырком. Оказавшись на полу, она растерянно смотрела на меня, и в это время я произнесла: «Так вот зачем тебе нужна была мама? А я думала, что мы нужны друг другу, чтобы любить и помогать». Потом я как можно более спокойным голосом сказала, что иду на кухню готовить ужин и прошу ее подумать, зачем ей нужна я, т. е. мама.

– Мама, а что такое «ежовые» рукавицы?

– Это когда строго относятся к человеку и не дают ему делать что-то беззаботное или дурацкое? А где ты услышала такое выражение?

– В детдоме.

– Мама, а как понять «держат в черном теле»?

– В черном теле? Может быть, это не кормить сладким и вообще довольствоваться малым, только самым необходимым, не позволять излишеств и не стремиться к удовольствиям?

– А ты собираешься меня держать в «черном теле»?

– Я собираюсь относиться к деньгам и вещам бережно и покупать только то, что нужно. Сладости и фрукты лично мне нужны. И тебе они тоже нравятся. А всякие чупа-чупсы и чипсы мне не нужны и мне все равно, нравятся они тебе или нет. Их я покупать не намерена! А ты как думаешь, что такое «черное тело»?

– Мне девочка одна рассказывала в детском доме, но я забыла.

– Мама, а когда ты меня начнешь бить?

– А что, я должна тебя бить?

– Нам в детдоме много раз говорили, что если мы будем себя плохо вести, то нас будут бить.

– А хорошо вести себя не пробовала?

– Нет, мне интересно, как ты меня будешь бить? По лицу? Как моя прошлая мама?

– А что, если я не буду тебя бить, я не смогу стать твоей настоящей мамой? Если честно, мне не нравится, что ты всячески стараешься нарваться на грубость. Скажи, я выгляжу как грубая женщина?

– Нет, ты у меня очень умная!

– Тогда зачем мне тебя бить?

– А как же тогда? Я ведь плохо себя веду, да?

– Да, иногда ты злобное существо и тебя хочется придушить. А иногда ты слон, топающий и орущий. Но иногда ты добрая и отзывчивая. А еще ты очень смысленная!

– Да, я ужасно топаю!

– И еще ты здорово решаешь головоломки!

Жизнь как чаша весов, полная слез

Я иногда задумывалась, что означает выражение «жизнь как полная чаша». Понятно, что люди хотят, чтобы было много всего в жизни в смысле материального достатка и благополучия. Но если одна чаша полная, то противоположная чаша пустая?! И никаких колебаний весов не происходит. Все в максимальной противоположности друг от друга. Моя же жизнь в этот период представляла

собой именно колебание чаши весов то в одну сторону, то в другую. Весы как будто не могли утихомириться, принять какое-то определенное положение чаш. Пусть положение будет неравным, где-то больше, где-то меньше, но оно должно быть стабильным. И именно стабильным оно не желало становиться ни за что! Это лишало мою жизнь всякого спокойствия.

Домашняя жизнь моей дочери была беспокойной, импульсивной, агрессивной, громкой, плачущей, в общем, очень разной. Таковой становилась и моя жизнь, поскольку малейшие колебания приводили к взрыву. Эмоциональному взрыву. И единственным, что позволяло чаще весов просто раскачиваться, нежно и непринужденно, было эмоциональное сопереживание этих эмоциональных взрывов. К ним нельзя было подготовиться. Потому как нельзя было даже подумать, что совместный просмотр таких мультиков, как «Бемби», «Спирит» или «Вольт», приведет к безостановочным рыданиям. Я могла только плакать вместе с дочкой. Пока все ее слезы не иссякали, а силы нас не покидали. Я только могла надеяться, что рано или поздно такое состояние приведет к катарсису.

Молчи, несчастная!

Через некоторое время я стала специально рыдать громче своей дочери. Я выделяла своим громким от природы голосом такие душераздирающие звуки, что моя дочь была в шоке. Это случилось, когда я почувствовала, что дочь уже не хочет рыдать, но сама себя не отпускает и как бы цепляется на свое нытье. Тогда я стала намеренно передразнивать ее. Поначалу это приводило ее в бешенство. Но я упорно раз от раза «зеркалила» ее фальшивые завывания, намеренно доводила их до фарса и позерства. Я научилась отличать искреннее плакание от демонстративного завывания. Первому состоянию я сопереживала и всячески пыталась его поддерживать нежностью, пониманием, ласковыми словами. Со вторым боролась поистине актерскими методами, гиперболизируя завывания и стенания, превращая их в жуткий и отвратительный спектакль. Я хотела, чтобы моей дочери самой стало тошно и противно от такого фальшивого плакания.

В результате я научила свою дочь плакать тихонько, почти молча роняя слезы. Я не позволяла своей дочери во время рыданий заниматься самосожалением и на все стенания, как же ей не повезло в жизни, и как ее незаслуженно обидели, я тихо говорила: «Молчи, несчастная!» Я не помню точно, откуда, из какого фильма я взя-

ла эту фразу, но она как нельзя кстати действовала на мою дочь в нужном направлении. Завывания и стенания достаточно быстро, всего за год, превратились в тихую грусть и печаль, которую мы переживали как что-то нужное и неизбежное.

Великую силу искусства мы благодарим постоянно. Она не только лечит глубокие раны, она дает возможность душе пройти колебания чаши весов. Колебания без надежды на остановку. Дорогие родители, смотрите вместе мультики, фильмы, которые вам позволят испытать совместное переживание, и это будет таким мощным воспитательным процессом, что любая фальшь отстанет от вашего ребенка. А то, что фальшивых плакс полно на белом свете и без детских домов, я знаю определенно.

Задание № 3 для родителей.

Тема № 3. Истинные и вымышленные страхи приемного ребенка в замещающих (Опекунских, приемных, фостеровских или патронатных) семьях.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на три наиболее актуальных для Вашей семьи вопроса:

1. О каких тревожных состояниях своего приемного ребенка Вы узнали заранее из документов, рассказов воспитателей закрытого учреждения? Как Вы отнеслись к этим фактам из жизни своего будущего ребенка? Опишите, пожалуйста, ваше собственное эмоциональное состояние, когда Вы впервые увидели своего будущего сына или дочь?
2. Какие Ваши ощущения подтвердились в течение дальнейшей совместной жизни с приемным ребенком, а какие оказались надуманными, напрасными:
 - 2.1 Опишите, пожалуйста, свои напрасные ощущения, порожденные, возможно, страхом, или излишним беспокойством, или общей тревожностью, как можно точнее. Проанализируйте, с чем или кем были связаны ваши «ложные», надуманные ощущения? Напишите, почему они не оправдались?
 - 2.2 Опишите, пожалуйста, свои ощущения, которые в течение Вашей совместной жизни подтвердились? Вспомните и проанализируйте время появления этих правомерных ощущений. Напишите, пожалуйста, в каких ситуациях они оказались правильными, интуитивно предполагаемыми?

3. Какие страхи Вашего приемного ребенка были связаны с его прошлыми переживаниями, испытаниями, злключениями? Какие страхи оказались на поверхности через какое-то время?
4. Какие страхи Вашего приемного ребенка были связаны с привыканием к вашей семье, к вашим кровным детям, вашим родным, близким, вашим друзьям?
5. Какие страхи Вашего приемного ребенка оказались связаны с представлениями о будущем? Какие представления о своем будущем были сформированы у него в течение его проживания в закрытом детском учреждении?

- Список рекомендуемой литературы по теме «Детские страхи»
- Вайзман Н.* Реабилитационная педагогика. – М., 1996.
- Вологодина Н.Г.* Детские страхи днем и ночью. – М.: Феникс, 2006. – С. 106.
- Захаров А.И.* Дневные и ночные страхи у детей. – СПб: Речь, 2005. – С. 320.
- Изард К.* Эмоции человека. – М., 1980.
- Леви В.Л.* Приручение страха. – М.: Метафора, 2006. – С. 192.
- Левис Ш., Левис Ш.* Ребенок и стресс. – СПб, 1997.
- Макарова Е.Г.* Преодолеть страх или искусство-терапия. – М., Школа-Пресс, 1996.
- Панфилова М.А.* Страхи в домиках. Диагностика страхов у детей и подростков // Школьный психолог. – 1999. – № 8. – С. 10–12.
- Панченко С.А.* Мне страшно... Я боюсь // Школьный психолог. – 2002. – № 14. – С. 8–9.
- Спиваковская А.С.* Профилактика детских неврозов. – М., 1988.
- Фридстад М., Арнольд Дж.* Ребенок с эмоционально неустойчивым характером. – СПб: Питер, 2004. – С. 272.
- Шишова Т.* Страхи – это серьезно – М.: Издат. дом «Искатель», 1997. – С. 94.

Глава 4.

ВОЗРАСТНОЙ РЕГРЕСС

Для многих родителей и даже специалистов в области педагогики такое понятие, как *возрастной регресс*, либо незнакомо, а следовательно, проходит *без должного внимания*, либо знакомо частично.

Понимание психологической сущности явления возрастного регресса чрезвычайно важно как диагностически значимый показатель психологического здоровья ребенка и ориентир в поиске адекватных методов его поддержки. В современной психологии представлена характеристика различных сторон возрастного регресса.

Если мы говорим о понятиях *регресс* (лат. *regressus* – «возвращение») и *регрессия* (лат. *regression* – «движение вспять»), то мы можем детерминировать их как отход от уже пройденного, от более высоких форм развития к более низким.

Читаем в словаре: *регрессия*¹ (лат. *regression* – «движение вспять») [Freud S., 1900]. Один из механизмов психологической защиты, при котором субъект возвращается к формам поведения, типичным для предшествующих стадий его развития. В трудных ситуациях человек, подобно ребенку, проявляет свою зависимость от окружающих, отказывается от самостоятельности в поступках,

¹ Толковый словарь психиатрических терминов В.М. Блейхер, И.В. Крук / Под ред. С. Бокова. – М.: Издательство «МОДЭК», 1995. – С. 640.

от приема собственных решений, от своей ответственности за что-либо. Это явление играет большую роль в развитии госпитализма, в уходе в болезнь, бегстве в мир мечтаний.

*Регрессия поведения*¹ – форма психологической защиты, состоящая в возвращении к ранним, связанным с детством типам поведения, переходе на предшествующие уровни психического развития и актуализации успешных в прошлом способов реагирования. Регрессивное поведение проявляется в стрессогенных ситуациях, адекватное поведение в которых оказывается невозможным для индивида в силу их высокой значимости, новизны, сложности или психофизиологического состояния самого индивида (усталость, болезнь, регрессия возраста в гипнозе). В психоаналитических теориях регрессивное поведение рассматривается как неэффективная защита, поскольку индивид вместо того, чтобы справиться с ситуацией, вынужден уйти от реальности, возвратиться к той стадии развития личности (согласно онтогенетической модели З. Фрейда), в которой переживалось чувство удовольствия. В когнитивных теориях под регрессией поведения понимаются обращение к более примитивным схемам познания и действия при взаимодействии с новой, сложной ситуацией, что служит источником дальнейшего прогрессивного развития личности. В теориях творчества также отмечается позитивная роль способности личности к целенаправленной регрессии поведения при решении творческой задачи, позволяющей достигать оригинальные, нестандартные результаты за счет снятия социальных барьеров на стадии генерирования идей. Таким образом, регрессия поведения может осуществляться по отношению к различным уровням реализации деятельности и сферам личности – мотивационно-потребностной, смысловой, целевой, операциональной.

Виды детской регрессии

Кратковременный регресс навыков – возможен в ситуации, вызывающей страх, в ослабленном состоянии после болезни или в состоянии усталости.

Регресс эмоциональной регуляции – проявляется в условиях эмоционального истощения: любой маленький ребенок, скорее всего, прибегнет к менее зрелым и более мощным по своей защитной функции формам реагирования на аффективные трудности.

¹ Психологический словарь «ПЛАНЕЯ». – <http://planey.ru/index.html>.

Кратковременный неглубокий регресс поведения и способов аффективного реагирования, возможный в ситуациях, связанных с изменением всей системы жизненных стереотипов семьи (например, в случае рождения нового ребенка).

Регресс из-за нетерпимости, несоответствия образцу – тенденция поначалу отказываться применять на практике навык, несовершенство которого по сравнению с образцом взрослого или собственного поведения бросается в глаза ребенку.

Особенно часто родители сталкиваются с *речевым регрессом*, когда ребенок начинает говорить, как маленький, не свойственным его возрасту образом. Однако возрастной регресс имеет вероятно важное значение, если мы имеем дело с приемным ребенком. Как правило, приемный ребенок не только педагогически запущен, поскольку его кровные родители не занимались с ним, не готовили его к школе и т. п. Чаще всего приемный ребенок имеет задержку психологического развития. Насколько серьезной может быть задержка психологического развития ребенка из детского дома, может определить только специалист. Но родителям следует понимать, что их приемный ребенок в любом случае не мог гармонично развиваться как личность в *негармоничной воспитательной среде*. Именно поэтому в приемной семье возникают благоприятные условия для того, чтобы ребенок, ранее лишенный заботы и внимания, смог *пройти с самого начала свой путь*. И если в природе все живое развивается циклично, в согласии с временами года, климатическими, географическими особенностями, то можно метафорично сказать, что *приемный ребенок получил право «прожить еще одну свою весну»*. Так как именно весной все оживает, начинает бурно развиваться от почек к листочкам, от семени к росткам.

Практически каждый приемный ребенок в той или иной форме переживает возрастной регресс. И очень важно, чтобы на этот раз все произошло правильно и гармонично, *под контролем приемных родителей*.

Регрессия может выступать *не только как симптом невроза или психоза, но и как способ восстановить утраченное равновесие и расширить горизонты психической субстанции*. Именно регрессия активизирует образы и выводит их из области *бессознательного*. Регрессия способствует обогащению сознания, поскольку содержит – пусть и в недифференцированной форме – *зерно нового психического здоровья*. Она извлекает из бессознательного такие

содержательные элементы, которые действуют в качестве «преобразователей энергии» и способны вернуть психическому процессу *прогрессивную направленность*.¹

Страницы из дневника приемной матери.

Возрастной регресс

Регресс был ожидаем. Я не знала, как и когда, но я знала, что моя дочь будет регрессировать. Еще бы! Одиннадцатилетняя девочка приезжает в совершенно незнакомый город с незнакомой тетей, которая является единственным проводником в ее новой жизни. Испугается кто угодно. Поэтому самый удобный способ начать осваивать пространство – стать маленькой! Все маленькие детки ничего не знают об окружающем их мире. И они без какого-либо понимания его осваивают, в первую очередь физически, а уж потом эмоционально и интеллектуально. Поэтому моя дочка стала лазить по нашей квартире на четвереньках и чувствовала себя комфортно, даже порой радостно. Ходить моя дочь резко отказывалась. Даже на кухне, чтобы сесть за стол, она сначала вползала под стол и только потом переползала с пола на кресло.

Маленькое «Я»

Проблему возрастного регресса я не считала чем-то сложным. И меня не шокировало ползание моей дочери исключительно на четвереньках. Но меня пугало то обстоятельство, что моя дочь в день по двадцать раз произносила такое слово, как «плохая». Шнурок на кроссовке развязался – «плохая». Мыло убежало из рук – «плохая». Тетрадка не находится – «плохая». Я прошу читать – «плохая». На завтрак манная каша – «плохая». Короче, ничего хорошего! Если что-то не так или что-то дочурка не может сделать сразу или если она это не любит, а не любит она все, чего не знает и чего никогда не пробовала, – все это тут же приобретало статус «плохая». Причем независимо от одушевленности и пола. На все моя дочь реагировала одним словом, сопровождая его надутием губ, сдвиганием бровей, злым взглядом из-под лба, уползанием под стол хоть компьютерный, хоть обеденный, зарыванием в подушки. Рано или поздно накопление плохого настроения за счет реакции «плохая» заканчивалось слезами и истерикой. И такая ситуация, когда в подростковом теле двенадцатилетней девочки

¹ Юнг Карл Густав Человек и его символы. – М.: Изд-во «Серебряные нити. Медков С.Б.», 2006.

жило маленькое, несоразмерное ее годам детское «Я», меня изводила больше всего. По сути, моя доченька была маленькой девочкой с удивительно большим телом.

Сначала я пробовала дочке объяснить, что шнурки никакие не «плохие», что они просто шнурки, которые нужны для того, чтобы кроссовка не слетала с ноги и чтобы моя доченька могла в кроссовках быстро бегать или ловко прыгать. Я объясняла, что мыло не может быть «плохим», что оно само по себе скользкое и что даже есть такая загадка: «Ускользает как живое, но не выпущу его я, дело ясное вполне – пусть отмоет руки мне». Моя дочь внимательно слушала загадки, так как она их любила. Еще моя дочь очень любила стихи, поэтому с манной кашей я справилась с помощью песенки Вероники Долиной и рассказа Драгунского «Все тайное становится явным» о том, как мальчик выкинул манную кашу в окно и она упала на фуражку милиционера.

Надо сказать, что мои объяснения принимались только в форме сказок, басенок или рассказов от лица тех предметов, которые моя дочь усердно обзывала «плохими». Я никогда в жизни не придумывала столько историй на тему того, что думают шнурки, тетрадки и кружки о том, как с ними обращается такая замечательная девочка – моя дочь. И уж, конечно, мне пришлось стать главным действующим лицом в рассказах о себе самой. Все же творчество – это потрясающий вирус! Если поселится, то надолго! И этого времени нам было достаточно лишь для того, чтобы нам самим стало весело и нескучно. Мы гуляли и сочиняли рассказы и стишки, а реакция «плохая» приобретала все больше оттенки равнодушного автоматизма. Уже брови реже хмурились, губы не так сильно кривились, а тельце пряталось, но частями.

Однако от автоматизма избавиться за один год невозможно. Как только я почувствовала, что слово «плохая» выскакивает без примеси злобы, сердитости или агрессии, я вообще перестала обращать на него внимание.

У кротона сильные листья

Мне хотелось своей дочери купить растение, чтобы она могла ухаживать за ним и вместе с ним расти. Поскольку моей дочери скоро исполнялось 12 лет и, на мой взгляд, это уже достаточно осмысленный возраст, мой выбор пал на растение под названием *кротон*. Я выбрала в магазине самое сильное по ощущениям деревце. У него были большие разноцветные листья: от желтого

до зеленого и от розового до свекольного. Его резные листья были красиво очерчены каймой и внутри были четкие прожилки. А еще у выбранного мной кротона было много только-только появившихся на свет маленьких листочков, которые вполне соответствовали маленькому «Я» моей взрослеющей дочурки.

Я принесла кротон и определила ему местечко на подоконнике у компьютерного стола, за которым делала уроки и мои задания дочь. Надо сказать, что никаких детских восторгов не последовало – дочь просто не заметила нового растения в своей комнате. И мне пришлось обратить ее внимание на сильные листья с четкой структурой прожилок, на разные цвета, которые гармонично сочетаются на одном растении, и на маленькие растущие листочки. Если честно, то я очень надеялась на то, что моя дочь возьмет под свое крылышко это удивительное растение. Но мои надежды были напрасными. Как и многое другое. Моя дочь, видимо, сама еще нуждалась в опеке и не была настолько самостоятельна, чтобы взять под опеку что-нибудь живое. Хотя разговоров о щенке ходило много и просьба о котенке не меньше. И это при том, что с нами жила потрясающая кошка Тигра.

А к кротону я наведывалась в гости. Я любовалась тем, как раскрываются его листочки. Я протирала его большие резные листья. Я поливала его и приговаривала хорошие слова. Все это я делала в присутствии своей дочери. Иногда она с удовольствием принимала участие в делах по уходу за нашим кротоном. А иногда была увлечена чем-то своим и только поглядывала издали за моими действиями. Так или иначе, кротон и до сих пор остался нашим цветком и не перешел под «юрисдикцию» моей дочери, хотя и живет на ее подоконнике.

Искусственный мир

Иногда взрослый человек становится жертвой своих же заблуждений, которые ни на чем конкретном не основаны. Одно сплошное вымышленное предположение. Почему-то бытует устойчивое мнение о том, что если человек долгое время был обделен лаской и вниманием, не был окружен заботой и теплотой, то у него эта потребность обязательно должна реализоваться в обратном действии. Имеется в виду, что этот обделенный заботой человек будет с упоением ухаживать за кем-то или за чем-то другим, нуждающимся в его внимании и уходе, потому что он по себе знает, как это плохо, когда тебя бросили или тебе не уделяют внимание другие.

На моем опыте эти вещи оказались не связаны друг с другом. Более того, я убедилась, что обделенный заботой человек даже понятия не имеет не только о том, как ухаживать за другими, но и как проявляется человеческая забота в принципе. Откуда возьмется желание сделать что-то хорошее для другого человека? Какой уровень заботы нужен тому или иному живому существу? Как помнить о том, что рядом с тобой находится целый мир, за которым нужно ухаживать? И когда это делать? Все эти вопросы получают свои достойные ответы лишь с опытом.

Мы живем в очень искусственном, а порой и вымышленном мире. Мы не топим печь или не разводим огонь в камине, чтобы согреться. Мы живем в квартирах, а не в домах. Мы не сажаем растения и деревья вокруг многоэтажных домов, потому что это пространство мы не считаем своим. Мир, в котором мы живем, намного искусственнее, чем мы сами о нем думаем. Если мы вообще думаем. Поэтому и опыт ухода, заботы тоже совершенно неестественный. Наш опыт является опытом искусственного, скорее насыщенного происхождения. Безусловно, мир вокруг нас меняется. Появляются новые образы жизни, новые строительные материалы, новые истории. Но отношения между людьми не становятся теплее, добрее, милосерднее. Потому что для нас неестественным становится забота о ближних своих так же, как и о братьях меньших своих. Поэтому нужно сотню раз напомнить ребенку о том или ином действии, чтобы это действие смогло войти не просто в выработанную годами привычку, а в интересную потребность окружать себя растениями, животными, рыбками!

На все нужна внутренняя энергия, которая осознанно выделяется самим человеком, потому что только тогда это является осмысленным действием. Состоятельные люди предпочитают покупать данную энергию в виде услуг по уходу за аквариумами, выгулу собак и т. п. Но от этого потребности делать окружающий мир добрым, отзывчивым, чувствительным не возникает и в принципе возникнуть не может. А профессиональные услуги по уходу, заботе о живых и неживых с каждым годом становятся все более востребованными и все более высокооплачиваемыми. С одной стороны, люди в искусственном мире нуждаются в теплоте и внимании. С другой стороны, они все меньше учатся сами заботиться и все меньше наставляют и учат своих потомков заботиться о том мире, в котором они живут сейчас и будут жить дальше.

«Учитесь на кошках»

Знаменитая фраза Бывалого «учитесь на кошках» не случайна для советского периода. Как научить ребенка тактичности, самостоятельности, своевременности, нежности, терпеливости и многому другому? Как воспитать в ребенке «золотой» характер, чтобы он мог и свои интересы реализовать, и интересы других людей учитывать, чтобы легко было сотрудничать, взаимодействовать, понимать других людей? «Учитесь на кошках» – это очень осмысленный совет, если к нему относиться серьезно. Наш мир превращается в искусство развлечения, в котором нет места живой естественной природе. Скорее мы стремимся к экзотике Красного моря, к содержанию совершенно не свойственных нашему климату редких животных, чем к обычному, но ежедневному проявлению любви и тепла ко всему, что нас окружает.

Пока никакой осмысленности в действиях моей дочери не видится. Она после напоминания может полить кротон, убрать за нашей кошкой Тигрой туалет. Но самостоятельно моя дочь этого не сделает, даже если кошка будет просить мою дочь обратить внимание на ее горшок! Даже если на глазах моей дочери будут падать один за другим листья кротона, ей не придет в голову его полить. Эти вещи связываются в сознании каким-то естественным чудом, называемым душевным воспитанием, откликом души. Либо ребенок откликается на потребности живых существ и удерживает сознательно в своем внимании их мир, либо мы, родители, обречены сотни раз напоминать своим детям о том или ином необходимом действии. А выполняют ли они нашу просьбу через несколько лет? Лично я не уверена.

Когда ребенок становится взрослым

Давным-давно я прочитала один фантастический рассказ, который меня очень удивил и продвинул. В нем люди с планеты Земля прилетели на другую планету. И инопланетяне их посадили в клетку. Люди возмущались нечеловеческим отношением к ним. Потом, как оказалось, и в клетке можно жить. Люди жили в клетке, а инопланетяне за ними наблюдали. И в один из дней этой самой жизни в клетке люди поймали мышку. И что они сделали? Они соорудили клетку и посадили в нее мышку. И тут же были выпущены на волю инопланетянами, так как люди этим действием доказали свою разумность другой инопланетной расе.

Я думаю, что родители и дети – это разные расы, как в этом фантастическом рассказе. А воспитание – это процесс не только пассивного наблюдения, но и период активного создания ситуаций различной сложности. Дети живут в «клетке», а родители наблюдают, как их дети справляются с жизненными ситуациями. Что такого должны сделать их дети, чтобы родители осознали, что их родные дети повзрослели, выросли? Какое действие детей в «клетке» должно продемонстрировать родителям, что их дети готовы к вольной жизни и что пора их выпускать на свободу?

Лично для меня доказательством взрослости является ответственность. Пока мой ребенок на мои вопросы отвечает в разных ситуациях «Не знаю», «Это не я», «Плохая», «Я ничего такого не делала», «Мне все равно!», «Ну и что?», «А что здесь такого?» и т. п., я понимаю, что как родитель я не подготовила своего ребенка ко взрослости, я не смогла организовать в его жизни такие ситуации, в которых мой ребенок смог бы научиться взять ответственность и признаться, что именно он, а не кто-то другой, в этой ситуации схалтурил, солгал или просто забыл. И хотим мы того или нет, но именно забота и ответственность являются мерилom взрослости и ключом к свободе ребенка от родительской опеки и заботы.

Пока мы должны с моей дочуркой пройти огромное количество ситуаций на пути выращивания ее детского, маленького «Я» во взрослеющем теле. Но, как говорится, правильно поставленный вопрос приводит к правильному ответу.

Полоса препятствий

Обнаружилась неплохая физическая форма. Все-таки ползать на четырех точках быстро и шустро не каждому дано. Потому что не каждый ребенок Тарзан. Моя дочь мне напоминала хорошо тренированную обезьянку. Она за все цеплялась и передвигалась немного боком. Когда в школе за ней закрепилась эта кличка – обезьянка, моя дочь обиделась.

Надо сказать, что осваивать школу мы начали с околошкольного пространства. А именно – с единой полосы препятствий, которая была построена на школьном стадионе. Дочь очень хотела научиться ее проходить, особенно разрушенный мост и лестницу. У меня глаза закрывались сами собой от страха, когда дочь лезла на тонкие бревна да еще и перепрыгивала с одного бревна на другое через приличное расстояние и на приличной высоте. Каждый раз, когда мы проходили мимо, моя дочь спрашивала у меня раз-

решение пройти полосу «докуда смогу». И каждый раз, замирая сердцем, я разрешала, подготовившись ее ловить или как-то под-держивать при возможном падении. Но она отлично научилась проходить полосу: и лабиринт, и мост, и барьер, и окно. Загвоздка была только в лестнице. Руки были слабоваты: она висела на перекладине и любая попытка одной рукой ухватиться за другую, следующую перекладину приводила к срыву. Дочь потирала руки и говорила: «Ничего, ничего, вот завтра я тебе задам!»

Как правило, после школы многие дети «застревают» на школьном стадионе, чтобы погонять мяч, полазить, побегать, повисеть, в общем, размяться после сидения за партой. Моя дочь очень внимательно смотрела, кто как лазит. И один мальчик ей показал, как проходить лестницу. Мальчик раскачивался всем телом. И это ему помогало дотягиваться одной рукой до следующей перекладины. Моя дочь быстро освоила эту технику и ловко прошла пять или шесть перекладин сразу. Это была победа. С одной стороны.

А с другой стороны, такая жажда спортивных достижений сильно отдаляла ее от девочек в классе. И поскольку моя дочь вообще не была похожа на девчоночью половину класса, а к мальчикам она относилась изначально с изрядной долей презрения, то в классе ей было действительно одиноко и страшно. А тут еще и такая кличка за ней закрепилась – «обезьянка». Для ученицы четвертого класса это была слишком детская кличка и напоминала скорее детский садик, чем школу.

Дочь сильно переживала по этому поводу и каждый раз, когда мы после школы ловко и шустро проходили полосу препятствий, мы с ней обсуждали, что такое прозвище скорее всего обозначает ее преимущество. Ничем другим из учебного школьного образа жизни мы похвастаться не могли. А после того, как несколько человек похвалили мою дочь за ловкость в прохождении лестницы на спортивной площадке, моя дочь наконец-то расслабилась и перестала обижаться на прозвище «обезьянка». И, конечно, очень скоро ее перестали так называть.

Мы с дочкой много занимались физическими упражнениями. Для того чтобы хоть как-то укрепить вестибулярный аппарат, мы крутились на круге, стояли на одной ноге с закрытыми глазами, висели вниз головой. Для того чтобы сформировать внутреннюю уверенность в себе, мы отмечали позитивную динамику успехов именно в прохождении лестницы и всей полосы препятствий в

целом. Мы каждые выходные ходили на плотину, в детский городок, туда, где были в городе установлены более или менее сложные металлоконструкции, и там занимались. За полгода моя дочь окрепла физически, выросла на 10 см и поверила в свои способности. И ее маленькое «Я» подросло.

Головоломки

Огромную роль в преодолении возрастного регресса сыграли головоломки. Надо сказать, что лично мною как детским психологом было создано много разрезных головоломок, которые моя дочь собирала почти маниакально. Было очевидно, насколько за все прошлые годы моя дочь истосковалась по интеллектуальным задачкам. Если ребенок не умеет и поэтому не любит читать, то ему становятся недоступны многие интересные задачи, ребусы, загадки, задания.

Но для того, чтобы у своей дочери сформировать, а потом и развить такие умения, как чтение и грамотное письмо, требовалось достаточно большое количество времени. С головоломками же все было просто: в них читать не нужно. Поэтому я и остановилась именно на решении головоломок. И здесь особую роль сыграли головоломки Красноухова. А когда моя дочь сложнейшую головоломку «Золотая цепь» собрала за полминуты, мы обе были счастливы.

Речевой регресс

Успешное решение головоломок и укрепление духа с помощью физических упражнений помогли нам справиться с возрастным регрессом. Но только не со словесным. У меня было такое ощущение, что аудиальное развитие моей дочери застряло на этапе ее общения со своей родной бабушкой, т. е. на двухлетнем возрасте. Именно с этого возраста мы и начали свое продвижение по линии времени.

Мы с дочкой договорились, что всю неделю дома (наши договоренности не касались школы, в которую надо было ходить независимо от наших намерений) моя дочь будет разговаривать как двухлетняя девочка. И я с ней стремилась разговаривать именно как с маленькой девочкой. Я надеялась, что моей дочке самой надоест сюсюканье и возня вокруг нее. Но я крепко ошибалась. Моя дочь получала огромное наслаждение, когда говорила как маленькая и когда я к ней обращалась как к маленькой девочке. Все до-

машинные заботы легли полностью на меня. Я не могла попросить свою девочку почитать, я могла только сама читать ей сказки, детские стишки, петь песенки.

Иногда я просила свою дочку петь. Она это делала с удовольствием. Оказалось, что она знает много песен. Однако репертуар этих песен был детдомовский. От «Жил на поляне розовый слон» до «Ведь так не бывает на свете, чтобы без мам росли дети». На этом фоне особо выделялась песня про дельфина. Почти каждый день моя дочь, как нищенка в метро, жалобным детским голоском пела мне о том, как у дельфиненка умерла мамочка. При этом эмоциональное состояние моей дочери были близко к радостному, почти эйфорийному. Она радовалась жалобности и плакучести самой песенки и во все глаза смотрела, какой ужасающий эффект ее песенка производила на окружающих. Это меня бесило больше всего! Моя дочь буквально доводила меня и моих друзей этой песней.

Так проходила неделя за неделей. Вот моей дочке уже 3 годика. А вот она выросла, и ей уже 5 лет. Я показывала своей дочке мои детские фотографии, где мне было 5 лет, чтобы она хотя бы понимала наглядно, о каком возрасте идет речь и что может в таком возрасте ребенок, а чего еще не может. А песня о гибели матери дельфиненка все пелась и пелась.

На седьмом году жизни (мы с дочерью договорились, что теперь будем за неделю преодолевать по два года жизни) я взбунтовалась и предложила своей «первокласснице» на выбор: либо поставить песню под запрет, либо переписать ее слова и пусть мама найдет. Дочь сказала, что перепишет слова. И как-то раз она пропела мне на этот же жуткий мотивчик песню про дельфина, у которого мама нашлась! Это было великое достижение за первый год нашей общей жизни. Больше моя дочь не пыталась петь эту песню дома. Но на летних каникулах в туристическом лагере она «порадовала» у костра всех детишек и взрослых своей песенкой. Об этом событии мне рассказала руководитель лагеря. Видимо, в незнакомой обстановке моя дочь не могла себе отказать в удовольствии смутить всех нормальных детей и взрослых этой шокирующей подробностями слезоточивой песней, разученной специально в детском доме.

Как только нам исполнилось «семь лет», я взялась за прохождение школьной программы. Мы все начинали с первого класса и параллельно со школьной программой четвертого класса

проходили дома программу первого, а потом второго и третьего классов по русскому языку. С математикой дело обстояло не так плохо, и я сконцентрировалась на грамотном письме и чтении. Как я уже отмечала, школьные навыки сформированы не были. Моя дочь писала левой рукой. Почерк был невыносимо коряв. При подобном нарушении эмоционально-волевой сферы какой еще может быть почерк?!

Однако сложности были не только в том, что моя дочь писала буквы некрасиво. Одна из важных проблем была связана с отсутствием внутреннего контроля в принципе: как визуального, так аудиального и кинестетического. Если моей дочери нужно было написать слово из трех букв, то она могла его написать некрасиво, но было понятно, что это за слово. Если в слове было больше трех букв, то слова не было вообще. Был набор непонятных букв. Таким образом, я понимала, что, во-первых, речевое отставание в развитии основано на отсутствии внутренней речи, с помощью которой ребенок не только сам себе диктует слово по буквам или по слогам, контролируя свое письмо, но и в принципе осуществляет самоконтроль и самоподдержку.

Во-вторых, связь между визуальной, аудиальной и кинестетической системами восприятия не была сформирована, т. е. руки писали сами по себе, глаза во время письма непонятно чем занимались и на что смотрели, а ее уши и рот тоже не помогали рукам писать.

В-третьих, проблема усугублялась сильнейшим зажимом в области горла, из-за чего затруднялось и формирование навыков чтения, и сама речь. Например, у моей дочери была очень хорошая аудиальная память. Но, даже выучив наизусть стих, она не могла его рассказать на положительную оценку, так как она постоянно запинаясь, сглатывала и поэтому делала огромные паузы, которые не позволяли ее стиху звучать как именно стиху: никакой поэзии в таком говорении не было.

С сюсюканьем и коверканием слов мы едва справились. Но на возрасте первоклассницы мы и остановились. Влипли мы крепко. И я поняла, что начинать надо вообще с азов – с дыхания: пока мы не уберем ком обиды в горле, моя дочь не сможет нормально говорить и читать. А пока она не может говорить без сбоев, она не сможет писать грамотно. Поэтому школьные трудности я также разделила на части и каждую часть обеспечила своими правилами жизни.

Этапы преодоления речевого регресса: дыхание

Итак, мы стали заниматься дыхательными практиками. В принципе, многие даже взрослые люди дышат таким образом, что при вдохе живот втягивается, а при выдохе наполняется. Конечно, правильное дыхание предполагает все с точностью до наоборот: при вдохе живот расширяется и наполняется воздухом, а при выдохе он втягивается. У моей дочери вдох был коротким, плечи поднимались и зажимали горло. Воздух застревал на уровне горла и до живота вообще не доходил. Следовательно, живот в дыхании не участвовал. При таком коротком вдохе в принципе говорить длинно и гладко невозможно. Поэтому речь ее была прерывиста, звуки не дотягивались, равно как и не договаривались и даже не допевались. Усиленный нажим на первые слоги и проглоченные последние слоги (окончания слов) – данная техника речи, чтения, пения кочевала от слова к слову. Естественно, такая внешняя речь не могла сформировать ни работу над каждым словом при письме, ни нормальное согласование падежей, окончаний и т. п.

После первых же занятий я поняла, что занятия дыхательными практиками зависли в воздухе. Моя дочь первый вдох делала правильно, но уже на втором вдохе плечи опять поднимались и дыхание глубже не проходило, а живот, как полагается при вдохе, не наполнялся воздухом. Дело в том, что ребенку трудно действовать только из одного абстрактного понимания, что дышать надо правильно. Нужно было найти поверх «надо» интересный смысл правильного действия.

«Ах, флейта, флейта – продолжение горла» (Геннадий Жуков)

Проще говоря, ребенок будет упорно заниматься дыханием для чего-то, скажем, для того, чтобы играть на флейте. И мы стали заниматься дыханием для того, чтобы вытягивать нотки на флейте. Все сразу сдвинулось с плече-горлового уровня дыхания. Наша учительница – молодая девушка – объяснила и показала, как нужно дышать, чтобы флейта звучала, и звучала красиво и сильно. Сначала моя доченька тянула нотку на флейте на два счета. Это очень мало. Но мы занимались. Через несколько недель моя дочь вытянула нотку на три счета. При этом я тянула ноту на 12–13 счетов. Мой пример вдохновлял дочь. А то, что мы вдвоем учили нотки и расположение пальчиков на клапанах флейты, вдвоем учились дышать, все это нас радовало и окрыляло. Сама флейта была окутана волшебством. А мы, играющие (это пока громко ска-

зано, просто извлекающие из нее звуки), смотрели друг на друга сияющими глазами, особенно когда звуки получались чистыми в соответствии с октавами.

Этапы преодоления речевого регресса: обида

Параллельно с игрой на флейте мы прорабатывали обидные события из прошлой жизни моей дочери, до которых мы раньше и дотронуться не могли! Чем глубже дышала моя дочь, тем больше «открывалось» горло моей дочери. Чем на большее число счетов она держала нотку, тем больше удовольствия мы получали от игры на флейте и тем ранимее и чувствительнее становилось воспоминание ее прошлой жизни. Несмотря на то, что моя любимая «железная агрессорша» стала более ранима, именно в такие минуты моя дочь могла хоть что-то рассказывать о том, что с ней происходило там, в далеком темном прошлом. И если раньше она просто давилась слезами, мычала и гыгыкала, то теперь слезы могли градом катиться по щекам и литься свободно. В такие моменты мы сразу вспоминали о правильном дыхании и смогли научиться сочетать глубокие вдохи и выдохи с градом слез.

Постепенно зажим в области горла уже не так сильно давил на мою дочь и ее речь, хоть и жутко сбивчивая (окончания по-прежнему глотались, а то и прихватывали всю вторую половину слова), стала возможна!

Проблески правды на пути прощения

Появились первые проблески правды. Если раньше моя дочь ловко придумывала себе прошлое и частенько фантазировала на эту тему, то теперь чаша весов стала колебаться в сторону ее истинных переживаний. Возможно, реально события происходили совсем не так, как рассказывала о них моя дочь. Я это учитывала, но для меня было важнее всего само чувство, само эмоциональное состояние дочки в настоящем времени. Мне было не так важно, хотели люди из прошлого обидеть этого ребенка осознанно или этот ребенок сам обиделся. Важна была только ее реальная обида. И самым главным был путь прощения. Я просила свою дочь простить всех людей, которые ее когда-то обижали. Мы не искали виноватых. Я пресекала любую версию того, что моя дочь была незаслуженно обижена и что все вокруг только и делали, что ей вредили. Я также пресекала разговоры другого плана, из которых мог быть сделан вывод, что моя дочь вела себя плохо и заслужила плохое обращение с ней и что люди правильно делали, что ее били и оставляли одну.

Я изначально не становилась ни на какую сторону этих «обидчивых» баррикад, потому что у меня была своя сторона – это наша настоящая жизнь с дочерью. Я осознанно не впадала в состояние справедливого гнева «как они могли!», хотя удержаться от этого было не просто. Конечно, получаемая информация меня и шокировала, и возмущала, и удивляла, но я стойко решила запретить себе оценку того, что произошло раньше с моей дочерью. Я была твердо убеждена в том, что для нас имеет значение лишь наше настоящее и то, с какой силой чувств моя дочь переживает свою прошлую жизнь. Именно в своих настоящих чувствах я и помогла своей дочери разбираться, смотреть на них, анализировать свое собственное поведение сейчас, а не впадать в злобу и ненависть к тем, кто не имеет сейчас никакого отношения к ее настоящей жизни. Я усердно просила свою дочь простить их. Не сразу и не всех. А каждого и честно. Мы вместе пересматривали по возможности все болезненные ситуации из прошлой жизни дочери и прощались с ними.

Некоторое время моя дочь хотела на них злиться. Я это не поддерживала. И объясняла, что злость отравляет нашу настоящую с ней жизнь. Я много говорила о том, что у каждого человека своя правда, свой взгляд на то, что происходило давным-давно. И эти правды могут не совпадать. И мнения людей тоже расходятся по одному и тому же вопросу. Я никого не собиралась оправдывать – ни свою дочь, ни тех, кто был с ней рядом в прошлом. Я защищала наше настоящее как могла. Поэтому я считаю этот период нашей жизни – 4-й, 5-й, и 6-й месяцы – самым тяжелым: мне приходилось 20 часов в сутки и семь дней в неделю быть психологом, психотерапевтом и лишь несколько часов в неделю на мою долю выпадала счастливая роль матери.

Однако и в этой части чаша весов колебалась и постепенно роль матери меня радовала все чаще и чаще. Пока не осталась роль воскресного психотерапевта. Уж не знаю, почему именно воскресный день из прошлого моей дочери вонзился в наше настоящее истериками и агрессией, могу только догадываться. Но воскресенья мы взяли под особое наблюдение и старались как можно больше времени проводить в лесу, на плотине. Благо осень нас баловала, и мы с огромным удовольствием проводили все воскресные дни на природе: собирали грибы, разводили костер, просто сидели у воды, носились как угорелые по узким тропинкам желтеющего на наших глазах леса.

День рождения

Конечно, сам день рождения был ни при чем. Но вот его ожидание было потрясающе эффективным способом поставить жирную точку в работе над регрессом и вздохнуть с облегчением или, по крайней мере, насладиться заслуженным отдыхом, пусть и недолгим.

Надо сказать, что моя дочь на всех известных мне календарях, живущих в нашей квартире, жирным кружком отметила свой день рождения. Она мне каждый раз напоминала, что скоро будет главный день в ее жизни. Конечно, день рождения был для моей дочери существенным Рубиконом нашего настоящего и ее прошлого, определяющей границей нашего бытия. В ее прошлый день рождения к ней в детский дом никто не пришел. Она ждала и надеялась, что ее вспомнят, что ее поздравят. Но этого не произошло. И памятуя о своей горечи одиночества и брошенности, она все свои силы бросила на то, чтобы ее новый день рождения прошел как-то иначе. Моя дочь не знала, как она хотела бы провести свой новый день рождения. Единственное, что она знала точно, так это то, что она хочет получить в подарок мобильный телефон. На большее у нее не было ни опыта, ни знаний. Моя дочь понятия не имела, сколько нужно будет вложить своих личных усилий, чтобы ее день рождения состоялся интересно и увлекательно. Я отдавала себе отчет в том, что для моей дочери ее первый день рождения в новой семье будет символом принятия своей судьбы в целом. Моя дочь ничего не знала ни о своем имени, естественно, фамилии наши с ней тоже различались, и поэтому осознание себя как личности могло произойти лишь через осознание своего возраста или времени, которое она провела вместе со мной. День рождения дочери был важен не только для нее, но и для меня. И не потому, что организация и проведение его ляжет на мои плечи. А потому, что это прекрасный, чистый повод для традиции, семейной традиции.

Приблизительно за месяц до дня рождения я затеяла игру. Игра состояла в том, что как только моя дочь позволяла себе скатываться на детскую речь, я ей в такой же манере говорила: «Моя маленькая, я на день рождения подарю тебе красивый бантик и большую машину скорой помощи. Все дети обожают большие машины». Когда моя дочь в ответ кричала, что она не хочет большую машину, я ей говорила, что тогда ей нужно убедить меня в том, что она уже не маленькая девочка, мечтающая о красивом платье или бантике!

Каждый раз на коверкание слов я утрированным, родительским голосом рассказывала своей дочурке, *что* именно она получит в подарок на свой день рождения. А потом мы вместе смеялись. Потому что это действительно стало смешно. И если в первый раз моя дочь жутко рассердилась и бросилась на меня чуть ли не с кулаками, то в десятый раз мы хохотали над «пушистиками» и бантиками минут пять без остановки. Игра меня забавляла, хоть и придумывать каждый раз экспромтом детские подарочки, которые приведут в восторг маленькую девочку, было нелегким занятием. А сыграть это так, чтобы до самого часа вручения подарка моя дочь не была уверена, что она действительно получит именно мобильный телефон, а не «рюшечки в коробочке», было очень трудно. Мы за этот месяц ожидания существенно улучшили не только свое понимание друг друга, но и явно стали талантливее и чувствительнее в принципе!

Параллельно с игрой мы затеяли настоящую подготовку ко дню рождения. Я попросила свою дочь составить список гостей, чтобы определить количество приглашенных. Сначала моя дочь хотела пригласить просто «всех». Я не стала ее убеждать в том, что наша квартира не выдержит «просто всех». Я попросила свою дочь поговорить с каждым гостем и учесть тот факт, что день рождения приходится на каникулярное время. Список гостей после разговоров с ее знакомыми приблизился к нулю. И дочь расстроенным голосом объявила, что никто из ее подружек во дворе прийти не сможет. Я поняла, что моя дочь готова более серьезно обсуждать приглашение на свой главный день в жизни. Пока существовала стратегия «всех», понятное дело, не могла возникнуть стратегия «некоторых, особо приятных и интересных».

Конечно, нам в каком-то смысле повезло. Я понятия не имею, как бы мы справились со стратегией «всех», если бы ее участницы сами не отказались стать гостями. Мы сделали список детей, с которыми нам было интересно. И даже обсудили, чем именно интересен для нас тот или иной гость. Затем мы обсудили, что было бы интересно вместе сделать, во что играть, что провести. Оказалось, что лучше всего всех позвать в боулинг. Я заказала две дорожки: детскую и взрослую.

Кроме боулинга, мы очень любили играть в шашки и уголки. Поэтому возникла идея провести турнир. Когда с играми появилась некая определенность, мы приступили к разработке меню глав-

ного дня жизни моей дочери. К этому времени моя дочь неплохо справлялась с блинами. Поэтому было решено напечь огромную стопку блинов. И еще очень хотелось пирожков. Поэтому мы накупили слоеного теста и пять часов кряду накануне дня рождения пекли пирожки с разнообразной начинкой.

В свой самый главный день моя дочь встала сама в семь утра и на протяжении нескольких часов пекла блины! Это был ее личный подвиг. Она устала, но была очень довольна. День рождения удался на славу: мы здорово повеселились, как и планировали.

А в понедельник, в первый учебный день второй четверти, моя дочь рассказала мне следующее:

- Мама, у нас в классе появились две маленькие девочки.*
- У вас новенькие в классе?*
- Нет. Просто две мои одноклассницы сегодня говорили как маленькие.*
- Что же они говорили?*
- Всякие муси-пуси-глупости. Как в детском саду!*

Апрельским воскресеньем на вторую весну нашей жизни моя доченька написала:

«Жила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо было ложиться спать, становилась маленькой.

– Мама, – говорила она, – я стала муравьишкой!

И мама понимала, что пора укладывать дочь в постель.

А утром девочка просыпалась, едва всходило солнце. Но она по-прежнему была маленькой-маленькой, что свободно помещалась на подушке. И еще место оставалось.

– Вставай! – говорила мама.

– Не могу, – отвечала девочка. – Я еще слишком маленькая, как бабочка.

А потом радостно воскликнула:

– Ну, вот я и выросла!

И с веселым криком вскочила с постели. И начала новый солнечный день».

Задание № 4 для родителей.

Тема № 4. Возрастной регресс приемного ребенка в замещающих (опекунских, приемных, фостеровских или патронатных) семьях.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на три наиболее актуальных для вашей семьи вопроса:

1. Наблюдали ли Вы возрастной регресс у своих кровных и приемных детей? Как Вы его заметили, по каким признакам или в каких ситуациях? Опишите, пожалуйста, несколько признаков или ситуаций.
2. Какие ситуации в вашей семейной жизни помогли детям преодолеть возрастной регресс? Опишите, пожалуйста, наиболее значимые ситуации.
3. Наблюдался ли у Ваших кровных или приемных детей речевой регресс? Как Вы считаете, с чем было связано проявление речевого регресса?
4. Напишите, пожалуйста, как проходил процесс взросления Ваших приемных детей:
 - 4.1 Какие отличия в поведении кровных и приемных детей Вы смогли заметить на различных этапах их взросления?
 - 4.2 Какие трудности вы испытываете, как приемные родители, на этапе взросления вашего приемного ребенка или приемных детей?
5. Как формировались и изменялись в процессе взросления такие черты характера Вашего приемного ребенка, как:
 - самостоятельность;
 - инициативность;
 - ответственность.

Приведите, пожалуйста, примеры.

Рекомендуемая литература по теме «Возрастной регресс»

Бардышевская М. К. Регрессивные явления в развитии детей с эмоциональными нарушениями (рус.) // Лурия и психология XXI века: сборник. – М.: Смысл, 2003. – С. 236–246.

Мак-Вильямс, Нэнси. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе // Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. – М.: Класс, 1998. – С. 480.

Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999.

Перлз Ф.С. Гештальт-подход и Свидетель терапии. – М.: Либрис, 1996.

Глава 5.

САМОСОЗНАНИЕ И ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА: МЕТОДЫ ИХ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ПРОРАБОТКИ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ

*Самосознание*¹ – сознание субъектом самого себя в отличие от иного – других субъектов и мира вообще; это осознание человеком своего общественного статуса и своих жизненно важных потребностей, мыслей, чувств, мотивов, инстинктов, переживаний, действий. В психологии самосознание понимается как психический феномен, осознание человеком себя в качестве субъекта деятельности, в результате которого представления человека о самом себе складываются в мысленный «образ-Я».

«Ребенок далеко не сразу осознает себя как Я; в течение первых лет он сам сплошь и рядом называет себя по имени – как называют его окружающие; он сначала существует для самого себя скорее как объект для других людей, чем как самостоятельный по отношению к ним субъект» (С.Л. Рубинштейн).²

Защитный механизм (психологическая защита) – понятие глубинной психологии, обозначающее неосознаваемый психический процесс, направленный на минимизацию отрица-

¹ Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Biblio, 2009. – С. 816.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946.

тельных переживаний. Защитные механизмы лежат в основе процессов сопротивления. Термин «защитный механизм» был впервые введен Фрейдом в 1894 году в работе «Защитные нейрорепсихозы» и был использован в ряде его последующих работ для описания борьбы «Я» против болезненных или невыносимых мыслей и аффектов. Следует напомнить, что жизнь приемного ребенка в кровной семье в течение всего кризиса состоит из множества болезненных ситуаций, от которых этот ребенок как может, так и защищается.

Самосознание является необходимым условием существования личности. Без него нет личности. Личность осознает не только окружающую действительность, но и *саму себя в своих отношениях с окружающим*. С.Л. Рубинштейн отмечал, что изучение личности «завершается раскрытием самосознания личности». Становление самосознания включено в процесс становления личности, и поэтому оно не надстраивается над нею, а является одним из компонентов личности. В этой связи понять структуру самосознания, этапы его становления можно в ходе становления и развития самой личности, начиная с первых ее шагов по жизни. Цель развития самосознания состоит в *осознании личностью своего «Я»*, своей отдельности от других людей, что находит свое выражение в растущей самостоятельности и независимости субъекта. Самосознание личности – это совокупность ее представлений о себе, выражающейся в «концепции – «Я», и оценка личностью этих представлений – самооценка.¹

Для многих детей, оказавшихся в детском доме или интернате, переживание своего неблагополучного прошлого настолько импульсивно и хаотично сказывается на поведении в настоящей жизни в приемной семье, что лучшей защитой от страхов и конфликтов дети считают *отрицание всего того, что с ними происходило*.

По мнению В.В. Столина, в основе сознаваемости лежит расщепляемость, т. е. возможность человека *выделить из среды* то, что он сейчас воспринимает («я это вижу»), то, посредством каких зримых признаков он воспринимает и выделяет объект из среды («я понимаю, что я вижу»), а также и собственная позиция наблюдателя, связанная со схемой тела («я как-то отношусь к тому, что я вижу»). Данная способность позволяет человеку осознать себя, свою от-

¹ Аверин В.А. Психология личности: учебное пособие. – СПб: Издательство Михайлова В.А., 1999. – С. 68–71.

дельность от мира, других людей, т. е. выделить свое феноменальное «Я»... Однако, выделив себя из окружающей среды и взаимодействуя с самой средой и людьми, ребенок каким-то образом *проявляет себя*, иными словами, его действующее «Я» способствует формированию его феноменального «Я» или «концепции – «Я».¹

Приемные дети, попадая в семью, продолжают *не знать себя*, не отслеживать положительные и отрицательные стороны своей жизни в семье, *не оценивать свое поведение*. Таким образом, защитное незнание себя, которое когда-то в их прошлом способствовало минимизации отрицательных ситуаций, *ставит под угрозу* положительную динамику развития способностей приемного ребенка в его настоящей жизни. Кроме того, возникает ряд проблем с формированием *критического мышления, ответственного поведения, развития самостоятельности и инициативности*.

В структуре самосознания принято выделять: «Я»-реальное, т. е. совокупность представлений о себе в настоящем, «Я»-идеальное – т. е. то, каким бы хотел быть вообще, «Я»-прошлое, т. е. совокупность представлений о своем прошлом «Я», «Я»-будущее, т. е. совокупность представлений о себе в будущем. Ведущая функция самосознания – это *саморегуляция поведения личности*. Именно совокупность представлений о себе и оценка этих представлений представляют психологическую основу поведения личности. Человек в своем *поведении* может себе позволить ровно столько, *насколько он знает себя*. Эта формула в значительной мере обуславливает самодостаточность личности, степень ее уверенности в себе, независимость от других, свободу в поведении и осознание ограничений этой свободы.

На основе глубокого изучения *особенностей поведения* детей, воспитывающихся в Домах ребенка, детских домах и приютах, специалисты в области психической депривации детства из Чехословакии *Й. Лангмейер* и *З. Матейчек*² выделили пять типов *депривационной личности ребенка*: социальная гиперактивность, социальные провокации, подавленный тип, хорошо приспособленные дети, тип, характеризующийся замещающим удовлетворением аффективных и социальных потребностей.

¹ Аверин В.А. Психология личности: учебное пособие. – СПб: Издательство Михайлова В.А., 1999. – С. 68–71.

² Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, 1984.

Социальная гиперактивность как тип личности характеризуется поверхностным и непостоянным общением, легкостью контактов при отсутствии личностно-ориентированного общения и устойчивости привязанностей.¹

Тип личности «*социальные провокации*» отличается высокой агрессивностью и неспособностью детей к целенаправленной управляемой деятельностью. Агрессивность проявляется в первую очередь во взаимодействии со сверстниками, вызывающими ревность, зависть и стремление конкурировать в борьбе за ресурсы общения со взрослым.

Подавленный тип характеризуется апатией, пассивностью, низкой активностью и эмоциональностью, тенденцией реагировать на фрустрирующую ситуацию по типу *регрессии*.

Хорошо приспособленные дети отличаются высоким уровнем адаптации: они легко привыкают к новому, спокойны, уравновешенны, умеют наладить контакт, избирательны и устойчивы в своих привязанностях, особенно если им отвечают взаимностью.

Тип, характеризующийся *замещающим удовлетворением аффективных и социальных потребностей*, отличается тем, что потребность в общении, любви и сотрудничестве с близкими людьми замещается простыми витальными потребностями или трансформируется в стремление причинить окружающим ущерб, обесценить и унижить их для повышения собственной значимости и самооценки. Дети такого типа проявляют повышенную потребность в еде, компенсируя тем самым дефицит заботы, ласки и любви; высокую сексуальную активность; предпочитают манипулирование вещами и предметами контактам с людьми. В общении и взаимодействии они склонны к ябедничанию (дети с большим «стажем» пребывания в детском доме) и агрессии (дети, которые недавно были помещены в детское закрытое учреждение).

Принимающие родители должны учитывать вышеперечисленные особенности развития личности приемных детей по принципу *компенсации «проблемных» сторон развития*.

Психологические защиты часто вмешиваются и в соматические процессы, что приводит к хроническим симптомам типа энуреза, астмы, хронического мышечного напряжения и т. п. Соматические

¹ Аверин В.А. Психология личности: учебное пособие. – СПб: Издательство Михайлова В.А., 1999. – С. 68–71.

расстройства приемных детей имеют многофакторную природу возникновения. Это не столько наличие органической патологии, имеющейся у большинства детей-сирот, сколько последствия депривации, сенсорного голода раннего периода развития, хронического дистресса.

В раннем возрасте многие симптомы эмоциональных расстройств *практически неотделимы* от соматических нарушений. Чем менее зрел организм (следует помнить, что дети-сироты, как правило, по разным причинам отстают от своих сверстников, т. е. незрелы как в физическом, так и в психологическом смысле), тем менее *дифференцированы* его *реакции*, тем *скорее при стрессе* нарушаются *функции внутренних органов*.

Дети раннего возраста и дошкольники, реагируя на стрессовые факторы, трансформируют психические нарушения в заболевания внутренних органов и двигательные расстройства. Это явление получило название *соматизация*. При этом физическое неблагополучие приемного ребенка приобретает *двойственный характер*. С одной стороны, это рефлекторное отражение его эмоций внутренними органами, а с другой – *привлечение внимания взрослых и возможность манипулирования ими*.

Следующие виды *соматизации* выделяет *Марина Евгеньевна Блох*, психиатр, психотерапевт, психоаналитик, перинатальный психолог, сексолог, доцент кафедры клинической психологии Института специальной психологии и педагогики им. Валленберга, Санкт-Петербург, психотерапевт НИИ акушерства и гинекологии им. Отто, Санкт-Петербург, член Российского психологического общества и Московской секции перинатальной психологии РПО.

От 0 до 3 лет: соматовегетативные проявления. Нарушение сна, которое выражается в длительном засыпании, частом спонтанном пробуждении, раннем пробуждении, крике, вздрагивании при тихих звуках, стереотипных движениях во сне. На второй год жизни у детей могут возникать устрашающие сновидения, эпизоды приступов ночных страхов. Желудочно-кишечные расстройства возникают по типу условной связи. Нарушения аппетита, расстройства глотания и жевания, приступы задержки дыхания, раннее проявление обмороков и истерических приступов.

От 3 до 7 лет: психомоторные проявления. Неврозы, приобретенные в этом возрасте, характеризуются *нарушением двигательной активности*. Дети гиперактивны, не могут спокойно заниматься

одним делом. Следствием этого является высокая утомляемость и истощаемость, низкая устойчивость внимания. Кроме того, у детей могут появляться *невротические тики*, ребенок начинает моргать, гримасничать, высовывать язык, пожимать плечами. Эти движения носят *непроизвольный характер* и усиливаются при волнении.

От 7 до 11 лет: аффективные проявления. Самым частым проявлением невроза является головная боль. Приемные дети часто жалуются на головную боль и головокружение, при которых они чувствуют сердцебиение, тошноту, затруднение дыхания или глотания. Зачастую во время осмотра ребенка обращают на себя внимание депрессивные особенности его мимики (печальное, безучастное лицо), характерная осанка (опущенные плечи, сутулость), замедленность движений, вялость, безынициативность, необщительность.

С 11 до 17 лет: эмоционально-идеаторные проявления. В подростковом возрасте на первый план в клинической картине невротических расстройств выходят нарушения поведения. Отсутствие адекватных способов контроля и овладения своими эмоциями у части подростков проявляется в виде импульсивности, склонности к немедленному выражению вовне своих чувств и побуждений, ведущих к асоциальному поведению.

Кроме того, необходимо помнить и о такой проблеме детей-сирот, как *подавление личностной активности*. Эффект «замирания» у воспитанников детских домов, имевших опыт проживания в кровной семье, отражает систему психологических защит, компенсирующих *психотравму потери семьи* как на сознательном, так и на бессознательном уровне: *не допуская (отрицая), искажая либо вытесняя/подавляя* травмирующую ситуацию. Особенность механизма психологических защит у детей-сирот обусловлена слишком большим объемом хронически воспроизводимой травматичной информации. Происходит процесс резкого сокращения информационного поля, а также ограничение психической деятельности весьма *энергоемким* процессом *поддержки защитных механизмов*.

Принимающим родителям необходимо направить *значительные усилия* для того, чтобы изучить и понять защитные механизмы своего приемного ребенка и сделать все возможное, чтобы их приемный ребенок в течение первых лет совместной жизни *осознал себя во времени и пространстве*, в учебной деятельности и в общении.

Страницы из дневника приемной матери.

«Не знаю», или битва за осознание

Задумайтесь, как часто Ваш ребенок говорит: «Не знаю». Не просто произносит в задумчивости о себе. И вовсе не для того, чтобы осознать собственное непонимание. И уж, конечно, не для того, чтобы узнать или вообще знать! Нет, не в таких случаях. А автоматически на Ваш вопрос о его жизни в школе, дома и т. п. в своем ответе ребенок даже не ставит местоимение «Я». Потому что если бы ребенок сказал: «Я не знаю», он был бы ответственным за свое незнание, за то, с чем не разобрался, на что не обратил внимание, а должен был бы обратиться, за свое неумение получать знания о себе, своих поступках, своих чувствах.

Моя дочь почти на каждый мой вопрос о ней торопилась «Не знать». Именно торопилась, как будто если она срочно не выпалит волшебное «не знаю», приоткроется дверь внутрь. Как будто она не может позволить случиться этому открыванию ни при каких обстоятельствах! И она торопилась эту дверь захлопнуть привычным движением языка! Ее «Не знаю» давно стало крепкой и надежной стеной между ней и миром других людей. Автоматическое незнание, как нежелание задуматься, ее очень устраивало. Но оно совершенно не устраивало меня: было в этой программе что-то от робота-манипулятора неприятное. Поскольку ее внутреннее «Я» маленькой девочки постепенно росло и крепло, мне хотелось, чтобы внешнее проявление этого процесса взросления имело продуктивное продолжение в виде ответственности и самостоятельности. А какая может быть самостоятельность с такой непрошибаемой стеной из автоматического «Не знаю»! А к ответственности за свои действия вообще приблизиться невозможно, пока ребенок не будет готов открыто ответить на поставленный вопрос.

Игра в вопросы и ответы

Поскольку за четыре года жизни моей доченьки в детском доме защитная часть сооружения оборонного назначения под названием «стенка» образовалась каменная, крепенькая, я решила, что лбом ее проламывать будет достаточно болезненно. Эта стена дочери ею самой никак не осознавалась и была как частичка кожи, естественной и привычной. А я хотела, чтобы моя дочь хоть как-то сама увидела свою стенку, и уж затем мы бы вместе решили, что с ней делать. Выстроив намерение показать ей ее же стену, я придумала игру в вопросы и ответы. Скажу сразу, игра потребовала от меня определенных усилий.

Утро. Я варю манную кашу. Усердно мешаю ее ложкой, чтобы получилась без комочков. Моя дочурка сидит на диване и задает вопрос:

– А что у нас на завтрак?

– Не знаю, – копируя автоматизм своей дочери, выпаливаю я.

– Мапочка, как это ты не знаешь? – искренне удивляется дочка.

– Я не знаю точно так же, как не знаешь ты. Разве ты не видишь, что я делаю?

– Вижу. Ты манную кашу варишь.

– Правильно. Так значит, ты знаешь ответ на свой вопрос так же хорошо, как ты сама знаешь и ответы на многие мои вопросы!

Тишина. Только радио-джаз тихонько наигрывает легендарную «Осень в Нью-Йорке». Дочь погрузилась в себя. Думает. Я молчу и радуюсь.

...Субботнее утро. Дочь подбегает ко мне и спрашивает:

– Мама, а мы пойдем гулять в детский городок?

– Не знаю, – быстренько отвечаю я.

Дочь отскакивает, ничего не говоря.

Этот же субботний день. Через два часа дочь опять подбегает ко мне и спрашивает:

– Мама, а мы пойдем гулять в детский городок?

– Не знаю, – быстренько отвечаю я.

Дочь надувает губы.

– Мама, почему ты не знаешь, пойдем мы гулять в детский городок или нет?

– Потому что это зависит от тебя.

– Как это от меня? – не понимает дочь.

– Если ты сделала свои уроки и написала то, что я тебе задала, то ты можешь меня пригласить на прогулку. Ты также можешь сказать мне, что ты сделаешь мое задание на свежую голову после прогулки.

Потому что погода замечательная и солнышко нас с тобой зовет! Ты можешь рассказать мне о своих делах, и мы с тобой вместе определим, в какое время нам хотелось бы пойти погулять! Ты все это можешь!

– Мамочка, я сделала все уроки, мне осталось только дописать русский. Пойдем гулять в городок после того, как я допишу русский?

– Конечно, солнышко. Видишь, как все просто, когда ты знаешь!

Игру в вопросы и ответы мы играли каждый день. Каждый день я выманивала свою дочь из-за ее стенки. Как в русской сказке: «Выгляни в окошко, дам тебе горошка». Только лиса хотела украсть петушка, а я хотела, чтобы у моей дочери появился опыт оказываться перед своей стенкой, как преградой между ней и ее интересом. Мне нужно было, чтобы у моей дочери появился опыт выхода в мир через собственными руками построенную стену, а также опыт получения знаний о другом мире. Опыт рассказывания о своих делах тоже был очень важен, потому что без осознания дочкой своих дел ни самостоятельности, ни ответственности не воспитаешь.

Зеркало

Таким образом, на почти все вопросы своей дочери я зеркальным образом копировала ее собственную реакцию. Дочь по-разному реагировала на поставленное прямо перед ней зеркало. Надо сказать, что в принципе моя дочь всячески избегала смотреться в настоящее зеркало. Она могла ходить не расчесанная, и все мои уговоры посмотреть на себя хотя бы издали, но в зеркало, не могли ни на шаг приблизить ее к зеркалу.

Конечно, как психолог я понимала, что избегание зеркального отражения и явное нежелание смотреть на себя как бы со стороны может быть связано с серьезной проблемой неприятия себя в целом. Тем более что моя дочь была уже в подростковом возрасте. Такие профессиональные рассуждения томилась в моем сознании, и я думала, что зеркало является частью проблемы автоматического незнания себя. Если ребенок видит себя в зеркале, то он знает себя. Хотя бы частично ребенок может увидеть и цвет своих глаз, и то, как лежат у него волосы на голове, и то, как он одет. Многие «Не знаю» были связаны не только с отказом глубокого осознания своих целей, своих поступков. Многие «Не знаю» банально были связаны с внешним видом дочери, с отказом принимать решение о том, что одеть, как выглядеть в школе, что надевать дома, в каком порядке

содержать свои тетрадки, книжки, как убирать свою кровать и еще много вопросов могли наткнуться на ее пресловутое «Не знаю».

Зубы

Вот уж действительно я не знаю, как бы решилась проблема с зеркалом, если бы мы не занялись зубами. Понятно, что для каждого человека поход к стоматологу не приносит радостных ощущений и почти всегда связан с болью. О зубной боли, сносящей полголовы и не дающей возможность ни уснуть, ни работать, написано много. К стоматологу не ходят без надобности. У моей дочери была насущная необходимость. Росли новые зубы. А частички старых зубов нужно было удалить. Причем моя дочь все знала, так как ей врач все рассказала, и мотив ехать к стоматологу вроде бы был сформирован. Я пыталась показать своей дочери эти ряды старых и уже ненужных огрызков зубов в небольшом зеркальце, но она грубо его вырывала из моих рук, не желая смотреть на свои зубы. Я понимала серьезность положения, так как считается, что именно зубы тесно связаны с родными, с кровной родней. Поэтому удаление осколков старых зубов, для того чтобы новые росли без проблем, для меня лично имело огромное значение.

У стоматолога был рев, мы упирались до последнего, с боем были вырваны два осколка от разных зубов с одной стороны. А другую сторону оставили на потом, когда успокоится освобожденная сторона. Дочь рыдала всю дорогу, ничего сказать не могла, только выла. Мы еле доехали. Для нее это был сильнейший шок. Я видела, что дочь не притворяется. Я видела, что ей очень больно!

Как только мы зашли домой, дочь тут же помчалась к зеркалу! Настало время удивляться мне самой. Дочь села напротив зеркала, открыла свой рот и стала всматриваться внутрь. Она так сидела очень долго. Дочь вертела головой, пытаясь рассмотреть все закоулки своей полости рта. Потом она буквально легла у зеркала (в моей комнате большое зеркало стояло на полу) и уснула.

Как потом выяснилось, ей первый раз в жизни делали заморозку! Во-первых, моя дочка не могла пошевелить ни языком, ни губами, и ей казалось, что такое состояние будет всегда, и что все взрослые врут, и что вязкость и одеревенелость никогда не пройдут. Во-вторых, она страшно испугалась, что ей вырвали вообще все зубы. Поскольку она почувствовать не могла, и даже языком потрогать тоже не могла всю дорогу домой она рыдала, потому что была уверена, что теперь у нее зубов во рту

нет вовсе. От страха за себя и свои зубы она не могла сказать ни слова. Страх был настолько велик, что перекрыл нежелание смотреть на себя в зеркало. Моей дочери, возможно впервые в жизни, сильно захотелось знать про себя, про свои зубы не от кого-то другого, а самой, как говорится, воочию убедиться, как там ее рот и ее зубы. И именно это привело ее к зеркалу. Поскольку зеркало дает возможность человеку узнать себя и увидеть изменения, происходящие с ним!

Сон моей дочери у зеркала как будто снял заклятие. Дочь подружилась со своим отражением. И с тех пор она легко и непринужденно подходила к зеркалу, чтобы завязать себе хвостики, чтобы поиграть на флейте, чтобы оценить свой наряд. И многие «не знаю» исчезли вместе с нежеланием видеть себя со стороны.

Тигра виновата

Тигра – это наша кошка. Необычайно умное и волшебное существо. Неручное, дикое, грациозное, изящное. Так вот. Не было ни дня, когда бы я не мазала зеленкой свою дочурку. Не зря говорят древние люди: «Бог создал кошку, чтобы люди могли гладить тигра». Моя дочь очень любит Тигру. Но это поначалу была любовь зажимающая. А наша Тигра не любит, когда ее лишают свободы передвижения да еще пытаются прижать или загнать в угол. Она защищалась, как только рука моей дочери оказывалась рядом с ее шкурой. Еще Тигра наказывала мою дочь за ор и повышение голоса. Она просто подходила к орущей дочери и кусала ее. Кусала молча, с пониманием дела. Тигра не любила нарушения тишины. В чем-то я с ней была согласна. Поскольку тишину я тоже уважаю.

– Доча, что это у тебя на руке? – спрашиваю я, приходя вечером с работы домой.

– Не знаю, – сердито бурчит дочь.

«Ага, это «не знаю» уже не автоматическое, а скрывающее, – думаю про себя я. Наконец-то появилось эмоциональное «не знаю»!».

– Если ты не знаешь, то мне придется догадываться, что произошло. Ну-ка, покажи руку, я взгляну на нее внимательно.

– Там ничего такого...

Но руку протягивает.

– Я знаю эти две отметины. Они мне знакомы. Тебя покусала Тигра?

– Да, она на меня опять напала, а я только хотела ее погладить!
И моя дочь начинает рассказывать, как Тигра виновата, что ее укусила.

Я иду за зеленкой, мажу укусы и веду беседы с Тигрой. Тигра сидит рядом и смотрит на меня честными глазами.

– Дочка, посмотри на Тигру. Она сидит спокойно и никакой вины за собой не чувствует. Видишь?

– Подумаешь!

– Руки твои, вот ты сама и думай!

Надо сказать, что защитная стена моей дочери складывалась из трех слоев реакций. Первая реакция – автоматическое «Не знаю». Вторая реакция – «Ничего такого». И третья реакция – «Подумаешь». Все три реакции представляли собой убойную силу, непростибаемую стенку. Каждая реакция даже сама по себе была средоточием равнодушия и «пофигизма», а уж когда все три реакции следовали именно в таком порядке друг за другом, общение с моей дочерью можно было только прекратить. Конечно, можно сказать что-то обидное для нее, оскорбительное или просто фыркнуть. Но это все мне не годилось, потому что никак не улучшало контакт и не проясняло саму ситуацию. Тем более я была вообще не заинтересована в прекращении общения со своей дочкой. Какое-то время мне приходилось надувать губы и всем своим видом показывать, что я обиделась, что меня ее реакция разозлила. Но моя дочь хорошо себя чувствовала за плотной стеной защиты и ничего видеть и понимать ни про себя, ни про меня даже не собиралась!

Святая вода

Как же мне одолеть эту стенку? Методы Тигры мне не подходили: у меня не было возможности укусить свою дочь, хотя желания было столько, хоть отбавляй! У меня не было возможности причинить ей физическую боль, поцарапав до крови. Но копить свои обиды и душевную боль тоже было пагубно и для моего здоровья, и для моего настроения. Ведь больно было по-настоящему. Показывай, не показывай, а живые, реальные чувства отменить никак нельзя. Иначе я сама превращусь в такого же автоматического робота, как моя дочь. Хороши же мы будем, два робота, защищающихся друг от друга стенкой из «Не знаю», «Ничего такого» и «Подумаешь!!!».

Срочно надо было что-то придумать. Как-то раз, после очередного столкновения со стеной, я, чтобы избавиться от злости, пошла и попила святой водички. А потом подумала, а чего это я одна буду ее пить и спасать себя от своей же злости. Надо и мою доченьку «приголубить» святой водицей. Я набрала ковшик воды и совершенно спокойно пошла да и вылила ее на ухмыляющуюся дочь. Прямо на лицо. Молча, без единого слова. Что тут началось! Моя дочь превратилась в злобное существо, настоящую фурию. Она начала буквально биться об пол, хорошо там лежал ворсистый ковер. Она так орала, что я тут же вспомнила все вычитки, которые видела либо в кино, либо наяву. Мысли о бесах меня посетили мгновенно. Я стояла, широко раскрыв рот от удивления, и наблюдала за своей дочкой! Злобное существо мычало и билось об пол. Я побежала и набрала воды еще. Вторая порция святой воды мою дочь успокоила. Она свернулась калачиком. Я не стала ее тревожить и оставила наедине с собой.

Реакция моей дочери на святую воду заставила меня крепко задуматься. Я обсудила на следующий день со своей дочерью влияние воды на ее тело, и мы договорились, что я каждый раз буду выливать на нее святую воду, когда она будет «не в себе». И действительно, в следующий раз святая вода сняла агрессивное состояние и «оживила» мою дочь. Дочь откашливалась и приходила в чувство: видела меня, Тигру, себя. Злобность и ухмылки с ужимками слетали с ее лица мгновенно. Тело расслаблялось. Было время, когда мы все выходные дни проводили только на святой воде. Благо ее у меня после Крещения было много.

Еще мы стали обливаться холодной водой. После горячей ванны я обливала свою дочь холодной водой: сначала ноги с коленей до щиколоток. Затем руки с локтей до кистей. Затем руки с плеч до кистей. Затем грудь, спину и только потом голову.

Юмор

Очень помогает юмор. Куда же без него. Там, где можно разозлиться, лучше рассмешить того, кто злит тебя! Этот девиз моей жизни я постаралась передать и своей дочери. Должно же что-то хорошее перениматься ребенком от родителей. Почему бы не юмор? Потому что если родители шутят, то это делает жизненную атмосферу в принципе веселой и радостной. В веселой атмосфере не могут воспитываться дети без чувства юмора. Так что все зависит от самих родителей.

Много плохих слов было сказано нашими критиками об американских мультфильмах. Но в них есть одно неоспоримое преимущество: игротехника юмора. И учились они ей достаточно долго. Потрясающее количество нарисованных героев от великих игротехников типа кролика Бакса Бани, дятла Вуди, собаки Гуффи, мышонка Микки до всемирно известных семейств Флинстоунов, Симпсонов, Гриффинов и т. п. Все это школа юмора, сотрудничества и поддержки друг друга. В этом их неодолимая притягательность и сила. А уж об отдельно стоящих сериалах типа «Футурама» и «Южный парк» со специфическим юмором понимающих людей можно писать целые интеллектуально-социально-политические трактаты. Те, кто знает наизусть по кадрам «Ежика в тумане» Норштейна, ничего плохого не скажут о диснеевских мультфильмах, да и сравнивать их между собой все равно что сравнивать Луну и Солнце. Но смотреть родителям мультики вместе с детьми просто необходимо. И понимать, над чем смеются их дети в «Симпсонах» или в «Царе горы», тоже необходимо. Многие родители скажут, что они ездят в кинотеатры и там смотрят мультики вместе со своими детьми: «Валли», «Вольт», «Вверх», «Облачно, возможно, осадки в виде больших фрикаделек», «Планета 51», «Рождественская история», «Как приручить дракона», «Коралина» и многие другие шедевры современной мультипликации и кинематографа. Это замечательно! Но сколько родителей смотрят с детьми «Гриффинов»? А потом обсуждают то, что увидели? Мало. Очень мало. Дела больших и взрослых людей оказываются более насущными, чем ежедневный юмор и понимание жизни. Отсюда и пропасть между поколениями. Отсюда и нет улыбок на лицах больших и взрослых людей.

Я буду...

Завтракаем. Погода за окном нашего первого этажа солнечная, ясная. Небо, естественно, голубое. Мороз до 25 градусов. Дочь говорит:

– *Мороз и солнце...*

Я подхватываю:

– *День чудесный!*

Дочь тараторит:

– *Еще ты дрем... друг прелест... пора красав... прос...*

– *Доча, ты пулеметчица или ты стих читаешь!*

– Не знаю! – автоматом выпаливает дочь и дальше в таком же безобразии, т. е. не выговаривая последние слоги, дочь тараторит что-то про Аврору.

– Дочка! Как ты можешь не знать, кто ты и что ты сейчас делаешь? Ты сейчас стих читаешь? Так читай хорошо, с чувством! Или ты хочешь показать, что ты плохой чтец! Тогда помолчи и подготовься, и дыши ровно, как учили на флейте!

– Я буду хорошим чтецом и начну сначала!

Дочь по памяти читает любимый свой стих про красавицу, которой пора. Читает хорошо, и дыхание не сбивается! Я хвалю, радуюсь. Наконец-то, дочь кем-то решила стать. Хотя бы чтецом за завтраком! Тем более приятно, потому что мы любим поэзию.

Теперь мой черед и я читаю наизусть Гумилева:

Я не смотрю на мир бегущих линий.

Мечты мои лишь вечности покорны.

Пускай Сирокко бесится в пустыне,

Сады моей души всегда узорны!

Честные «Не знаю»

Приблизительно через месяц я уже смогла ввести градацию дочериных «Не знаю»: какие подлежали традиционному наказанию, а какие были правильными и честными «Я не знаю». Честные «Я не знаю» требовали некоторых размышлений о себе, и мы с дочкой обсуждали ситуации, в которых появились ее «Я не знаю». Так мы вместе стали находить ответы. А наказуемые «Не знаю» еще через несколько месяцев стали весьма редкими гостями в нашей жизни.

Задание № 5 для родителей.

Тема № 5. Самосознание и защитные механизмы приемного ребенка: методы их сознательной проработки в замещающих (опекунских, приемных, фостеровских или патронатных) семьях.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на 3 наиболее актуальных для Вашей семьи вопроса:

1. В каких ситуациях Ваш приемный ребенок использовал фразу «Не знаю» как защитный механизм? Опишите, пожалуйста, типичные для Вашей замещающей семьи ситуации. Кроме того,

напишите, пожалуйста, как при этом выглядел приемный ребенок, его эмоциональное состояние, типичные позы, жесты, глазо-двигательные реакции и еще все, что Вы лично считаете важным для анализа защитного механизма «Я не знаю».

2. Попробуйте сыграть в игру «Вопросы и ответы», направленную на формирование осознанного поведения приемного ребенка. Напишите, пожалуйста, наиболее интересные диалоги между Вами, приемным родителем и приемным ребенком.
3. Напишите, пожалуйста, самые глубокие проблемы Вашего приемного ребенка, связанные с осознанием или неосознанием себя.
4. Какие методы или личные техники были использованы Вами, как приемным родителем, для того чтобы растопить «лед» защитной стенки, которую выстроил ребенок до попадания в вашу замещающую семью.
5. Роль юмора в преодолении внутрисемейных напряженностей, связанных с сопротивлением приемного ребенка, его непослушанием, игнорированием обязанностей и т. д.

Рекомендуемая литература по теме «Самосознание и защитные механизмы»

Аверин В.А. Психология личности: учебное пособие. – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – С. 89.

Назарова И.Б. Адаптация и возможные модели мобильности сирот. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000.

Назарова И.Б. Дети-сироты: характеристика проблемы последних лет // Россия 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. – М.: ИСЭПН РАН, 2002. – С. 208–212.

Райгородский Д.Я. Психология самосознания: хрестоматия. – Бахрах-М., 2007. – С. 672.

Райгородский Д.Я. Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия. – Бахрах-М., 2008. – С. 656.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М., 1946.

Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во Московского Университета, 1983. – С. 284.

Глава 6.

МЕТОДЫ РОДИТЕЛЬСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ЛОЖЬЮ

Читаем в Большом психологическом словаре: *ложь* – утверждение, заведомо не соответствующее истине и высказанное в таком виде сознательно. В повседневной жизни ложью называют *умышленную* передачу фактической и эмоциональной информации (вербально или невербально) с целью создания или удержания в другом человеке убеждения, которое сам передающий считает противным истине.¹

Ложь для ребенка – инструмент, при помощи которого он порой пытается что-то изменить, порой пытается что-то сохранить. И в том и в другом случае приемным родителям не всегда легко догадаться, чего именно хочет добиться ребенок с помощью лжи. Но важно знать: у детской лжи *всегда есть причины*, и именно они должны заинтересовать компетентного родителя. Что Вашему ребенку мешает сказать правду? Какие автоматизмы лжи сформировались у приемного ребенка за время его проживания в детском доме, в кровной семье? Что именно приемный ребенок хочет скрыть от своих новых родителей? Какие семейные традиции в замещающей семье приемному ребенку наиболее сложно принять и следовать?

¹ Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Biblio, 2009. – С. 816. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org>.

Можно и даже нужно спросить об этом самого ребенка. Очень хорошо, если он сможет ответить, но есть шанс, что не сможет: дети часто не умеют формулировать свои мысли. Поэтому стоит присмотреться, как он живет, и подумать, возможно, вместе с ним, каким образом можно было бы изменить отношение приемного ребенка ко лжи, при каких обстоятельствах ребенок способен доверить свою правду приемным родителям.

Родителям необходимо понимать, что ребенок начинает говорить неправду в период активного *развития речи и воображения*. Это наиболее значительные достижения в психическом развитии малыша. Речь ложится в основу формирования его логического мышления, а воображение позволяет абстрагироваться от непосредственно воспринимаемой реальности и мысленно познавать то, чего нельзя пощупать, увидеть или услышать. Функции его сознания как бы удваиваются: с одной стороны, он продолжает постигать окружающий мир – тяжелое тонет, огонь жжет, а с другой – осваивает мир воображения, игры и фантазий. Растущая любознательность и все более частые запреты взрослых – вот что питает первые вымыслы малыша, пытающегося при помощи фантазий обойти ограничения, налагаемые взрослыми. 3-летний Кирюша, сын известного психолога В. Мухиной, разговаривает сам с собой: «Мама сказала, что нельзя тлогать пылешош (пылесос)». Затем обращается к невидимой туче (окно закрыто плотной портьерой): «Туча, можно тлогать пылешош?» – и отвечает сам себе: «Можно, Кила, можно».

С возрастом поводов для вымысла становится все больше, а «обман» – все изощреннее. Невольными виновниками этого оказываются взрослые, вынужденные предъявлять ребенку определенные требования. Естественно, возникает вопрос: «Что же делать?» Нельзя же позволять ребенку все. Разумные ограничения необходимы, и если запреты провоцируют «ложь», то и вседозволенность чревата проблемами.

Многие детские сложности становятся очень заметными, если целенаправленно начать их искать. Некоторые из этих сложностей мы можем устранить или значительно смягчить, и тогда ситуация в замещающей семье улучшится в целом. Каких-то проблем, как ни печально, мы решить не можем, но можем дать ребенку почувствовать, что его переживания логичны и оправданны, что мы понимаем ребенка и сочувствуем ему. Кроме того, необходимо пока-

зать приемному ребенку, что мы не можем спокойно принять его неправду, смириться с ложью, с его бесконечными оправданиями, со стремлением избежать ответственности, избежать выполнения определенного действия.

Строго говоря, любые детские, подростковые переживания логичны и оправданны, и если уж мы, компетентные родители, не можем помочь, то лучше посочувствовать, чем игнорировать, ругать или наказывать. Понимание проблемы не всегда приводит к ее решению, но гарантированно снижает напряжение вокруг нее. Ложь в результате совместных детско-родительских усилий может прекратиться, а может и нет. Дело, как ни странно, не в этом. Важно, что в процессе взглядывания в своего ребенка, в желании обратить внимание на привычно-незаметные детали, во время разговоров с ним, обдумывания ситуации и попыток ее улучшить мы *выходим за рамки привычного восприятия*, вкладываем энергию в отношения с приемным ребенком и одним этим уже улучшаем жизнь – и ему, и себе.

Страницы из дневника приемной матери.

Ложь

Все дети лгут. Но ни один ребенок не виноват в своей лжи. По крайней мере, поначалу. А когда ребенок вырастет, он и во все не будет виноват в своей лжи, потому что ложь станет либо его успешной стратегией избегания правды, либо эффективным методом борьбы с чем-то или кем-то, либо, на худой конец, заурядной и обыденной привычкой. Вредной привычкой, но такой удобной и любимой! У всех людей пристрастие к лживым словам возникает по-разному. Но у каждого ребенка в самом начале есть свой смысл вранья: порой подлый, иногда интересный, а зачастую вездливый и весьма предприимчивый.

Ложь является чувствительным индикатором степени проявления внимания со стороны родителей к ребенку, к его делам и интересам. А процесс распознавания лживых слов является необходимой частью осознанного воспитания и ничего общего не имеет с нравованием типа «хорошо» и «плохо». Процесс распознавания настолько оперативен и стратегичен одновременно, что, к сожалению, родители оказываются способны заметить ложь слишком поздно. Это порождает у родителей ощущение беспомощности, и им остается заниматься только наказанием.

Дамоклов меч над доверием

Несмотря на то, что ложь плотно вошла в нашу повседневную жизнь, дифирамбы петь ей опасно и ужасно хотя бы потому, что именно ложь дамокловым мечом нависает над доверием. А доверие во сто крат нужнее человеку, чем ложь! Вместе дружно они никак не уживаются: либо ложь, либо доверие. Третьего не дано. Опасно впускать в свои отношения с ребенком вранье: оно там устроится на всю оставшуюся жизнь и выгонит из Вашей жизни и доверие, и честность, и будет отравлять Ваши отношения своими глупостями и прелестями.

Ложь как следствие отсутствия родительского контроля

Частенько моя доченька мне лгала из-за того, что не хотела делать то, что нужно. Например, чистить зубы по утрам. Она понимала, что ей нужно почистить зубы. И воспитатели ей много раз говорили, что не чистить зубы – это «плохо». Но она, конечно же, понимала, что можно сделать вид, что чистишь зубы, а на самом деле их не чистить. Ведь мама не рядом и можно легко соврать, что ты почистила свои зубы. А главное – все довольны: мама думает, что ее дочь чистит зубы. И дочь довольна, что она нашла такой легкий способ избежать нелюбимого действия. Так думала моя дочь и лгала мне. А я думала, имеет ли смысл бороться с таким враньем или оставить свою дочь в заблуждении: пусть думает, что я не знаю, что она не чистит зубы, а на самом деле я знаю, что дочь не чистит зубы, но пока делаю вид, что не знаю. Как же быть с этим заурядным враньем: впускать его в наши едва налаживающиеся отношения или пропустить мимо моего внимания? А если не впускать, то как побороть это самое заурядное вранье? Заурядное, потому что ежедневное и потому привычное. Ведь придется только и делать, что делать вид. Не жизнь, а сплошная показуха.

Решила, что правильнее будет не впускать. Раз заметила, что дочь врет, значит, нужно вывести ее ложь на чистую воду и сделать так, чтобы у дочери даже мысли не было соврать мне на эту тему. Надо сказать, что в борьбе с ложью у родителей существует множество союзников. Сначала я сделала союзником зубную щетку своей дочери.

Начала борьбу, как водится, в понедельник. Как только моя дочь отрапортовала, что она почистила зубы, я вошла в ванную комнату и взяла зубную щетку моей дочери. Щетка, естественно, была сухая. Я показала дочери ее щетку и попросила мне объяснить, каким

чудесным образом ее щетка оказалась сухой после того, что ею минуто назад почистила зубы ее хозяйка. Дочь зло на меня посмотрела, что-то попыталась сказать, но потом, глубоко вздохнув, призналась, что зубы не чистила. Я вручила своей дочери ее щетку и попросила почистить зубы. Моя дочь явно не ожидала, что я начну проверять ее щетку. А я на этом простом примере поняла, что ложь является следствием отсутствия родительского контроля. На мой взгляд, с самого детства ребенок имеет возможность приучиться к вранью, если его родители невнимательно относятся к тому или иному процессу или необходимому действию. Везде, где нет личного присутствия родителей, возможна ложь, особенно в ситуации нежелания ребенка выполнять определенное нужное действие.

Вот так я поверила народной мудрости, которая гласит: «Доверяй, но проверяй».

Обмануть время

Наученная горьким опытом, моя дочурка теперь свою зубную щетку всегда подставляла под струю теплой воды и... ставила на место. Ложь безостановочна, как и борьба с ней. Выполнить нелюбимое действие – почистить зубы – сложнее, чем придумать много способов его не делать. Я же говорила, что смысл лжи в развитии предприимчивости и личной гибкости! А моя девочка была очень шустрой и по-скорпионски коварной девочкой. И мне от этого было только интереснее. Я заметила, что через несколько дней честной чистки зубов моя дочь опять вернулась к вранью. А для меня настало время призвать следующего, более мощного союзника – само время!

Я приблизительно представляла себе так: моя дочь входит утром в ванну, берет щетку, открывает воду, подставляет свою щетку под воду и кладет щетку обратно. Потом брызгает себе на лицо несколько капель и просит меня выключить газовую колонку, чтобы выключить кран с горячей водой. На всю эту процедуру моя дочь тратила не более 10–15 секунд: я засекала время несколько дней подряд.

Я не стала выжидать, когда новая ложь устроится «поудобнее» в нашей жизни, а моя дочь расслабится на тему нелюбимого действия. Я сразу сообщила дочери о своих наблюдениях: т. е. высказала сомнение в том, что за 10–15 секунд возможно почистить зубы и что если дочь повторит это при мне, то можно записывать это достижение в Книгу ее личных рекордов. Дочь опять разозли-

лась, но рекорд решила поставить. Мы взяли секундомер, и я объявила старт. Конечно, за такое короткое время моя дочь выполнить даже с рекордной скоростью свое нелюбимое действие не смогла! Но самое главное – моя дочь очень хотела поставить свой личный рекорд и уже не думала о том, любит она чистить зубы или нет. Обмануть время не удалось, а мы знали теперь, сколько времени нужно на то, чтобы быстро почистить зубы.

А обоняние на что?!

Борьба за чистые зубы была маленькой частью общей борьбы за личную гигиену и самоконтроль. Мне было очень важно у своей дочери сформировать привычку приходить к завтраку умытой, расчесанной и опрятно одетой в домашнюю одежду. И поскольку вместо аккуратной и приветливой девочки по утрам я вынуждена была наблюдать сонную и злобную фурию со всклокоченными на голове волосами, бухающуюся на диван и сквозь зубы интересующуюся, что у нас на завтрак, мне было жизненно важно изменить все! И утреннее настроение, и внешний вид, и отношение к предстоящему дню в целом. А борьба за чистые зубы была частью общей стратегии обучения ухаживания за собой. И конечно, эта борьба вмещала в себя борьбу со вьевшимся враньем даже в такой малости, как зубы. Но как ни странно, именно борьба за чистые зубы стала поворотным моментом во всей гигиенической стратегии. Потому что борьба привлекла усиленное внимание к этой проблеме. А где вложено много внимания, там появляется много энергии. А где много энергии, там и произойдут изменения.

Так вот, чем больше я обращала свое внимание на то, чтобы моя дочь честно чистила свои зубы, тем больше моя дочь уделяла внимания поиску способов лжи. В очередной раз моя наученная опытом дочурка совершенно осознанно стала проводить в ванной комнате положенное для утреннего туалета время. Теперь она четко представляла, сколько времени требуется для умывания и чистки зубов. И она это время выдерживала. Не всегда у нее получалось, иногда она на автомате открывала зубную пасту и начинала чистить зубы. Но чаще она делала вид и, как ни в чем не бывало, просила выключить воду, объявляя утренний ритуал ухода за собой завершенным. Пришлось призвать в союзники собственное обоняние. Я принялась каждое утро объявлять, чистила ли зубы моя дочь! И на все 100% я оказывалась права. При этом я стояла просто рядом и не пыталась обнюхать свою дочь, это было бы обидным и

унизительным действием. Мне пришлось стать еще более чувствительной к запахам: у зубной пасты ярко выраженный запах, который держится несколько минут после чистки зубов. Этого запаха и было достаточно, чтобы определить, чистила ли сегодня утром моя дочь зубы. Мое обоняние дочь никак не могла обмануть. И пусть какое-то время она просто ела зубную пасту, чтобы за завтраком пахнуть свежестью. Рано или поздно, но привычка чистить зубы, умываться и расчесываться утвердилась в нашей жизни, и больше мы к ней не возвращались. А какое важное значение в воспитании девочки, будущей девушки и женщины, имеет гигиена и некоторая доля брезгливости, я знала очень хорошо.

Удобная жизнь

Виной всему – стремление к удобной жизни. Причем, обсуждая ложь, я имею в виду удобство не как комфорт, а удобство как нежелание что-то менять или за что-то бороться. Когда всем выгодно вранье? Когда никто не хочет ничего делать! Ребенок не хочет делать уроки, и он врет, что их сделал. Родителям некогда проверять уроки или не хочется внимательно отнестись к учебному процессу (согласитесь, что в учебе много интересных моментов, которые стоит обязательно проверить и учесть в развитии ребенка), поэтому родителям выгодно принять ложь своего ребенка за правду. Ложь спасительна для всех: и для детей, и для их родителей. Она делает удобным их повседневную жизнь.

Ложь приучает людей не думать друг о друге. Или думать, но извращенно, затемняя прошлое. Как в фильме Данелия «Кин-дза-дза» герой Яковлева говорит о людях: «Вы даже думаете не то, что думаете». И еще ложь не только затуманивает прошлое, но и искажает будущее. С одной стороны, ложь отбивает всякую охоту думать о будущем. А вдруг в будущем это тайное вранье станет явью? Мысль настолько тревожная, что она научит лгать самому себе любого человека, стремящегося к удобной жизни! Но, с другой стороны, ложь приучает человека думать об оправдании своего будущего. Лгущий человек часто конструирует свое будущее с учетом совранного, чем погружает себя в опасную реальность веры в то, что именно так его будущее и будет разворачиваться. И с одной, и с другой стороны будущее врущего человека только сильнее будет зависеть от последующей лжи. В этом как раз и состоит развивающий смысл лжи. Человек развивает в себе способность лгать изысканно, продуманно, красиво! Но у большинства

лгущих людей все-таки срабатывает великая русская ментальность. «Авось, пронесет?!» – думает человек, на первых порах еще понимая, что это ложь. И иногда действительно пронесит. Один раз, другой. Но потом, как гром среди ясного неба, оказывается, что ребенок вырос и в школу не ходит. И даже высокооплачиваемый вуз не посещает. А муж уже давно живет с другой женщиной. И жена до сих пор не может простить себе, что не сказала всей правды своим родителям.

Удобная жизнь порождает массу иллюзий и смещает реальность. А ложь является очень эффективным способом поддерживать эту самую удобную жизнь в статусе «кво». Конечно, многие люди стремятся к удобной жизни, потому что не могут себе позволить прервать круговую поруку и все остановить, найти личную энергию на изменение жизненного уклада. Ложь является сильнейшим наркотиком, опутывающим с ног до головы, зомбирующим сознание и парализующим волю. Как любит говорить моя тетья, «сила есть и воля есть, а силы воли –никакой». Именно стремление к удобной жизни стимулирует вранье и, по своей сути, является изначальной причиной фальшивых решений, отдаляющих человека от его истинных намерений и интересов, сковывающих силу воли, так необходимую, чтобы личными усилиями творить, создавать ценное, получать от своей жизни и работы настоящее удовлетворение.

Не наказывать за ложь

Сотни раз я убеждалась в том, что ложь – это пакость, отравляющая нашу с дочкой жизнь. И сотни раз мне приходилось на пределе своих сил и возможностей внимательно относиться к любому несоответствию того, что говорилось моей дочерью, с тем, что есть на самом деле. Моя борьба с вьедливым враньем сделала меня добрее, чем я была до прихода в мою жизнь моей дочери. Это очень странное явление, но я твердо убеждена, что за ложь наказывать ребенка нельзя. Нужно искать смысл лжи и помогать ребенку достигать этот смысл другими способами. Если ребенок врет, потому что ему страшно и он боится сказать правду, надо сделать так, чтобы он смог преодолеть свой страх, и создать условия, при которых правда будет важнее лжи. Если ребенок врет, потому что хочет быть лучше, чем другие, надо сформировать динамику позитивных изменений к лучшему, чтобы у ребенка появилось ощущение, что он сможет развивать свои способности и стремиться к лучшему результату, а не лгать самому себе о своих

вымышленных победах. Если ребенок врет, потому что не может предать других, необходимо вместе с ребенком проанализировать всю ситуацию целиком и помочь ему разобраться с позициями, которые занимают участники этой ситуации.

Как видите, ложь многолика. Она требует от родителей личных усилий, но эти личные усилия направлены на воспитание их ребенка. А что может быть важнее воспитания? Только осознанное воспитание!

Халтурный смысл лжи

Часто бывает так, что у лжи очень позитивный и развивающий смысл. Но еще чаще бывает так, что у лжи смысл вредительский, тормозящий развитие определенных черт характера, таких как трудолюбие, честность, аккуратность, последовательность, настойчивость, смелость. Именно вранье является стимулом развития таких черт характера, как трусость и капризность. Ложь искушает ребенка снизить требовательность к себе, к результатам своего труда, из-за чего страдает здоровое честолюбие и затрудняется формирование адекватной самооценки.

Моя дочь определенно знала, что лгать нехорошо. И она очень стремилась не лгать мне. Но в результате такого стремления в жизни моей дочери процветала халтура: полуправда и полужошь. Происходило на самом деле следующее. Моя дочь должна была сделать мое задание. Вместо того чтобы сделать его полностью и хорошо, она делала его не полностью и плохо. Но ведь она его сделала! А как она его сделала – это другой вопрос. Причем доченька знала, что она сделала мое задание плохо. Но халтура позволяла моей дочери не врать мне.

– Ты написала песню Кашина, трек 10?

– Да, мамочка!

На этом можно историю с песней прекратить и успокоиться. Я знаю, что песня написана. Моя дочь еще лучше меня знает, что песня действительно написана, и она ни в коем случае не врет, а говорит правду. А то, что написан только один куплет этой песни корявейшим почерком и с морем ошибок – это уже не важно. Таким образом, халтура губит смысл самого задания, но избавляет мою дочь от лжи.

– Давай споем эту песню, слова носи! – предлагаю я.

– *Сейчас, – отвечает дочь и убегает.*

Через пять минут моя дочь прибегает ко мне и что-то спрашивает. Я отвечаю и опять интересуюсь, когда будем петь песенку про снежинку.

– *Сейчас, – отвечает дочь и убегает.*

Еще через пять минут моя дочь сообщает мне, что тетрадь со словами песенки куда-то запропастилась.

– *Так найди. Или тебе помочь? – спрашиваю я.*

– *Нет, не надо.*

На третий раз дочь несет тетрадь. Мы усаживаемся поудобнее, и я вижу один куплет, едва различимый от ошибок и корявых букв.

– *Ты же сказала, что ты написала песню?*

– *Конечно, написала, а это что, не песня?*

– *Нет, это не песня. Песню можно спеть. А это и прочитать-то сложно. Ты считаешь мое задание выполненным?*

– *Нет. Я завтра напишу всю песню. Честно.*

– *И тетрадь с честно написанной песней не потеряется, да?*

– *Да.*

На следующий день, если не обратить внимание на качество выполненного задания, все пропадет даром. Все усилия, затраченные на борьбу с халтурой, окажутся напрасными, и придется начинать все заново. Так устроено осознанное воспитание. Если я не довожу последовательно всю стратегию до какого-то приемлемого результата и если я не создаю условий для закрепления этого достигнутого нами результата, то все рушится «на глазах», как будто бы ничего не было! И все придется начинать с самого начала. Или бросить, наплевать и стремиться к удобной жизни: задание сделано. А как – это уже другой вопрос! Вопрос совести, самооценки, честолюбия и, конечно же, трудолюбия.

Импульсы

«А почему на следующий день, а не прямо сейчас?!» – справедливо возмутитесь Вы. Это очень сложный вопрос. Сложный потому что, во-первых, я ни в коем случае не могу отказать своей дочери в доверии. Я изначально должна верить в то, что моя дочь завтра честно напишет слова песни. Мне нужно, чтобы она думала про

себя и свои будущие действия в позитивном ключе. Во-вторых, завтра наступит быстро, и я уверена, что у меня достанет сил и времени на то, чтобы спеть так полюбившуюся нам песню Павла Кашина «Снежинка», слова которой на слух и должна записать моя дочь. Во что бы то ни стало я должна найти силы на это «отложенное» дело! И, в-третьих, мое задание является неотрывной частью стратегии обучения моей дочери писать диктанты грамотно, усердно, вырабатывать чуткое слуховое восприятие. Я принципиально заинтересована в качественном выполнении моих заданий, которые не являются моей сиюминутной прихотью, капризом или частью наказания. Если я не могу доверять своей дочери и ее импульсу-предложению завтра написать слова песни честно, то я могу своим недоверием загасить последующие импульсы, направленные на признание и исправление ошибок. Этого допустить никак нельзя. Нельзя стоять поперек импульса и мешать ему сбыться, случиться. Импульс важен сам по себе. Ибо не будет импульса, не будет ничего! Когда я говорю о доверии, то я говорю о том, что доверяю импульсам своей дочери. Я верю в искренность ее импульсов! И моя глобальная задача – обеспечить возможность их осуществления.

Слово и дело

Но я должна признать, что дети часто лгут, т. е. фальшивят. Под фальшью я понимаю слова, за которыми нет никакого импульса. Поэтому мое согласие с тем, что дочь напишет песню завтра – очень щекотливое и деликатное согласие. Я надеюсь на то, что за ее словами стоит честный импульс сделать так, как она сказала. Так нужно и можно воспитывать неразрывную связь между словом и делом! Возможно, мне придется напомнить дочери о ее обещании, поддерживая движение импульса своей верой и доверием. Конечно, это будет не чистое выполнение обещания. Может быть, моя дочь даже обидится на меня, что своим напоминанием я высказываю свое неверие в честность и искренность ее намерений. И она будет права. Она будет иметь это право при условии, что ее слова про «завтра» обеспечены импульсом действия так же, как должна быть обеспечена бумажная валюта золотым запасом. Вся щекотливость ситуации и состоит в том, что обеспеченность может быть под сомнением.

Именно поэтому мне приходится иногда тут же «брать быка за рога» и просить дочь сейчас написать то, что должно быть написано сегодня! Это самая настоящая проверка на честность: если слова обеспечены импульсом, то ребенок без проблем берет и

выполняет то, что он сказал. Если же импульса нет и слова были фальшивым предлогом избегания ответственности за ошибку и свою халтуру, то ребенок начинает придумывать причину, по которой он не может именно сейчас выполнить это задание! И тогда начинается либо ругань на поле брани, либо жалость и «спускание все на тормозах». Ни та, ни другая стратегия не приводит к возникновению и поддержанию импульса. Ругань портит настроение, а жалость усиливает фальшь и неверие в собственные силы. Если импульса нет, то на пустом месте ему и не возникнуть! Следует ждать другой ситуации, способной породить импульс. Иногда подождать у моря погоды является самым разумным решением, если понимаешь, какая погода должна способствовать появлению импульса, подобно кораблю с алыми парусами на горизонте!

Вранье и завиральные идеи

Каждый человек решает сам, что ему нужнее – ложь или правда. Но каждому человеку, а тем более ребенку, нужны завиральные идеи. Каждый человек с детства учится различать на вкус вранье от завиральных идей. От лжи становится горько. А завиральные идеи сладкие, как тянучки. Рано или поздно ложь заканчивается горькими слезами. А завиральные идеи приносят радость и превращаются в мечты. И только у некоторых людей мечты становятся смыслом жизни, ценностью и общностью бытия.

В жизни всего много: и вранья, и завиральных идей. В них есть много общего. Например, борьба. Только с ложью надо бороться, чтобы ее не было. А за завиральные идеи надо бороться, чтобы они были, развивались и, самое главное, осуществлялись. Потому что ложь отравляет жизнь, а завиральные идеи делают нашу жизнь радостнее и смешнее.

Все дети любят и врать, и придумывать. И только от родителей напрямую зависит, чему же научатся их дети: обману или любопытству, трусости или смелости, халтурности или усердию, удобной жизни или вечному поиску осмысленной жизни.

Задание № 6 для родителей.

Тема № 6. Методы родительского контроля над ложью.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на эти три вопроса:

Опишите, пожалуйста, ситуации, в которых ваш приемный ребенок лгал:

1. Как Вы это заметили, при каких обстоятельствах?
- 1.2 Что Вы, как приемный родитель, почувствовали в самом начале осознания того, что Вам лгут? Как изменялись ваши чувства со временем?
- 1.3 Что чувствовал Ваш приемный ребенок? Как Вы поняли причины лжи? Как изменились чувства ребенка в связи с тем, что его ложь была обнаружено?
- 1.4 Какой разговор у Вас состоялся с приемным ребенком и на чем Вы остановились? Какое решение было принято по результатам обсуждения причин лжи?
- 1.5 Какой контроль над ситуацией в целом со своей стороны Вы смогли организовать? К каким последствиям привело Ваше решение и как оно смогло изменить отношение приемного ребенка ко лжи?
2. Отсутствие какого именно контроля со стороны приемных родителей больше всего позволило приемному ребенку солгать?
3. Напишите, пожалуйста, что Вы думаете о доверительных отношениях к импульсам ребенка сказать то, что он сможет доказать или подкрепить делом. Существует ли рассогласованность между словами и делами у вашего приемного ребенка?

Список рекомендуемой литературы по теме «Методы родительского контроля над ложью»

Братченко С.Л. Верим ли мы в ребенка? Личностный рост с позиций гуманистической психологии // Журнал практического психолога. – 1998. – № 1. – С. 19–30.

Девина И. Правда о лжи // Школьный психолог. – 2009. – № 6.

Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб: Алетейя, 1999. – С. 282.

Папуш М. Практическая психотехника. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 1997.

Пол Экман. Психология лжи. – СПб, 2001.

Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 343 с.

Степанов С.С. Психологическая мозаика. – М.: «Академия», 1996.

Глава 7.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ ТРУДНОСТЕЙ, СВЯЗАННЫХ С СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЗАПУЩЕННОСТЬЮ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА И НЕСФОРМИРОВАННОСТЬЮ УЧЕБНЫХ НАВЫКОВ

Безусловно, для того чтобы преодолеть школьные трудности приемного ребенка, недостаточно простого родительского терпения и упования на то, что со временем все образуется. С образовательными стратегиями так не получается! Для того чтобы приемные родители были способны помочь своему ребенку сформировать нормальный школьный образ жизни, необходимо обладать воистину педагогическими знаниями и быть готовыми к тому, что на протяжении достаточно большого промежутка времени Ваш ребенок будет в школе *неуспевающим учеником*. И причин тому много.

Во-первых, приемные дети – это чаще всего дети из неблагополучных семей. Следовательно, их *готовность к обучению минимальна*. Готовность к школьному обучению предусматривает наличие навыков самоконтроля, работоспособности, сформированного произвольного внимания и памяти. И кто же из неблагополучных родителей формировал у своих детей, впоследствии изъятых из семьи в связи с лишением родительских прав, данные качества? Может, на ночь детям читали книги, вместе рассматривали картинки, учили стишки и песенки, занимались рукоделием

и конструированием? А раз этого *ничего не было*, то и сформированным учебным навыкам откуда взяться!

Во-вторых, неблагополучные родители «наградили» своих детей своеобразной *социальной и интеллектуальной апатией*. Безволие, апатия и социальный инфантилизм, несостоятельность и несаможительность, иждивенчество и потребительство самих родителей усугубили проблемы детей. Дети из неблагополучных семей с ранних лет были лишены родительской поддержки и своеобразной подпитки для выработки нужных качеств. А ведь именно родительские успехи и достижения являются для детей своеобразным стартом. Какой старт получает ребенок безвольного родителя? Имеет ли он шанс, как по мановению волшебной палочки, получить от родителей такое важное для учебы и всей жизни качество, как воля?

В-третьих, приемный ребенок жил в извращенных и далеких от нравственности условиях, на его глазах разыгрывались драмы и трагедии, он наблюдал и, возможно, участвовал в семейных скандалах и драках – все это повлияло на эмоционально-волевое развитие ребенка. И жизнь ребенка без любви, принятия, жизнь в постоянной тревоге и беспокойстве приобрела *аффективную окраску*. А, как известно, *аффект губителен для интеллекта*, поскольку тормозит развитие любознательности и познавательного интереса. Необходимо понимать, что стремление учиться не возникнет на голом месте, поскольку оно формируется самим укладом семейной жизни. И если длительное время семейная жизнь ребенка в кровной семье не только не вызвала желания учиться, но и противоречила минимальному здравому смыслу, – ребенок из такой семьи, помещенный в приемную семью, проявлять интереса к учебе поначалу не будет.

Одна из важных школьных проблем приемных детей – неусидчивость, слабость произвольного внимания, недостаточный объем оперативной зрительной и аудиальной памяти. В основе стабилизации нервной системы ребенка и баланса процессов возбуждения-торможения лежит постоянная и систематическая забота значимого и постоянного взрослого об удовлетворении потребностей малыша. При этом, эмоциональная сторона ухода за ребенком (т. е. демонстрируемое взрослым теплое и нежное отношение к ребенку) так же важна, как и правильный уход за ним. Но дети из неблагополучных семей, отказные дети, на протяжении всей своей жизни в кровной семье и детском доме пребывают в состоянии

эмоциональной депривации, т. е. недостатка эмоционального тепла и позитивного отношения со стороны значимого взрослого. Находясь в условиях учрежденческой защиты и ухода, даже при самом точном с точки зрения санитарии и гигиены удовлетворении своих потребностей, они лишены главного – значимого и близкого взрослого, постоянно и эмоционально заботящегося о них. Отсюда вытекают трудности школьного обучения в виде невнимательности, непоседливости, иногда – безэмоциональности, слабости эмоционально-волевого самоконтроля, отставания в развитии навыков самообслуживания.

Что же можно сделать для оптимизации школьного образа жизни приемного ребенка? Очень хочется, чтобы школа по-доброму относилась к приемным детям и их приемным родителям. Приемные дети не лучше и не хуже других, они просто другие, возможно особенные. И неизвестно, как бы сложилась жизнь самой взыскательной учительницы, пройди она примерно такой же *недетский путь*, включая проживание в детском доме. Приемные родители должны быть готовы и конструктивно настроены на диалог с коллегами-педагогами так же, как и сами педагоги должны быть заинтересованы в конструктивных контактах с приемными родителями. Если педагоги в школах и приемные родители дома начнут создавать условия для своеобразного «вычеркивания» приемных детей из школьной жизни, поверьте, ответная реакция не заставит себя долго ждать. И проявления реакции будут неуправляемы – рост преступности, семейного неблагополучия, социального сиротства.

В популярной социально-педагогической литературе можно найти много советов о том, как помочь приемному ребенку – школьнику. Эти типичные советы адресуются в первую очередь приемным родителям.

Совет первый: общайтесь с ребенком *тепло и позитивно-эмоционально*, поскольку «аффект тормозит интеллект». Отставание в развитии детей из неблагополучных семей связано с недостатком любви и вызванной этим тревогой, которая блокирует природную любознательность ребенка. Только после того, как ребенок в приемной семье обретет стабильную привязанность и эмоциональную защиту, начнется поступательный процесс его развития.

Совет второй: *не сравнивайте* приемного ребенка с другими детьми. Каждый ребенок уникален, кроме недостатков есть еще и

особенности. Только эмоциональная поддержка и постепенное движение от одного маленького успеха к другому помогут преодолеть неуверенность ребенка в своих силах и боязнь потерпеть неудачу.

Совет третий: проявляйте *терпение* в процессе воспитания. Получить все и сразу невозможно. Быстро – не всегда значит «хорошо». Когда между приемными родителями и ребенком сформировалась привязанность, темп развития ребенка начинает определяться природной любознательностью и индивидуальными способностями.

Совет четвертый: постарайтесь обеспечить ребенку *разумные нагрузки*. Учебные нагрузки должны быть посильны и для нервной системы, и для интеллектуального потенциала ребенка. Посоветуйтесь со специалистами (педагог, психолог), разработайте индивидуальную гибкую систему занятий с вашим ребенком. Приготовление уроков «до ночи» не бывает продуктивным!

Совет пятый: ищите *позитив*. Никому не хочется делать то, что не получается. Научите своего ребенка замечать пусть небольшие, но улучшения. Успех – лучший мотив в обучении.

Совет шестой: *хвалите за усилия*, а не за результат. В любом деле важны последовательные усилия и преодоление трудностей. Научить ребенка этому – основная задача. И эту задачу приемным детям решать сложнее, чем родным, по двум причинам: во-первых, опыт отвержения родными родителями подрывает у ребенка веру в себя, а она лежит в основе настойчивости и упорства (не путать с упрямством – это вещи прямо противоположные!); во-вторых, именно воля и терпение – качества, которые отсутствовали у биологических родителей этих детей, и поэтому формировать их приходится «с чистого листа».

Совет седьмой: *верьте в ребенка*. Вера взрослых в ребенка – источник его жизненных сил и две трети будущего успеха как в школе, так и в жизни.

Страницы из дневника приемной матери.

Школьные трудности

Школьные трудности были настолько велики, что их тем более пришлось разделять на части, с которыми уже можно было что-то делать: осознать их, понять, какие действия нужны моей дочери для их преодоления.

Первый день в школе

Первый школьный день закончился слезами. Я пришла за своей дочерью в класс. Некоторые ученики толпились у доски, некоторые толпились за столом учителя, некоторые срочно дописывали свои задания. Моя дочь увидела меня, молча собрала в портфель свои вещи и вышла из класса. Мы вместе преодолели огромное пространство школьного коридора, сели на лавочку, и моя дочь зарыдала. Пока она плакала, я заметила, что ее руки все исписаны пастой, волосы спутаны: ни следа от утренней ухоженности не осталось. К нам подошла учительница и стала хвалить мою дочь, что она выдержала свой первый день в новой школе, с новыми одноклассниками. Я до сих пор благодарна учительнице за ее те слова, которые позволили моей дочери освоиться в новой школе. Мы подождали, пока слезы не иссякнут. Это были и слезы жалости к своим упущенным возможностям, и слезы горечи от того, что ты не можешь проявить себя наравне с новыми, более сильными одноклассниками. Это были и слезы злости на весь окружающий мир. Дома мы ели вкусный торт в честь первого школьного дня, и моя дочь сказала, что только сегодня она поняла, как много упущено в ее жизни и как она зла на тех, кто не помог ей.

Именно в этот день мы дали клятву, что будем заниматься каждый день и наверстывать упущенное, что мы вырвемся из омута двоек и незнания. Моя дочь в первый свой школьный день в полной мере прочувствовала свою слабость и неподготовленность как ученицы. Она смотрела на своих одноклассников и видела, какие они умные, начитанные, радостные и сильные. И хотя никого конкретного она за первые дни не могла выделить и ни с кем не познакомилась, ощущение того, что она попала в сильный класс, у нее сформировалось четкое. И желание подняться на их уровень у нее было не менее сильным. Это внутреннее ощущение и желание стали фундаментом для наших ежедневных занятий. Свои школьные уроки моя дочь делала на продленке, а после школы мы вместе с ней занимались развитием ее способностей. Я не работала и могла уделять времени столько, сколько нужно.

Вялость учебной позы

Я сразу заметила, что моя в целом физически сильная дочь при усаживании за учебные занятия сразу принимает позу «растекающейся амебы». Вялость и медленное, но неуклонное сползание со стула были постоянными спутниками учебного процесса. А о

каком внимании можно говорить, когда моя дочь чуть ли не лежит в компьютерном кресле за столом! Вялость и сползание были тотальными: сидела ли моя дочь на кресле и писала за столом, сидела ли моя дочь на кровати и читала. Практически все, что делала или собиралась делать моя дочь из учебных дел, через несколько минут превращалось в «кисель». Мышцы становились вялыми и чересчур расслабленными, позвоночник уже был не из костей, а из мягкого парафина, голова безвольно падала на грудь, горло и сердце зажимались, ноги и руки становились ватными.

Совершенно по-другому моя дочь сидела, когда вышивала, вязала или когда мы вместе с ней собирали пазлы. Это была поза усердия и сосредоточенности. Мы могли собирать пазлы три часа кряду и ни разу не отвлечься. Разительная перемена телесной позы для творчества и для учебных занятий навела меня на мысль, что, пока мы не изменим позу, занятия по развитию способностей будут идти впустую. Поэтому я решила начать с позы и пока не обращать внимание на то, как пишет, читает, решает задачи моя дочь. Главное, чтобы она научилась сидеть «достойно».

Твой стол

Ребенок из детского дома не умеет делать уроки за столом. Он обычно либо не делает их вовсе, потому что ему итак поставят «трояк», либо делает их где придется. Моя дочь первые месяцы привыкала делать мои задания за столом. Каждый день я входила в комнату, видела, как, скрючившись на кровати или на полу, она пыталась что-то писать, я строго брала свою дочь за руку и буквально перетаскивала ее с тетрадью за стол. С этого началась моя битва с вялостью. Это было похоже на игру с «Ванькой-встанькой». После того как нам удалось включить стол в свою учебную жизнь, я стояла, как оловянный солдатик, рядом с обычным креслом для письменного стола, на котором сидела моя дочь, и при первых попытках «сползания» я поднимала и усаживала ее обратно.

Все мои действия сначала казались мне самой очень искусственными, и я не была уверена в их эффективности. Однако я вспомнила спор между Станиславским и Мейерхольдом. Мейерхольд разрабатывал такую систему актерского мастерства, при которой правильно принятая поза актера приводит в соответствие его эмоциональное состояние. Например, если актер примет позу печали, то ему обязательно станет действительно печально. Станиславский же, наоборот, выстраивал свою систему из внутрен-

него состояния актера, а не из его внешнего самоопределения. Поскольку я не могла повлиять на внутреннее состояние своей дочери, а внимательной и усердной сама по себе она не станет, то я сконцентрировалась на внешней позе моей дочери, доверившись Мейерхольду. Мы экспериментировали, в какой позе моей дочери удастся написать более грамотно задание. Мы поднимали ноги, мы поджимали ноги, мы ставили их на табурет, мы снимали их с табурета – и они висели произвольно. Мы экспериментировали с высотой кресла: моей дочери нравилось его регулировать. Так или иначе, но манипуляции с креслом сделали свое дело и через нескольких месяцев ежедневных усилий моя дочь садилась без напоминаний за свой стол делать мои задания в одной из разработанных нами поз внимания.

Моя рука на ее макушке

Хуже обстояло дело с чтением. В первые месяцы каждый вечер я читала своей дочери сказки. Она с удовольствием слушала их. Сама она любила только рассматривать картинки и прочесть хотя бы маленький отрывок интересного и познавательного текста, например, из детской энциклопедии, наотрез отказывалась. Дочери было почти 12 лет, и мы безнадежно отставали в развитии из-за того, что дочь моя не умела читать. Но она не просто не умела читать. Она имела ярко выраженную негативную реакцию на чтение. Она сначала скулила, потом начинала отнекиваться «Не буду, не хочу, не интересно!», а затем уползала под одеяло, стол и там рыдала.

Мне с трудом удалось ее уговорить читать вместе со мной по очереди. Пока читала я, моя дочь сидела прямо и внимательно слушала. Но как только она сама начинала читать, она тут же принимала почти лежачее положение, при котором горло зажималось, и слабеньким, едва слышным голоском она произносила какие-то отрывистые звуки, редко соответствующие написанным в книге буквам. В результате одно слово читалось моей дочерью как пять или шесть разрозненных и отрывистых звуков. Чтение было похоже на «умирающего лебедя», голос которого вот-вот исчезнет вовсе. Я поняла, что с такой позой чтения мы далеко не уедем и что необходимо подготовить пространство для хорошего звучания. Поэтому первое, что я сделала, это стала следить за позой, держа свою руку на макушке головы своей дочери. Как только моя дочь начинала сползать, я поначалу не больно пальцами цеплялась за ее волосы. Но если сползание продолжалось, я уже

больно хваталась за волосы и тащила все тело вверх, до ровного вертикального положения. Этим же способом я регулировала силу голоса. Как только голосок моей дочери становился слабее, я пальцами барабанила не больно по макушке.

Конечно, первые дни моя рука на макушке у дочери вызывала агрессию, злость и раздражение. Я понимала, насколько это неприятно, но настаивала на своем. И еще я делала общий массаж, вытягивала ей руки, ноги. Массаж дочь очень полюбила и прощала мне то, что приходилось делать ей больно, тащить ее за волосы. Я рассказывала, как барон Мюнхгаузен сам вытащил себя за волосы из болота и тем самым спасся от неминуемой гибели. Я показывала на себе, как барон себя тащил. Моя дочь, впечатлившись Мюнхгаузеном, достаточно быстро сочла этот способ приемлемым для обучения чтению. Сейчас она может сидеть спокойно и прямо. Но мы пролили много слез и испортили много вечеров ради этого.

Сильный голос

Как я уже говорила, моя дочь читала очень слабеньким голосочком, звучащим отрывисто. Но ее голос не был слабым в принципе. Моя дочь иногда производила столько шума, сколько не может производить и орава детей. Она разговаривала громким, глухим голосом. А в чтении ее голос вырождался в слабый и неуверенный. Поэтому вторым делом мы начали прорабатывать силу голоса. Надо сказать, что многие взрослые люди понятия не имеют о свойствах своего голоса, о его возможностях и о его силе. Голос так же уникален, как почерк, речь, манера, стиль. К сожалению, голоса российских мужчин и женщин в большинстве своем не раскрыты, не развиты и их потенциал никак не задействован. Как многие взрослые используют 10% мощности своего компьютера, используя его только как печатное устройство, так многие взрослые люди используют возможности своего голоса не более чем на 10%. А те люди, которые профессионально используют свой голос и работают над ним, например, певцы, дикторы, артисты, отлично знают, что голосовые связки развиваются, и язык «накачивается» так же, как и обычная мышца, и артикуляция может быть достаточно четкой, если ею заниматься. И мы занимались. Тянули каждую букву, пока ее звучание не становилось приличным. Мы старались при чтении контролировать темп и ритм и добивались «наполненности» в голосе. Это было самым сложным, но необходимым. Как я уже отмечала, нам очень помогла игра на флейте, благодаря которой у моей дочери

установилось правильное дыхание. Мы прорабатывали горестные ситуации из прошлой жизни моей дочери, благодаря чему зажимы в области горла ослабевали. И чем больше открывалось горло, тем легче было удерживать голос наполненным и сильным.

Через год нам стали доступны стихи. Это было здорово!

Техника чтения

Чтение – это сложный процесс согласования зрительной, аудиальной и кинестетической модальностей. Ребенок смотрит глазами на текст, зрительная информация переводится в аудиальную – ребенок произносит то, что он видит, подстраивая при этом кинестетику – движение губ, языка, мимических мышц, артикуляцию в целом. Детям, у которых ведущей системой восприятия информации является зрительная, легко читать. Они мало осознают то, что говорят. Потому что они произносят почти только то, что видят. Они также не зациклены на усталости, так как они не осознают утомление мышц, участвующих в речи. Они легко запоминают отличия в зрительных образах каждой из букв. На то они и визуалы!

Для аудиалов, детей с ведущей аудиальной (слуховой) модальностью, чтение таит в себе сложности, поскольку им приходится подчинять свою ведущую модальность зрительной, а это само по себе нелегко сделать и требует больших усилий над собой. Поэтому аудиалы не дочитывают слова, а стараются их узнать или угадать по первым слогам и договорить, путая окончания или неправильно согласовывая их со словами рядом. Они, так же как и визуалы, не утомляются от чтения, как и в целом от своего любимого говорения (аудиалы чаще всего болтуны), но их может раздражать то, что нужно внимательно смотреть достаточно длительное время. Долго подчиняться своему зрению они не любят и зачастую их трудно заставить прочитать до конца все, что задано. Они бы с большим удовольствием сочинили продолжение сказки, рассказа, повести, чем читали текст дальше.

Для кинестетиков главным является ощущение, поэтому эти дети слишком быстро ощущают усталость от чтения и долго им действительно читать трудно. В это может не верить учитель или родитель, но от этого кинестетику не легче: он устает. К тому же именно кинестетик переживает всю гамму чувств, заложенных в сказке, рассказе, повести. И ему очень важно поделиться своими чувствами с другими или наедине с собой пережить еще раз то, что он прочитал только что. Поэтому кинестетики отвлекаются

от чтения. Все это в буквальном смысле раздражает учителя, но именно для этого и пишутся сказки, рассказы, повести – чтобы их переживать! Поэтому кинестетик наиболее близок к пониманию смысла текста. Не просто к техническому запоминанию, а к сопереживанию. Но именно глубина переживаний и делает невозможным высокие формальные показатели чтения. Техника чтения, его скоростные характеристики являются для некоторых детей не только непреодолимыми, но и бессмысленными. Невозможно предъявлять одни и те же требования по чтению для визуалов, аудиалов и кинестетиков. Потому что смысл чтения для каждого из них находится в разных пластах.

Смысл чтения

Визуалу легко прочитать любой текст. Он по прочитанному легко снимет свое «кино», т. е. увидит все как бы со стороны. В этом его смысл чтения – создать зрительный образ. Аудиал читает для того, чтобы «напитаться» любимыми словечками, выражениями, уловить неповторимость стиля писателя и научиться самому так говорить, подражать, интонировать. В этом его смысл чтения. Кинестетик читает для того, чтобы получать впечатления и ощущать всем телом глубину чувств, заложенных автором в действиях героев сказки, рассказа или повести. В этом его смысл чтения. Ни для одного из детей техника чтения не является значимой характеристикой чтения. Она лежит «мимо смысла».

Поскольку моя дочь была аудиальным кинестетиком, я пыталась привлечь ее внимание и стилем написания, и глубиной чувств. Мы читали только яркие эмоционально окрашенные сказки, наполненные действиями героев и героинь. И, конечно, делились своими впечатлениями от прочитанного. Однажды мы побили рекорд: обсуждали буквально каждое предложение из мифа Древней Греции. Комната моей дочери наполнилась большими, красивыми и интересными книгами-энциклопедиями, которые она рассматривала, выуживала какую-то частичку прочитанной информации и захлеб рассказывала мне о тех фактах, которых она раньше не знала. Познавательная активность дочери была высокой, ей многое стало интересно. Но читала она все равно мало и недолго. Я радовалась хотя бы тому, что она читала.

Трудности с русским языком

Я не могла понять, что за слова пишет моя дочь, начиная с четвертого-пятого слова. Я наблюдала за тем, как моя дочь пишет зри-

тельный диктант, проще говоря, как она переписывает текст в свою тетрадь. Видимо, ее глаза могли несколько первых минут более-менее внимательно прочитать то, что написано в книжке, а затем глаза «уворачивались» от этого дела. И начинались обрывки слов. Руки что-то писали, работали, выводя какие-то корявые буквы левой рукой. Над тремя-четырьмя предложениями моя дочь сидела более часа. Это было ужасно медленно и слишком напряженно.

После того как моя дочь якобы заканчивала свою работу, она либо залезала под стол и там сидела, либо пряталась в подушках дивана. И все мои попытки приблизиться к тому, чтобы она могла увидеть свою работу и проверить себя, не были эффективными. На просьбы дочь не реагировала. На уговоры хотя бы мельком взглянуть издали на свою работу дочь фыркала, злилась или начинала плакать. Иногда мне удавалось ее подтащить силой или выманить хитростью к столу. И тогда моя дочь молниеносно хватала тетрадку и рвала ее со страшной злостью. Или после часа рыданий моя дочь могла вырвать этот листок, предварительно его исчеркав, сесть и начать писать заново. Но посмотреть на второй раз написанный текст она также не решалась. Глаза откровенно трусили! Им было невыносимо противно смотреть на работу рук. Но и помогать своим рукам глаза дочери явно намерены не были.

Соппротивление глаз

Итак, на глаза не было никакой надежды. При этом, когда моя дочь смотрела мультики, она уходила полностью в этот процесс. Она могла не замечать вещей на столе, не видеть ничего вокруг, но стоило ей рассмотреть картинку, как она могла достаточно точно ее описать. Моя дочь обладала хорошей зрительной памятью. И я понимала, что неучастие ее глаз в письменной работе является неким следствием. Дело не в том, что моя дочь плохо видела. Мы несколько раз ездили к разным специалистам, пока врачи меня не убедили, что ее глаза здоровы и что если она не может хорошо читать и писать, то это проблема психологического характера.

Как только я убедилась, что у моей дочери в принципе с глазами все в порядке, я ужесточила свое отношение к ним. В плане чтения я стала предъявлять более строгие требования. А в плане письма я на время глаза оставила в покое. Но подбирала для глаз необычные задания: головоломки, ребусы, лабиринты, запоминание картинок, поиск, расшифровка анаграмм и все, что могло развивать именно зрительное восприятие. Кроме того, мы зани-

мались развитием визуального конструирования, собирали объемные пазлы, решали много геометрических заданий, развивали восприятие цвета и формы.

Довериться глазам

Основной задачей таких творческих заданий было укрепление уверенности в восприятии зрительной информации. Мне было важно не только развить визуальную систему восприятия, но и создать условия для того, чтобы моя дочь смогла начать доверять своим глазам. Потому что без доверия мы не могли сформировать зрительный контроль.

Вообще, любое контролирование чего-либо начинается с устойчивого доверия к этому. Ребенок может при хорошо развитом зрительном восприятии запомнить, что слово «бегемот» пишется из таких букв, как «б, е, г, е, м, о, т». Но вспомнить этот зрительный образ слова на диктанте и написать его правильно можно только при условии, что ребенок доверяет своим глазам больше, чем внутреннему голосу, который один раз может продиктовать ребенку «бигемот», а второй раз – «бегимот». И только глаза могут быть ответственными за грамотность написания того или иного сложного слова. А для формирования ответственности глаз, их контролю над письмом им необходимо довериться.

Все мои задания были направлены на формирование доверия к глазам, чтобы, в конце концов, именно глаза приняли на себя ответственность за письмо. Для того чтобы ничто не могло отвлечь глаза от их работы, я сняла все яркие, красочные игрушки, поместившиеся на столе моей дочери. Поскольку в четвертом классе домашние уроки дочь делала на продленке в школе, наши занятия проходили по вечерам. И я особо старалась, чтобы хорошее настроение за ужином плавно перетекало и на вечерние занятия.

Отсутствие внутренней речи

Как я уже отмечала, у моей дочери была только внешняя речь. Внутренняя речь нам была недоступна – ее просто не было, и все, о чем думала моя дочь, она тут же и выдавала вслух. Поэтому говорила она почти постоянно, вернее – была вынуждена говорить. Первое время мои рассказы о том, что человек может думать внутри себя и что не обязательно все мысли высказывать вслух, не имели никакого эффекта. Поскольку внутренняя речь не была сформирована, то о внутреннем речевом контроле можно было только пока

мечтать. И не более. Моя дочь при переписывании достаточно простого для четвертого класса текста не умела себе ни диктовать, ни смотреть за тем, что пишут ее руки. Поэтому что руки написали, то и написали. Как говорится, что выросло, то выросло! Без контроля со стороны глаз и речи. А что могли написать руки?

Одиночество рук

Я рисовала на белом листе руки, обводила их цветным фломастером и показывала, что у них на кончиках пальцев нет своих глазок и ушек. Я постоянно хвалила руки своей дочери, которые ловко за все принимались. Руки научились печь блины, они клеили и вырезали, они мастерили и чинили. Руки были самыми открытыми и послушными. Поэтому я предложила рукам вернуться к прописям. Мы купили тетрадь, и руки каждый день выводили буквы и цифры. Руки писали по пунктирным линиям, и письмо моей дочери постепенно, параллельно с ее настроением и характером выправлялось.

Кроме прописей, я затеяла игру с темпом письма. Мы купили электронный будильник с яркими цифрами, показывающими время. Мы фиксировали время начала и окончания переписывания текста. Основными показателями успешности выполнения этого задания были время и понятность написания букв. Ни о какой грамотности мы речь не вели. Время было очень значимым. За несколько месяцев усердных, ежедневных занятий моя дочь сократила время переписывания одинаковых по объему текстов с одного часа до 30 минут. Это была победа над медлительностью и неуверенностью рук.

С понятливостью почерка дело обстояло сложнее, поскольку для того, чтобы понять, какая буква написана в том или ином слове, моя дочь должна была посмотреть на эту букву. Я изда-лека показывала своей дочери ее работу и просила посмотреть на слово, которое я отметила зеленым фломастером. Чаще всего моя дочь пыталась рассматривать непонятную мне букву с расстояния не менее одного метра. Потом постепенно она сократила это расстояние, поскольку тоже хотела понять, что же там написано. Иногда дочь даже брала в свои руки тетрадь, чтобы рассмотреть ту или иную спорную букву. Это был уже подвиг с ее стороны. Так, потихоньку, моя дочь училась воспринимать свою письменную работу со стороны.

Двойка

Первый рассказ моей дочери:

Жил-был жираф. Он был отличником, кроме физкультуры. Ему дети показывали, как надо кувыркаться. А он не мог повторить. Когда он бегал, то был самый последний, не считая черепахи. Когда кончилась четверть, он шел домой. И он на половине пути остановился и начал плакать. Когда люди проходили мимо, они думали, что начался дождь. Когда он пришел домой, родители спросили:

– Ты что такой грустный.

– Я получил двойку.

Родители посоветовались и показали свои дневники. У них тоже были двойки по физкультуре.

В школе мы из двоек пока не выбирались по русскому языку, но зато мы гордились тем, что нам уже было за что их ставить! Количество ошибок было невероятным, но мы устойчиво двигались по пути их сокращения. Спасительными для дочери были все творческие задания, сочинения, которые она писала очень интересно и даже более старательно, чем диктанты.

Напиши песню

Примерно через шесть месяцев наших занятий мы с дочерью приступили к диктовкам, т. е. к письму со слуха. Моя дочь научилась себе диктовать еще в классе, слушая, как шепчут себе под нос слова ее одноклассники. И поскольку речевой регресс становился все более редким и нам удавалось контролировать коверкание слов, то мы придумали такую стратегию подготовки к «главному диктанту». Моя дочь очень любила слушать «Алису в Стране чудес», где озвучивали роли знаменитые Абдулов, Румянова, Ханаева, Высоцкий. А какие замечательные слова и музыку написал Владимир Высоцкий! Его песни мы обожали и знали наизусть. Так вот, все и началось с «Алисы». Я какое-то время называла свою дочь «голова – два уха». В интерпретации «Алисы» это было завуалированное определение двоечника. Я попросила свою дочь написать эту песню, вернее – слушать и записывать слова. Дочь с радостью и даже страстью взялась за дело. Каждый день мы слушали какую-то песню и проверяли, насколько точно дочь переписала слова к ней. Почему-то глазам моей дочери на слова любимых песен смотреть

было позволительно, а на переписанные тексты – нет! Это была настоящая загадка, но, выучив наизусть «Алису» и записав песни из этой сказки, мы стали «головой – три уха», поскольку наш главный диктант дочь написала на заслуженную тройку!

Таким образом, мы переписали все слова любимых песен Кашина, Юты, Сургановой, Митяева, Визбора, Земфиры, Гребенщикова, Цоя, Шахрина и многих других. Мы продолжаем и поныне эту стратегию письма со слуха. Сложные и длинные слова мы точно научились писать более грамотно и целиком именно благодаря этой стратегии, потому что нам по душе стихи и потому что глаза могут участвовать в процессе проверки. В зрительных диктантах глаза приступили к проверке значительно позднее. Понадобилось больше года тренировок, чтобы глаза могли спокойно и осознанно контролировать письмо и помогать своим рукам. На мощную поддержку глаз руки отреагировали немедленно, выработав несколько почерков, отличающихся аккуратностью и стройностью. На такую работу и глазам смотреть приятно!

Пятый класс

В пятом классе дочь делала домашние уроки уже дома, и я предпочла убрать телевизор в течение рабочей недели, чтобы ничто не могло отвлечь глаза моей дочери от своего главного предназначения – видеть, наблюдать, читать, решать, контролировать. Причем мы договорились с дочерью, что выполнение домашних заданий является ее настоящим делом и я не контролирую их выполнение. Но почти каждый день моя дочь делала мои задания: либо это был определенный зрительный диктант, либо это было задание написать слова песни любимого исполнителя, либо это были задачки. Я брала учебник и выбирала пять задач из принципиально разных математических тем. В это время я начала работать над новым проектом и приходила домой после 20.00. Все свои задания я писала дочери на листочке из симпатичного блокнота и прижимала магнитом на дверцу холодильника. Моя дочь самостоятельно делала и школьные, и мои задания.

Таким образом, я не только могла контролировать развитие способностей, но и была содержательно в курсе того, насколько моя дочь понимает тот учебный материал, который проходит в школе. И если какая-то задачка ею не решалась, то мы вместе читали учебник и старались понять, по каким правилам и принципам решаются такого типа задачи. Надо сказать, что учебник

пятого класса по математике меня очень сильно расстраивал и приводил в раздражение. Определения сложения и вычитания я не смогла не только выучить даже после третьего прочтения, но и понять, зачем так усложнять эти определения и кому они могут понадобиться в таком виде? В учебнике все темы были перемешаны и никакой ясности не представляли. Если я не знала, как решить задачу, я пыталась найти данную тему в учебнике и тщательно изучить принципы и закономерности. Но найти в нашем учебнике по математике что-либо оказалось безнадежной тратой времени. Поэтому многие задачи приходилось решать на чистом и незамутненном здравом смысле. Особенно это касалось задач, решаемых с помощью уравнений. Я долго приучала свою дочь рисовать условие задачи, чтобы в чертеже или рисунке отражалась вся информация. И, конечно же, на рисунке должны быть знаки вопроса! Моя дочь частенько решала почти всю задачу, но, увлекаясь записью ее решения, она забывала о главном вопросе задачи. В результате задачу нельзя было считать решенной – ответа не было! С этой проблемой мы долго боролись, правда, уже без слез, что само по себе являлось чудом. На листочке я нередко делала такую запись: «5 задачек», дальше перечислялись их номера, а затем крупно печатными буквами я писала: «рисунок + решение + ответ». И при проверке выполнения заданий я строго следила, чтобы моя схема реализовывалась полностью. Я длительное время вынуждена была идти на сознательную строгость и требовательность в процессе проверки. А каждый раз по его завершении я меняла, опять-таки сознательно, почти по-сталкерски, свое настроение. И даже если я была расстроена плохим выполнением моих заданий, как только я добивалась исправлений в задачах и примерах, я обязательно придумывала что-то интересное и увлекательное для того, чтобы напряженность нашего общения во время проверки не перетекала в напряженность наших отношений после ее завершения. Это было очень важным для меня.

Я очень радовалась тому, что моя доченька научилась изменять свое настроение в соответствии с ситуацией. В целом настроение моей дочери стало очень позитивным и радостным, даже несмотря на уныние от двоек и слезы от невыносимого количества ошибок в русском языке! Я считаю, что хорошее настроение является важнейшим залогом эффективного обучения и развития в целом. И пусть мне, как приемной маме для своей дочери, придется еще не раз и не два столкнуться с проблемами и полового созревания,

и послушания, и вранья и многого еще чего, наше хорошее настроение позволяло мне сохранять присутствие духа, укрепляло наше внимание и доверие.

Ромашка

Первая сказочная повесть моей дочери:

Жили-были розы. А около дороги росла Ромашка. Розы красовались собой. Их поливали. Они жили счастливо. А Ромашку никто не замечал. Она хотела превратиться в птицу и улететь. Она поняла, почему растет. И она стала благоухать. Но по-прежнему ее не замечали. Но однажды выбежала маленькая девочка и заметила Ромашку. И сказала: «Мама, смотри!» И все ее заметили. И все удивились, как они могли не заметить Ромашку, ведь она с ними была вечно!

Лягушка

Жила-была семья. У них родилась дочь. Они поехали покупать ей одежду. Она хотела желтый плащ, а ей купили зеленый плащ с брошкой. Она обиделась и сказала: «Я буду гулять в нем только тогда, когда будет идти дождь».

Когда она шла по улице, все говорили: «Сейчас начнется дождь». Хотя он уже шел.

Задание № 7 для родителей.

Тема № 7. Преодоление школьных трудностей, связанных с социально-педагогической запущенностью приемного ребенка и несформированностью учебных навыков в замещающих (опекунских, приемных, фостеровских или патронатных) семьях.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на эти три вопроса:

1. С какими школьными трудностями Вашего приемного ребенка столкнулись Вы?
2. Как складывалось формирование школьного образа жизни Вашего приемного ребенка? Опишите, пожалуйста, его чувства.
3. Как Вы преодолевали школьные трудности вместе с ребенком? Повлияли ли трудности в школе на Ваши отношения с ним?

Список рекомендуемой литературы по теме: «Преодоление школьных трудностей»

Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. – СПб: Питер, 2008. – С. 320.

Безруких М.М. Трудности обучения в начальной школе. Причины, диагностика, комплексная помощь. – М.: «Эксмо», 2009.

Безруких М.М., Сонькин В.Д., Фарбер Д.А. Возрастная физиология (физиология развития ребенка). – М.: Академия, 2009.

Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? – М., 1997.

Гобова Е.С. Понимать детей – дело интересное. – М.: «Аграф», 1997.

Дубровина А.С. (ред.) Психическое развитие воспитанников детского дома. – М.: Детство-Пресс, 1990.

Захаров А.И. Как преодолеть отклонения в поведении ребенка. – М., 1989.

Петрановская Л.А. К вам в класс пришел приемный ребенок. – М., 2008.

Прихожан А.М. Психокоррекционная работа с тревожными детьми: активные методы работы школьного психолога. – М., 1990.

Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – 3-е изд. – СПб: Питер, 2007.

Глава 8.

ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ

Процесс профессионального самоопределения охватывает длительный период жизни человека – от появления зачатков профессиональных интересов и склонностей в детском возрасте до окончательного утверждения в избранной сфере профессиональной деятельности в годы зрелости. На протяжении этого периода происходит не только собственно профессиональное, но и социальное, а вместе с тем и жизненное самоопределение личности.

Очень серьезная жизненная проблема, с которой сталкиваются воспитанники интернатных учреждений и детских домов, – это выбор будущей профессии. Вопрос «Кем я буду?» задает себе почти каждый. В подобной ситуации главное – не растеряться, сориентироваться и сделать правильный выбор, соответствующий интересам, способностям, возможностям, ценностным установкам и, наконец, требованиям, которые предъявляются к выбранной профессии и к личности кандидата. Правильно сделанный подростком выбор – это начало пути к успеху, к самореализации, к психологическому и материальному благополучию в будущем. Профессиональное самоопределение представляет собой сложный, длительный и *динамический процесс* формирования личностью системы своих основополагающих отношений к профессионально-трудовой сре-

де, развития и самореализации духовных и физических возможностей, формирования адекватных им профессиональных планов и намерений, реалистического образа себя как профессионала.

Вопрос профессионального самоопределения начинает осознаваться подростками уже в 13–15 лет, но лишь 10–15% обучающихся имеют твердые профессиональные намерения. Примерно столько же обучающихся вообще не задумываются о своих профессиональных планах. Около 70% воспитанников детских домов *не имеют четкой позиции*, сомневаются в своем выборе; их одолевают противоречивые чувства: «Выбор сделать надо, но не знаю, что мне надо». Это действительно серьезная проблема, которую, так или иначе, необходимо решать. Как правило, на решение подростка влияют именно родители или друзья, которым он доверяет. Находясь в приемной, замещающей семье, подросток имеет больше шансов на конструктивное профессиональное самоопределение, потому что его приемные родители, во-первых, могут оказать ему разностороннюю помощь в выборе профессии, во-вторых, *семья является определенной профессиональной средой*, опыт родителей может стать хорошим примером, образцом для понимания и осмысления путей выбора. Но чтобы оказать поддержку и помощь в профессиональном становлении своего приемного сына или дочери, приемным родителям необходимо учитывать трудности, которые их дети реально испытывают в представлении своего личного и профессионального будущего.

И начинать можно с осознания себя во времени. В «Исповеди» Аврелия Августина (354–430 годы) читаем: «Как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее всегда было настоящим и не уходило в прошлое, то уже было бы не время, а вечность, настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?»

«Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее, пожалуй, было бы говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в

нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память, настоящее настоящего – это его непосредственное созерцание, настоящее будущего – его ожидание».¹

Разговор о будущем важен на каждом этапе жизни ребенка, школьника. Но обычно сами родители забывают, что у него есть *свой временной предел* понимания и восприятия. Известно, что маленький ребенок живет настоящим: он любит играть с куклами, машинками. Потом появляются ролевые игры с друзьями, которые уже имеют определенное время. Например, игра в семью. «Давай будем играть в мужа и жену!» – предлагает девочка мальчику лет 3–4. «Давай, – отвечает мальчик. – Где мой обед?!» Затем появляются более серьезные игры, связанные с проектированием кораблей и космических исследований. Как говорится в пословице «Всему свое время». Почему-то никому из родителей не приходит в голову загружать пятилетнего ребенка формулой поваренной соли. *Конкретное знание предполагает конкретное отношение к возрасту человека, его осваивавшему.* А разговоры о высшем образовании в третьем классе начальной школы почему-то родителям не кажутся нелепыми. Но это и есть нелепость, так как разговоры родителей с детьми о необходимости высшего образования обычно сводятся к выбору высшего учебного заведения, т. е. к выбору формы будущего. Однако обсуждать будущее со старшеклассником *имеет смысл только с содержательной стороны*, т. е. разговаривать с подростком о том, какое дело, увлечение его привлекает и насколько долго он может им заниматься. Вот что первоначально для профессионального самоопределения. Именно содержательная сторона профессионального выбора является строительным материалом для дороги, ведущей в настоящее будущее.²

Построение *линии времени* приемного ребенка является важной задачей всего семейного воспитания, родительской заботы и поддержки. И для этого приемным родителям необходимо знать об огромном значении для будущего личного и профессионального самоопределения осознания им своего психологического времени и верить в это.

Как пишет Валерия Сергеевна Мухина, «психологическое время личности – четвертое звено структуры самосознания. Человек в своем самосознании относительно своей персоны мыслит в трех

¹ Аврелий Августин (354–430 гг.) «Исповедь».

² Гобова Е.С., Игнатова О.Н. Цель. Дело. Мечта. Психологический портрет поколения. – М., 2009. – С. 8.

временах: в индивидуальном прошлом, в настоящем и будущем. Вместе с тем он исходит из прошлого, настоящего и будущего его этноса, его государства, и, наконец, он может быть включенным в прошлое, настоящее и будущее человечества. Степень включенности во все временные измерения определяет значения и смыслы, которые личность придает своему существованию на Земле, обязанности, которые она возлагает на себя, а также знаменует уровень развития самой личности.

Соотнесенность себя с миром в прошлом, настоящем и будущем – наиболее перспективная позиция для бытия и развития человека как личности. Именно в этой позиции он находит возможность осознать ценность человеческого бытия во всей перспективе истории, в настоящем и будущем. Временная рефлексия на путь человечества и на свое индивидуальное место в индивидуальной перспективе жизни дает человеку возможность проникнуться пониманием ценности жизни, стремиться к утверждению бытия через моральное отношение и любовь к людям.

Ребенок с помощью взрослого учится «вспоминать» («Когда я был маленьким»), обращаться к своему будущему («Когда я вырасту большим»). Притязая на признание, ребенок с помощью взрослого проектирует себя в будущем как сильную, все умеющую и все могущую личность. Стремление соотнести себя настоящего с собой в прошлом и будущем – важнейшее позитивное образование самосознания развивающейся личности.

Психологическое время личности для взрослого человека является своеобразным прибором, позволяющим мерить свой индивидуальный путь, в том числе и время жизни. Депривация ценностного отношения человека к его прошлому, настоящему, будущему или отсутствие структурированного прошлого в истории развивающегося человека и неопределенность перспективы жизни разрушают *внутренний статус личности*. Построение субъективной картины жизненного пути в самосознании развивающейся личности чрезвычайно важно. В условиях депривации развивающейся личности в неблагополучной семье или в детском учреждении интернатного типа чаще всего формируется человек без ответственного отношения к собственному времени жизни, без сформированного психологического времени».¹

¹ Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – С. 66–67.

В задачу приемных родителей входит принятие на себя роли «могущественных» взрослых людей, *способных вселить веру* приемного ребенка в то, что у него существует его настоящее, психологически осознаваемое им время. Но эта миссия родителей осложняется не только тем, что ребенок из детского дома *«затерялся» во времени* между своими фантазиями и вымыслами, но и тем, что его способность к рефлексии либо не развита, либо недостаточно хорошо развита. В этом разделе на страницах дневника приемной матери рассматриваются *приемы и техники развития рефлексивного мышления*, и, как всегда, разговоры матери с дочерью важны для понимания того, как устроена линия времени и какими способами родители могут помочь ребенку ее сформировать.

Страницы из дневника приемной матери.

В каком времени мы живем

Мы все живем с тем или иным ощущением времени. Даже если мы о нем не думаем напрямую как о времени, мы мысленно постоянно обращаемся к нему. Но это обращение ко времени у каждого свое. Я точно знаю, что есть люди, которые постоянно мыслями занырявают в свое прошлое. Их, как говорится, хлебом не корми, только дай поговорить о том, что с ними произошло в прошлом. Для них важно именно прошлое время. И, как правило, профессии они себе выбирают такие же, т. е. связанные с прошлым временем. Это очень типично для людей, выбравших осознанно профессию бухгалтера, психолога, археолога, врача, историка, писателя, следователя, методиста, адвоката и т. д. Как будто смысл жизни этих людей находится в прожитом и пережитом и они все время вынуждены возвращаться в прошлое, чтобы настоящая жизнь им не казалась бессмысленной и глупой. Сколько популярных профессий требуют от человека умения интересоваться именно прошлым, жить тем, что уже свершилось, и исследовать то, что было давным-давно – вчера или сотни лет назад.

Конечно, есть люди, которые живут в будущем, наслаждаются его проектированием и даже прожектерством. Такие люди обожают не только строить свои планы на будущее, но и узнавать, какие планы строят другие люди, их знакомые, потому что для них самих только это и имеет смысл. Если все удачно складывается в их жизни, то и профессия у них будет про их любимое и незабываемое будущее. Планирование, проектирование, фантазирование, исследование, экспериментирование – это их сферы

деятельности. Сценаристы, режиссеры, декораторы, архитекторы, дизайнеры, программисты, столяры, физики, конструкторы, токари, фрезеровщики, писатели-фантасты, химики, модельеры станут настоящими профессионалами своего дела, если они с детства умеют жить в будущем, если смысл их жизни лежит как можно дальше от их настоящей жизни. Для жизни в будущем времени нужны определенные способности. Например, хорошо развитое зрительно-пространственное воображение, умение во внутреннем плане представить и создать образ будущей детали, будущего чертежа, будущего фильма, будущего здания, будущего изделия и т. д. А сколько потом нужно уверенности в себе, чтобы иметь смелость воплотить свой придуманный, разработанный, сконструированный образ в реальность, сделать его не виртуальным, а самым настоящим, что можно подержать в руках, можно увидеть в настоящей жизни, а не в своем собственном воображении!

«А как же настоящее время? Оно что, никому не интересно?» – спросите меня Вы. Я думаю, что все в нашем мире создано Божественно и гармонично. И все время – и прошлое, и настоящее, и будущее – проявляется в равных пропорциях. Люди, которые умеют жить настоящим, это потрясающие люди. Они великие педагоги, актеры, теле- и радиоведущие, спортсмены, музыканты, певцы, кинооператоры, художники и многие другие. Конечно, это не значит, что люди, чей смысл жизни находится не где-нибудь на линии времени, а здесь и сейчас, не думают о своем будущем или не могут вспомнить свое прошлое. Нет. Это значит, что этим людям еще с детства удалось научиться пребывать в настоящем времени тотально – и мозгами, и телом. Они умеют чувствовать настоящий момент и умеют управлять собой в неуловимом потоке времени, который стоит на грани прошлого и будущего, который в любую минуту может унести человека в любом направлении, если только он сам не удерживает нить настоящего, оттачивает его, насыщает его своей жизнью!

Линия времени

Итак, профессиональное будущее каждого человека во многом зависит от того, в каком времени предпочитает жить сам человек. Да и восприятие времени у каждого человека настолько субъективно, что линия времени порой представляет собой то железобетонную конструкцию, то сплошную вязкую субстанцию, по которой двигаться невозможно, но барахтаться приятно. И какой бы

путь ни выбрал себе человек, его время всегда вместе с ним. Время нас поддерживает, подгоняет, расслабляет, увлекает, ограничивает, сдерживает, убивает. Даже если мы не понимаем, зачем время с нами это делает, оно все равно неумолимо движется и влечет нас за собой. А уж в нашей власти решить, будем ли мы «плестись в хвосте» своего времени, будем ли мы бежать «впереди паровоза или планеты всей» либо будем идти с ним «нога в ногу» и радоваться своей своевременной и современной жизни.

А теперь давайте все эти рассуждения о восприятии времени отнесем к ребенку из детского дома. Например, что я знаю о линии времени своей дочери? Могу ли я точно и определенно сказать, в каком времени предпочитает жить моя дочурка на этапе своего четырнадцатилетия? Ответ отрицательный. Еще в первой части своего дневника приемной матери меня удивляла откровенность, с которой моя дочь присваивает себе мои собственные детские воспоминания, истории из прошлого моих друзей. Еще меня удивляла жадность, с которой дочь слушала меня, и скорость, с которой она «делала» своим все, что слышала про мое прошлое. А то, что моя дочь рассказывала о себе, походило на самый обыкновенный вымысел, или безобидное вранье, или фантазии маленькой девочки, которой хочется, чтобы ее заметили и как можно чаще хвалили. Я уже писала, что мне лично было не жаль своих воспоминаний.

Игра «Верю – не верю»

Когда я размышляла о том, как устроена линия времени моей дочурки, я памятью обращалась к одной из своих любимых ролей Аль Пачино. Я точно не помню, но, кажется, этот фильм назывался «Боб Фингер». Аль Пачино играет гонщика, который влюбляется в женщину. Он пытается ее понять, но она для него слишком загадочно живет, слишком непонятно изъясняется и слишком язвительно о нем думает. И эта женщина, которая находится на грани жизни и смерти, начинает играть с гонщиком в игру типа «Верю – не верю». Она рассказывает душещипательные истории про себя, которые гонщик воспринимает как истинные, как реально происходившие. Но каждый раз оказывается, что его в очередной раз разыграли. И это приводило его в бешенство, пока он не осознал, какой в этом заложен смысл. Ему удалось ощутить это, потому что весь образ его жизни также был на грани жизни и смерти – в любой предстоящей гонке он мог покалечиться или разбиться насмерть, и именно это обстоятельство их невероятно сблизило

и потрясающе разъединило. Так как женщина страдала неизлечимой болезнью и близость смерти была не ее волей, а предчувствие смертельного исхода в гонке было именно его выбором. И, несмотря на то, что некоторые выходки любимой женщины оставались для гонщика по-прежнему непонятными и безрассудными, он все же продолжал настаивать на близких отношениях и старался со своей стороны тоже ее удивить. Так, как-то они катались на лодке, и он стал рассказывать ей о том, как в больнице умирала его мама. И она ему поверила, хотя это была его выдумка. Этот момент в фильме мне больше всего запомнился.

Иногда думаешь, зачем люди про себя и свою жизнь выдумывают невероятные истории, очень проникновенные, очень искренние, очень волнующие и, конечно же, не банальные? И понимаешь, что эти выдумки являются частью самих людей, что они им нужны так же, как воздух, без которого мы бы все умерли от удушья, как вода, без которой мы все превратились бы в обезвоженные и вспухшие массы клеток.

Дублер

Что такое наши воспоминания, к которым у нас нет доступа? Дочь знала, что с ней происходило что-то хорошее и плохое. Но она так постаралась их не помнить, ей было так страшно, что линия времени ее прошлой жизни превратилась в воронки слез и ненависти, в ямы откровений и рыданий. А над разорванной, забытой, поруганной, но реальной линией времени моя дочь успешно построила вторую, вымышленную, дублирующую линию прошлого времени. И мне казалось, что каждая из этих линий знает о существовании другой, как люди достаточно точно знают, было это или этого не было. Я думаю, что у детей из детского дома несколько линий времени – реальная и вымышленная. Но как они сами понимают, это остается тайной, завесу которой необходимо открыть.

Итак, прошлое моей дочери наполнялось, с одной стороны, урывками, крупными мазками того, что она выхватывала из чужих жизней и делала своими. С другой стороны, она бесконечно выдумывала события давней прошлой жизни и сама уже не понимала, были они на самом деле или нет. По крайней мере, вымышленные события не имели никакого соответствия ее реальному возрасту, реальным условиям ее жизни с родной мамой и практически никогда не затрагивали жизнь в детском доме. У меня было такое ощущение, что детский дом она специально выселила на

необитаемый остров и накрыла его звуконепроницаемым и прозрачным колпаком, как в сериале «Симпсоны» их родной город Спрингфилд правительство накрыло сферой, чтобы зараза или инфекция не могла распространиться на всю Америку. Это придавало моей дочери уверенность и силу. На третьем году нашей совместной жизни такая стратегия присваивания чужих событий приобрела некую избирательность. Моя дочь включала в свою жизнь теперь не все, что ей нравилось, а только то, что могло ее сделать более значимой и авторитетной в настоящем школьном образе жизни. Почему-то именно школа требовала от нее этих «присвоений», так как дочь была в ней наиболее уязвима.

Печать детского дома

Полным ходом шла подготовка к третьему дню рождения. Моя дочь приближалась к своему четырнадцатилетию. И поскольку ее день рождения предваряли осенние школьные каникулы, я постаралась насытить нашу жизнь интересными поездками. Первым делом я обратилась к нашему другу и помощнику – всезнающему интернету. Оказалось, что в это время в Москве будет проходить фестиваль анимационного кино Японии. Меня привлек фильм под загадочным названием «Ловцы забытых голосов» великого режиссера Макото Синкая. Моя дочь была хорошо знакома с работами Хаяо Миядзаки. Мы довольно часто смотрели вместе и «Ходячий замок», и «Нависикаю», и другие анимационные фильмы. Но с Макото Синкаем мы еще не были знакомы, и мне захотелось раздвинуть наши границы любви к японскому полнометражному и очень серьезному анимационному искусству.

Билетов, конечно, уже не было. Мы поехали на удачу. Я вспомнила свою молодость и с воодушевлением «стрельнула» два билета, спрашивая у прохожих на площади перед кинотеатром «35 миллиметров», нет ли у них лишнего билетика. Сидели мы с дочерью в разных местах, поэтому после фильма всю дорогу мы обсуждали увиденное. Поскольку фильм шел с субтитрами на русском языке и слова мелькали на экране так быстро, что я понимала и искренне сочувственно переживала за дочь, которая не успевает их читать. Поэтому кое-где восприятие моей дочери давало сбой, но в целом смысл и достаточно сложную и многослойную сюжетную канву дочь уловила правильно. Нам все понравилось – и анимация, и классическая музыка, и японский язык, и сюжет, и смысл. Да! Главным был смысл: «Живые важнее мертвых!» Главной геро-

иней фильма была девочка примерно такого же возраста, как моя дочь. Она настолько хотела помочь своему учителю истории, что была готова принести себя в жертву ради исполнения его мечты. Учитель стал ее спутником по путешествию в нижнем мире. Но ее друг, мальчик из нижнего мира, самоотверженно защитил девочку от попытки учителя использовать тело девочки, обменяв ее душу на душу своей любимой, умершей много лет назад. Сама девочка знала, что ее учитель до сих пор любит образ своей любимой и мечтает вернуть ее в мир живых. Но какой ценой он хочет это сделать, ей было неизвестно. Так вот, учитель упросил божество нижнего мира, чтобы тот отпустил его любимую и позволил душе любимой завладеть телом девочки. Еще минута-другая – и девочка превратится в другую девушку, а сама исчезнет, останется в мире мертвых навсегда. И тогда ее друг, такого же возраста мальчик, сказал учителю, что живые люди важнее давно ушедших и что нельзя свою настоящую жизнь отдавать в плен воспоминаниям о давно ушедших любимых. Это было настолько эмоционально, настолько искренне, по-детски импульсивно, но уверенно сказано, что поступки приобрели невероятную правдивость. И речь уже шла не о мифологическом геройстве как таковом, а о правде жизни, истине, которую дети должны не только знать, понимать, но и впитать, целиком и полностью поступая в согласии с этим законом жизни! «Вот оно, настоящее!!!» – подумала я.

Еще несколько дней подряд мы с дочерью возвращались к «Ловцам забытых голосов», настолько глубоким и проникновенным были смысл и форма предьявления этого смысла. Это так тронуло мою душу, что я решила день рождения своей дочери посвятить созданию мультфильма своими руками. Я предложила дочери собраться в нашем офисе, в котором мы вели любительскую студию мультфильмов из пластилина. Мы обсудили праздничное меню, обсудили, что каждый гость лепит из пластилина своего дракона и что мы вместе придумаем сценарий маленького, полуминутного мультика и снимем его. Дочери моя идея понравилась, и мы стали готовиться ко дню рождения.

И вот мы за праздничным столом, поедаем вкуснотищу, приготовленную нами собственноручно, и предвкушаем пластиковую лихорадку. Моя дочь выглядит сияющей, волосы блестят, глаза горят, губы расплываются в улыбке... Все хорошо. И на фоне такого благостного настроения моя подруга спрашивает дочь: «А что ты делала на каникулах? Где ты была, куда ездила?» Через се-

кунду вся радость с лица моей дочери улетучилась. Радостное настроение погубило под обломками потерянного во времени и пространстве лица. Моя дочь испуганным голосом «проблеяла»: «Ничего не делала». И на все лицо опустилась печать детского дома. Черты моей дочери стали до неузнаваемого некрасивыми, резко очерченными, дерганными. Испугалась даже я. Мне почудилось, что от этого, в принципе безобидного рефлексивного вопроса, моя дочь залезет под стол и на четвереньках побежит к двери и что на этом она не остановится и дальше в красивом наряде убежит на улицу. Чтобы убежать, скрыться, без ответа, без намека на осознание своего реального прошлого в нашем настоящем. Что ее так напугало? Что могло за эти секунды промчаться в ее голове, какие мысли могли так изуродовать ее лицо? Я никогда не забуду эту печать. Печать нищеты духа. Печать физического изнеможания. Печать внутренней лихорадки страха и трусости. Я взяла, буквально схватила свою дочь за руку и стала ее гладить. После того как она немного успокоилась, я постаралась расшевелить ее память тем, что попросила вспомнить, у кого мы были в гостях, куда мы ездили. Она как будто окаменела и ничего не могла вспомнить здесь и сейчас, за этим праздничным столом. Ни глубина фестиваля анимэ, ни яркий день рождения дочери моей подруги, ни удивительные и так нам понравившиеся спилберговские «Приключения Тин-Тина», – ничего не оказалось в ее пустующей копилке нашего реального прошлого! Такое явное опустошение было неожиданным для меня и всех друзей, собравшихся за столом. Я вынуждена была переключить внимание на другую приятную ситуацию, и мы как бы все забыли об этом инциденте. Затем мы увлеклись лепкой, подготовкой съемочной площадки, придумыванием сюжета нашего будущего мультфильма, и все встало на свои места. К нам вернулась радость бытия, и очень скоро мы все кружились со своими драконами и даже почувствовали запах новогодней елки и приближающегося Рождества! Мультик получился забавный, и все были довольны.

К пустой копилке прошлого я вернулась лишь дома, когда мы сидели и пили чай, чтобы перебить горечью вкус сладостей. Мы так объелись вкуснятины, что горьковатый на вкус зеленый чай казался вершиной блаженства и отрады. Развалившись на диване, мы мурлыкали в унисон, и я спросила, что такого трудного для моей дочери было в вопросе, что она делала на каникулах. Дочь пожалала плечами и притаила свою голову на моем пле-

че. Возложенная мне на плечи голова повернулась, и выражение лица приобрело виноватый оттенок. «Ты действительно ничего не помнишь или мы действительно на каникулах никуда не ездили?» – настаивала я, почти игнорируя ее маску виноватости. «Я не помню», – сказала дочь. «Что именно ты не помнишь? Ты не помнишь, как мы ездили на фестиваль анимэ?» – уточнила я. «Фестиваль я помню», – встрепенулась дочь. «А день рождения Даши ты тоже не помнишь? Как мы везли ей огромный ананас, потому что она любит именно ананасы!» – продолжала я. «Конечно, я помню это!» – кивнула головой дочь. «Доченька, понимаешь, если ты говоришь, что ты ничего не делала на каникулах и не можешь вспомнить эти события, значит, их и вправду не было для тебя. Т. е. эти поездки были и ты в них принимала участие, но они либо не отложились в твоей памяти, либо ты о них так быстро забываешь, что они стираются автоматически. Как следы на песке. Ты идешь по кромке моря, и очередная волна смывает твои следы... И вот ты уже никогда не была здесь, ты никогда не шла по этой кромке. Морю все равно, была ты здесь минуту назад или нет. Но тебе не должно быть все равно, была ты здесь или нет!!! Ты должна знать, где ты была, что с тобой происходило здесь, шла ты босиком или на тебе были сандалии, ветер ли развивал твои волосы или волосы были собраны в хвост, а с ветром встречалось только твое лицо. И так далее во всех мелочах. Человек может очень точно вспомнить не только то, что было на нем надето, он может вспомнить свое настроение, и он может вернуться в это состояние через какое-то время. Мы помним себя не для того, чтобы просто иметь в сознании эти картинки, а для того, чтобы иметь возможность возвращать себе ощущения радости, уверенности, мира, спокойствия. Наша человеческая жизнь настолько скоротечна, что мы можем продлить свою жизнь за счет вспоминания прошлого. Понимаешь, как важно знать себя? Иначе у тебя не было ни интересных каникул, ни забавного дня рождения, ни нового мультфильма, ни новых приключений. Если ты этого не помнишь, значит, у тебя этого просто не было. И тебя самой там не было. Память – это труд вспомнить себя. Запомни это, пожалуйста!»

Мое гипнотическое внушение, а иначе эту пространную речь и не назовешь, дочь внимательно слушала, приоткрыв рот и уставившись, как и положено внушаемому человеку, в одну точку. Затем она вышла из своего транса и еще раз кивнула головой. На этом ее день рождения завершился.

Прошлое моей дочери я взяла под контроль. Чаша весов как никогда раскачивалась из стороны в сторону. Моя дочь рассказывала невероятные истории о своей жизни в кровной семье, которым я не верила или относилась скептически, но слушала и изумлялась ее связи с нашей жизнью. И в то же время моя дочь по-прежнему не делала никаких усилий для того, чтобы четко обозначить свое «Я» на карте нашей жизни, на карте жизни ее школьного класса, на страницах нотной тетради в музыкальной школе.

Сначала я не могла понять, как мне вести себя во время рассказывания дочерью якобы ее воспоминаний. Например, такой вроде бы безобидный разговор на кухне.

Я мою посуду. Дочь мне читает книжку. Там встречается незнакомое слово «фарфор». Дочь останавливается и спрашивает меня, что это такое. Я показываю ей обычную фаянсовую кружку, из которой дочь пьет чай или молоко.

– Эта кружка сделана из фаянса.

Я достаю из навесного шкафчика другую чашечку, естественно, более изящную и красивую.

– А эта чашечка сделана из фарфора. Она более тонкая и пропускает световые лучи.

Я поднимаю чашечку и держу ее на весу так, чтобы через нее проходили световые лучи. Чашечка светится на просвет. Затем я беру в руки кружку из фаянса и также держу ее на весу. Она по-прежнему темная, потому что фаянс не пропускает света.

– Видишь, насколько они различны?

– Вот когда я жила у тети Тани, я все время пила чай из фарфоровой чашечки! – заявляет моя дочь.

– А сколько тебе было тогда лет?

– Не знаю.

– А откуда такая уверенность в том, что у тети Тани ты пила чай из фарфоровой чашечки? Ты же только сейчас узнала в принципе, что такое фарфор и фаянс! Или тебе хочется думать, что в детстве ты пила чай из фарфоровой чашечки? Почему это так важно для тебя?

– Не знаю.

И я тоже не знала, почему моя дочь все новое настоящее превращает в свое прошлое. Оказывается, у нее в детстве были такие же сани, как в «Белом клыке», хотя она даже не знала, что такое полозья. И чашечка у нее была фарфоровая. И серебряный крестик она носила в детстве, хотя только сейчас я ей его купила, потому что все другие она легко теряла. Меня поражала иллюзорность ее вымышленного прошлого, и когда таких примеров набралось по самую макушку, я стала вести активно разговоры о том, что прошлое должно быть реальным, а не вымышленным. Конечно, интересно играть в игру, придумывая себе прошлое, хватая буквально на лету все новенькое из своего настоящего. Но это наше настоящее, и я совсем не намерена была отдавать наше настоящее в «лапы ее прошлого». И мне уже было не до шуток. Так как я чувствовала, как наше настоящее улетучивается, испаряется под нажимом ненасытного прошлого. И я пришла к пониманию того, что это самое темное прошлое моей дочери никогда не оставит в покое наше настоящее. Что оно как вечная воронка времени будет вытягивать из нашей настоящей жизни все «вкусненькое» и «сладенькое» на потребу снабжения ресурсами своего вымышленного дублера и что конца и края воронке не будет! И я стала специально предварять все объяснения нового тем, что, конечно же, моя дочь еще об этом не знает, но в прошлой жизни она уже это имела. Я отдавала себе отчет в том, насколько язвительно это звучит в моих устах, но я чувствовала потребность в защите нашего настоящего.

Основания для выбора будущего

Линия времени будущей жизни моей дочери была скрыта густым туманом, сотканным из неясностей и отсутствия предрасположенностей, ярких предпочтений и любимых занятий. Да, моя дочь любила рукоделие. Она с удовольствием занималась бисером, иногда вышивала, плела, вязала. Но результаты были откровенно непригодными: от изделий веяло халтурой и неумелостью. Единственное, что ей удавалось, это сплести приятную «фенечку» на запыстье и сделать из бумаги фигурку типа «оригами». На таких слабых результатах выстраивать стратегию профессионального выбора было нелепо. К тому же все рукотворное творчество имело болезненный «мотивчик», т. е. дочь приступала к рукоделию тогда, когда ее физическое самочувствие ухудшалось.

Была еще одна страсть – это управлять, руководить, лидировать. Делала она это чисто по-скорпионски: нагло, напористо и садист-

ски, из-за чего наживала себе кучу ссор и недоброжелателей. У меня возникли мысли, что моей дочери обязательно нужно чем-то управлять, но обязательно чем-то неживым, например, куклами. Так появилась версия в будущем стать кукловодом, артистом театра кукол.

В принципе, еще на самом первом году нашей жизни мы разыгрывали многочисленные сценки со всеми подарочными зверушками, которые имелись в комнате моей дочери. Она придумывала бесконечные истории о путешествиях за кладом: все игрушки-зверушки по ее сценарию, как по мановению волшебной палочки, по очереди находили в укромном месте ее комнаты загадочный клад. При этом моя дочь лихо озвучивала всех зверей, глотая окончания слов, смело вела свою сюжетную линию и с удовольствием показывала свои спектакли нашим гостям. Декорации к своим спектаклям придумывали мы вместе и старались создать ощущение настоящего домашнего кукольного театра.

Такая тирания кукол чем-то отдавала Карабасностью-Барабасностью. Но я думала, что пусть уж лучше будут страдать игрушки, чем живые существа типа нашей кошки Тигры, дрессировка которой у моей дочери заканчивалась кровавыми следами от когтей и зубов сами знаете кого. Тирания над Тигрой продолжалась как ни в чем не бывало, лишь только заживали раны прежних дрессировок. Представляете, как моя дочь обрадовалась выходу в свет «Истории игрушек»! Мы смотрели все три части, и моя дочь знала наизусть большинство сцен этого великого «оскароносного» мультипликационного фильма. Так закрепилась в нашей жизни единственная идея, способная простроить линию времени на два года вперед.

Правда, еще была жива тема кинологической работы. Моя дочь обожала всех собак, но дальше их прижимания к себе и целования в нос, общение не углублялось. Никаких задач перед собой моя дочь в отношении собак не ставила. Тема будущей работы кинолога время от времени оживала, например, с появлением в нашей жизни Джека Лондона и его «Белого клыка». Мы читали про белое безмолвие, и перед нашим взором возникали разные видения Севера, которые и мне и моей дочери были хорошо известны из собственного опыта – жизни в Республике Коми. Описания были настолько глубокие, с одной стороны, и непонятные, с другой стороны, что мы читали Джека Лондона не отрываясь по три часа, и я только и делала, что отвечала на вопросы дочери: «А что такое «постромки», а что такое «полозья», а что такое «береста», а что такое «преграда»,

а что такое «стенания», а что значит «тщетно», а как это «взъерошенная шерсть», а что такое «погребение», а что такое «угрюмая ярость», а что такое «оцепенение», а как это «круг сомкнулся», а что такое «очертания», а что такое «эпитафия», а что такое «полог»». Бесконечные объяснения прерывали напряженность первых глав «Белого клыка». Мы попали в незнакомый, но интуитивно близкий нам мир и не могли с ним расстаться. Мы жались друг к другу, а когда дочь уставала читать, продолжать приходилось мне. И вот тут-то нам уже было действительно страшно, потому что я знала, что Генри спасут, а дочь еще этого не знала и очень переживала за него: ее глаза были полны слез из гремучей смеси ужаса и восторга. И любая моя попытка остановить бег путников и перенести их судьбу на завтра натыкалась на мольбу этого не делать ни за что на свете. Я понимала, что придется дочитывать мне, по крайней мере, до спасения Генри, ибо моя дочь не сможет заснуть и ее будут тревожить ночные волки похлеще самых страшных фильмов о вапмирах. Так или иначе, я очень надеялась на Джека Лондона. Я мечтала о том, что его талант изменит отношение моей дочери к живым существам и произойдет внутренняя переоценка ценностей.

Моя дочь уже училась в седьмом классе, а выбор занятий по душе оставался непонятным. Я думаю, что дети, лишенные родительского внимания, брошенные на произвол судьбы, попавшие в детский дом или приют, вряд ли способны самостоятельно выстроить свое будущее. А уж тем более выстроить его конструктивно, содержательно, гармонично. Мне очень интересно, какие существуют представления о личном и профессиональном будущем у детей из детского дома в подростковом возрасте. Есть ли у них в принципе понимание того, какие их способности могли бы стать незыблемой опорой в выборе профессии.

Я искала ответы в различных источниках, но нашла лишь яркие примеры. На самом деле их очень немного. Например, известный врач Валентин Дикуль, который будучи воспитанником детского дома, увлекся цирковым искусством и постоянно сбегал в цирк к воздушным гимнастам. Вот как вспоминает сам Валентин Дикуль: «Я детдомовец. А детдомовцы всегда развивались быстрее обычных детей, потому что были отпущены на выживание. Из детского дома многие дети выходили отпетыми хулиганами. Меня не пустил по плохой дорожке цирк. Это была мечта, которая помогла мне выжить. Когда я попал в среду артистов, то увидел одну целую семью, увидел, как они друг другу помогают».

Как он дальше пишет, его не сразу приняли в цирковую семью, а это очень правильное понимание того, что происходит с ребенком, который остался без попечения родителей. Для Дикюля увлечение цирком было сродни обретения своей семьи, обретения той атмосферы творчества, поддержки и развития своих способностей, о которой он не мог не мечтать! Его увлечение было настолько серьезным, что в цирке ему поверили и, как я понимаю, приняли в свою семью. Но случилась трагедия – в пятнадцатилетнем возрасте он упал с тринадцатиметровой высоты и повредил позвоночник, что надолго приковало его к постели. Но даже в таком состоянии он работал над собой, совершая запредельные усилия, на уровне личного подвига – настолько яростным и мощным было его стремление встать, поднять себя и продолжить работу в цирке. И он поднялся ценой невероятных усилий и собственными мозгами дошел до своих личных знаний об анатомии, о природе костей, мышц, связок и всего того, о чем нормальные люди даже не задумываются. Валентин Дикюль стал известным врачом, и честь ему и хвала. На его примере можно понять, насколько важна в жизни ребенка из детского дома мечта, как смысл настоящей и будущей жизни, а также насколько важно не предавать свою мечту, а двигаться по линии времени в намерении осуществить свою мечту, реализовать свой талант, развить свои способности. Меня лично очень вдохновляет то, что Дикюль пишет о выборе своей профессии: «Человек должен соответствовать своей профессии. Не важно, кем вы работаете. Вы должны делать это уникально!»

Но я также понимаю, что пример из жизни Валентина Дикюля является скорее исключением из правил, потому что весь мой опыт общения с детьми из детского дома не позволяет мне быть уверенной даже по поводу того, что у воспитанников детских домов есть хоть какое-то конструктивное представление о себе в будущем. И я понимаю, почему это так, а не иначе. Потому что у детей из детского дома нет настоящего настоящего. Это не опечатка, это очень серьезный аргумент: жизнь в детском доме не настоящая. Это понимает каждый. Это понимает не только сам ребенок. Потому что прожить в детском доме до 18 лет – это приговор. Это диагноз беспомощности государства, это приговор равнодушному и жестокому обществу. Это вердикт, который к великому сожалению никем не оглашен и никому не предъявлен! И пока у нас в стране есть детские дома, нельзя считать нашу страну гуманной, успешной, развитой, прогрессивной.

Задание № 8 для родителей.

Тема №8. Процесс профессионального самоопределения приемного ребенка в замещающих (опекунских, приемных, фостеровских или патронатных) семьях.

Напишите, пожалуйста, свои ответы на эти три вопроса:

1. В каком времени (прошлом, настоящем или будущем) предпочитает жить Ваш приемный ребенок?
2. Какие основания для профессионального самоопределения вашего приемного ребенка Вам удалось выделить?
3. Напишите, пожалуйста, с какими трудностями Вам пришлось столкнуться, как приемным родителям, в процессе профессионального становления Вашего приемного ребенка?

Список рекомендуемой литературы по теме «Процесс профессионального самоопределения»

Барбохина В.А., Замалдинова Г.Р. Современные технологии в социальной работе с семьей. – СПб, 2006.

Гобова Е.С., Игнатова О.И. Цель. Дело. Мечта. Психологический портрет поколения. – М.: ООО «Флагман», 2009.

Павлова Т.Л. ПрофорIENTATION старшекласников. Диагностика и развитие профессиональной зрелости. – М.: ТЦ «Сфера», 2006.

Пряжников Н.С. Методы активации духовного потенциала личности. – МПСИ, МОДЭК, 2008.

Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение. Теория и практика. – М.: Академия, 2008.

Пряжников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. – М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – С. 256.

Чистякова С.Н. Проблема самоопределения старшекласников при выборе профиля обучения // Педагогика. – 2005. – №1. – С. 19–26.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Четыре заповеди принимающих родителей

Эти принципы шведы считают самыми главными для принимающих родителей – людей, принявших в свою семью ребенка из сиротского учреждения. В качестве *полезных советов* предлагаем выдержки из статьи Шведского общества международной помощи детям «Adoptioncentrum». На русский язык материалы перевел Благотворительный московский общественный фонд. Итак, прислушаемся к шведскому опыту.

Заповедь первая

Не подвергайте ваших детей *новым расставаниям*, какими бы короткими и незначительными они вам ни казались. Проводите как можно больше времени с ребенком.

Жизнь – ваша должница. Долг ее в том упущенном времени, которое вы не были вместе. Как бы мал ни был ваш ребенок при усыновлении, те девять месяцев до родов и время сразу после родов вам не было дано. Историю невозможно переписать, а прошедшего времени не вернуть. Поэтому постарайтесь использовать время, когда вы можете быть вместе, и наполнить его содержанием, которое поможет ребенку в построении чувства доверия к своим новым родителям и к жизни.

Помните, ребенок может воспринимать все, что вы даете ему, через чувства. То, что вы *делаете* вместе, то, что ребенок чувству-

ет кожей, пробует языком, слышит в тоне голоса, чувствует телом, когда вы его касаетесь, играете с ним. Слова не несут смысла для ребенка, только что попавшего в семью, не важно, грудничок он или постарше. Через чувства и инстинкты вы можете общаться и понимать друг друга. Не играет роли, поете вы русские народные песни, Битлз или оперу для ребенка, главное, что вы поете.

Очень хорошо для телесного контакта нежничать и гладить друг друга, а также бороться на ковре, главное, *что* вы дотрагиваетесь друг до друга с радостью и любовью. Первое понимание вы получите с помощью языка тела. И важнее в это время не научить ребенка выговаривать новые слова, а *учиться понимать друг друга*.

Все это труднее, чем кажется. Дети – требовательные личности, и родитель часто чувствует себя вымотанным до предела, без теплых чувств к ребенку, который все время требует и требует и, возможно, еще долго не заговорит в ответ.

Хорошо, если родителей двое, чтобы вы могли сменять друг друга. Иногда *необходимо* пойти пройтись одному, поговорить с другими взрослыми о чем-то другом, кроме детей, пойти в кино, почитать книгу. Если эти взрослые потребности не восполняются, то сил продолжать отдавать любовь не остается.

Или, даже если все и делается, но через силу, возникает внутреннее сопротивление, похожее на отчаяние: «Ты когда-нибудь будешь доволен?» Т. е. ребенку посылается двоякий сигнал: вы говорите «Я тебя люблю и дам все, что тебе нужно» словами и делами, а язык тела и глаза говорят нечто противоположное: «Вообще-то я тебе ничего не хочу давать сейчас, ты слишком много требуешь от меня».

Ребенка это сбивает с толку, он не может доверять происходящему. Тогда подрывается доверие к вам, которое вы пытаетесь наладить.

Такие *двоякие сигналы* все родители посылают хоть раз в жизни. Это неизбежно. Не бывает безошибочных, всегда все позволяющих, всегда искренне щедродящих родителей. Ребенок это понимает. Но если такие двоякие сигналы поступают слишком часто в большом количестве, это уже опасно. Поэтому, кроме прочего, важно, чтобы вы, родители, уделяли внимание и своим потребностям, получали эмоциональную зарядку и могли продолжать давать.

А если родитель – одиночка? В этом случае часто возникает настоящая дилемма, потому как у вас нет человека, на которого мож-

но было бы безоговорочно оставить ребенка, когда вы сами находитесь на грани срыва и должны отдохнуть. В этом случае необходимо найти кого-то, кто сможет быть Важным Взрослым в жизни ребенка долгое время, кто будет в вашем ближайшем окружении и кто захочет взять на себя роль помощника родителя. Человека, который будет разделять будни ребенка на условиях, которые существуют в вашей семье. Того, с кем вы можете разделить привязанность ребенка, не чувствуя себя при этом «за бортом» или свою незначительность как родителя.

Заповедь вторая

Рассматривайте привязанность между вами и ребенком *как совместную работу* – работу, в который вы, родители, и ребенок принимаете активное участие.

Даже новорожденного ребенка нельзя считать чистым листом, куском пластилина, из которого можно вылепить все что угодно. Ребенок попадает к вам со своим характером, своими унаследованными чертами, своими собственными ощущениями и телесной памятью того, что с ним было до усыновления. Если ему 3–4 года или больше, у него уже есть осознанные воспоминания прошлого. Родителям потребуется немалая доля фантазии и воодушевления, чтобы разглядеть именно этого ребенка. А не просто ребенка определенного пола и возраста, который теперь стал вашим.

Для этого требуется присмотреться к ребенку, понять, что он за личность, чтобы вы смогли слаженно существовать с малышом, а не просто обрушить на него всю свою любовь и тоску, которую вы пронесли через все время ожидания того, чтобы стать родителями. Нужно постараться *понять сигналы*, которые ребенок посылает вам, – что он готов принять уже сейчас. Это поможет ребенку почувствовать, что его слышат и понимают, а также поможет научиться связывать собственные разные потребности с правильной формой помощи и утешения.

От голода спасает еда, от холода – теплая кофта, потребности изучать мир поможет свобода движения и разрешенные предметы для изучения. *Против одиночества помогает физический контакт и контакт глазами.*

Заповедь третья

Третья заповедь, которая становится все важнее по мере взросления ребенка, звучит так: *запрещенных чувств нет.*

Все дети – все люди – испытывают чувства радости, злости, ненависти, скорби, зависти, беспокойства, страха. Даже очень маленькие дети могут скорбеть. Они скорбят о потерянном, о знакомом, о предсказуемом.

Задача родителей попытаться почувствовать ребенка, понять, что он переживает, и показать, что вы можете разделить это чувство с ним. Как справляться с чувством, если это чувство ненависти, зависти или страха – другой вопрос, который появляется позже. Важнее сейчас, чтобы ребенок *почувствовал, что его переживания вам понятны*, что ими можно поделиться, что он не единственный, кто испытывает подобное, и ошибается, думая, что его никто никогда не сможет понять. Чувство одиночества и отверженности обычно испытывают люди, подвергшиеся тяжелым, травматическим переживаниям, – а наш приемный ребенок всегда имел как минимум одно такое переживание – потерю биологических родителей и привычной жизненной среды.

Дети постарше иногда могут использовать специальный способ, чтобы справиться со своими тяжелыми потерями. *Они прекращают вести себя соответственно возрасту*. Четырех- или пятилетка, возможно, захочет стать грудничком опять, надеть памперс и есть из бутылочки, чтобы его носили на руках и давали соску.

Это способ получить то, чего он однажды недополучил или совсем не получил будучи грудничком. У ребенка в детдомовской кровати или дома с одинокой, всегда отсутствующей биологической мамой никогда не было возможности получить ту заботу и телесный контакт, в котором нуждается любой малыш, поэтому он пытается добрать это в своей новой семье. Чаще всего если родители идут навстречу и позволяют ребенку возврат в младенчество, регресс, не чувствуют нежелания кормить его из бутылочки и менять памперсы, то надобность всего этого быстро проходит, и ребенок возвращается к своему обычному поведению пятилетки.

Регресс также может быть способом избегания выполнения требований, которые ставит новая семья и новая среда. Мы, взрослые, тоже часто так делаем. Когда нам очень страшно, когда мы расстроены или злимся, внезапно мы ведем себя «по-детски» и совершенно не по-взрослому и рационально, как от нас ожидается. Когда трудности позади, мы возвращаемся к нормальному функционированию. Если поискать в памяти, можно

достаточно быстро вспомнить, когда такое последний раз случилось с нами. Скорее всего, не так уж и давно...

Заповедь четвертая

Если вы через какое-то время, скажем, через полгода, не чувствуете, что процесс привязанности пошел, что вы и ребенок нашли подходы друг к другу, *не раздумывая, обращайтесь за помощью*. За такое короткое время не удастся достичь безоговорочного доверия и чувства надежности, но процесс должен начаться. Легче всего получить помощь, когда ребенок достаточно маленький и недавно в семье, чем когда *вы застаете в негативном узоре поведения* или ребенок находится в фазе, когда он очень занят изучением окружения. Обратитесь за помощью к специалистам – детскому психологу.

Ребенок для своих родителей — самый близкий и дорогой человек, которого хочется защищать, оберегать, воспитывать и быть все время рядом. Но в жизни каждой семьи наступает такой момент, когда ребенок вдруг становится дальше и дальше, растет, отделяется от родителей и становится далеким и не таким послушным, понятным и простым, как это было раньше. Происходит это в так называемом подростковом возрасте, который у всех начинается по-разному: у кого в 12 лет, у кого в 9 лет, а у некоторых в 18. Отношения с родителями и поведение детей в этом возрасте меняются. Рука родителя, которая до этого периода крепко и надежно держала за руку, должна постепенно отпустить.

Приложение 2

Правовое сопровождение замещающих семей

Правовую основу деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составляет ряд законодательных актов Российской Федерации, в том числе Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, федеральные законы от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании», от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Помимо положений, касающихся организации и осуществления деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, содержащихся в законодательных актах Российской Федерации, указанные вопросы также регулируются на уровне субъектов Российской Федерации и входящих в их составы муниципальных образований Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий», где предусмотрена передача полномочий по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Российское и международное законодательства исходят из принципа *приоритетного воспитания ребенка в семье*, что означает не только воспитание детей в их собственной, кровной семье, но и в семье в принципе, семье, которая, безусловно, в гораздо большей степени, чем государственное учреждение, позволяет адаптироваться к жизни ребенку, оставшемуся без попечения родителей.

В соответствии со ст. 123 Семейного кодекса РФ к формам устройства детей, установленных на федеральном уровне, относят-

ся: *усыновление, опека и попечительство, а также приемная семья*. При этом усыновление может быть отнесено к формам «замещающих семей» лишь с определенной долей условности, поскольку при таком устройстве ребенка все права и обязанности тождественны тем, которые возникают при кровном родстве. Поэтому особое внимание следует остановить именно на *опеке и попечительстве*, а также *приемной семье* как формам устройства детей, наиболее характерным для понятия «замещающая семья». Указанные формы обладают своими особенностями, по-разному реализуются, распространены больше или меньше, а также вызывают различные проблемы на практике, поэтому стоит рассмотреть данные формы отдельно.

Термины «*опека*» и «*попечительство*» используются в четырех основных смыслах.¹

1. *Опека* (попечительство) как одна из форм *охраны прав и интересов несовершеннолетних*, которые не в состоянии самостоятельно осуществлять свои права и исполнять обязанности.

Опека – это вид правовой помощи, устанавливаемой в целях защиты интересов малолетних, при котором назначенный административным актом опекун (физическое лицо) является законным представителем подопечного и может совершать от его имени все юридически значимые действия.

Попечительство – это вид правовой помощи, устанавливаемый над несовершеннолетними *в возрасте от 14 до 18 лет*, при котором назначенный административным актом попечитель (физическое лицо) обязан оказывать содействие в осуществлении этими лицами их прав и исполнении обязанностей, а также охранять их от злоупотреблений со стороны третьих лиц.

Если рассматривать опеку (попечительство) в указанном смысле, можно выделить следующие их *признаки*:

- защита прав и интересов подопечного действиями определенного физического лица;
- возникновение правоотношений происходит на основании административного акта;
- опекун (попечитель) имеет право совершать в интересах подопечного все или отдельные юридически значимые действия без специального полномочия.

¹ Загоровский А.И. Курс семейного права. – М.: Зерцало, 2003. – С. 399.

2. Опекa (попечительство) как *форма устройства детей*, оставшихся без попечения родителей, которая:

- обеспечивает проживание ребенка в семье;
- обеспечивает охрану прав и интересов несовершеннолетнего со стороны конкретного физического лица, отвечающего за свои действия;
- носит временный характер;
- не влечет за собой возникновения наследственных и алиментных правоотношений;
- не предусматривает выплаты лицу, осуществляющему охрану прав и интересов несовершеннолетнего, вознаграждения за его действия;
- не предусматривает обязанности опекуна (попечителя) совершать необходимые действия за свой счет.

3. Опекa (попечительство) как *система правоотношений*. В отношениях, связанных с опекой и попечительством, можно выделить следующие связи:

- опекун (попечитель) – подопечный;
- опекун (попечитель) – органы опеки и попечительства;
- опекун (попечитель) – третьи лица (обладающие и не обладающие властными полномочиями).

4. Опекa (попечительство) как *институт законодательства*, т. е. система норм, содержащихся в гражданском, семейном, административном законодательстве и законодательстве об органах местного самоуправления. При этом основные положения об опеке и попечительстве установлены гражданским законодательством.

Цели опеки и попечительства состоят, во-первых, в восполнении недостающей дееспособности подопечного лица («дополнение его незрелой воли волей опекуна»), а во-вторых (и это характеризует опеку и попечительство именно как форму замещающей семьи), в обеспечении интересов несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей (прежде всего интереса в воспитании). Таким образом, особая задача опеки (попечительства) над несовершеннолетними состоит в *обеспечении семейного воспитания детей*,

оставшихся без попечения родителей, в тех случаях, когда отсутствует возможность передачи ребенка на усыновление.¹

Опека устанавливается над детьми до 14 лет, а также лицами от 14 до 18 лет, если они признаны в судебном порядке недееспособными; попечительство – над несовершеннолетними 14–18 лет. Таким образом, в основе различия опеки и попечительства лежат возраст ребенка и объем его дееспособности.

Ребенок должен остаться без попечения родителей и должен нуждаться в защите прав и интересов. Исчерпывающего перечня детей, которые могут быть признаны оставшимися без попечения родителей, законодательство не дает, однако предоставляет примерный список таких детей. Так, в соответствии со ст. 1 ФЗ от 4 декабря 1996 года «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», к таким детям относят лиц в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного или обоих родителей в связи с отсутствием родителей или лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), находящимися в лечебных учреждениях, объявлением их умершими, отбыванием ими наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; уклонением родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из воспитательных, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты населения и других аналогичных учреждений и в иных случаях признания ребенка оставшимся без попечения родителей в установленном законом порядке.

Установление опеки (попечительства) происходит путем назначения опекуна или попечителя органом опеки и попечительства по месту жительства лица, нуждающегося в опеке (попечительстве) в течение месяца с момента, когда органы опеки узнали о необходимости установления опеки (попечительства) в отношении определенного лица. Если конкретное лицо не было назначено, временное исполнение функций опекуна (попечителя) возлагается на орган опеки и попечительства.

¹ Михеева Л.Ю. Опека и попечительство: правовое регулирование. – М.: Палеотип, 2002. – С. 24–25.

Особенности правового статуса опекунов (попечителей) заключаются в том, что, во-первых, они исполняют свои функции *безвозмездно* (в отличие от приемных родителей), *срочно* (в отличие от усыновителей), *добровольно*, под надзором органов опеки и попечительства. Опекуны и попечители обладают приравненными к родительским правам и обязанностям по воспитанию, однако остальные права и обязанности не тождественны. Так, опекуны и попечители не приобретают право на получение содержания от своих бывших подопечных, не возникают между ними и наследственные правоотношения. Еще одно важное отличие опеки (попечительства) от усыновления заключается в том, что опекун (попечитель) содержит ребенка за счет средств самого ребенка (имеющегося у него имущество, а также специально выделяемые средства).

Опекун (попечитель) несет ответственность за действия своего подопечного. Так, опекун, в соответствии с *п. 3 ст. 28 ГК РФ несет ответственность* по сделкам малолетнего своим имуществом, если не докажет, что обязательство было нарушено не по его вине. Опекун (попечитель) возмещает вред, причиненный несовершеннолетними (до 14 лет – если не докажут, что вред причинен не по их вине; с 14 до 18 лет – субсидиарная ответственность, если не докажут, что вред возник не по их вине). Вместе с тем, если родители ребенка были лишены родительских прав, опекун в течение трех лет после этого может также доказывать, что неправомерное поведение ребенка обусловлено издержками воспитания его настоящими родителями, и это может являться основанием для освобождения опекуна от ответственности.

Несмотря на то, что термин *приемная семья* впервые появился в действующем СК РФ, данная форма устройства имеет достаточно *длительную историю*. Так, еще Екатерина II предпринимала первые попытки по правовому регулированию патроната, в основе которого лежал договор о передаче ребенка в чужую семью на добровольных началах, а патронатный воспитатель получал определенное вознаграждение.

Фактически современная *приемная семья* – это *преемница детских домов семейного типа*, образованных на основании постановления Совета Министров СССР от 17 апреля 1988 года и Совета Министров РСФСР от 18 ноября 1988 года «О создании детских домов семейного типа». Вместе с тем детские дома се-

мейного типа продолжают существовать как самостоятельная форма устройства детей в некоторых субъектах РФ.

В настоящее время нормы, регулирующие отношения по образованию и функционированию приемной семьи, содержатся, прежде всего в гл. 21 СК РФ, Положении о приемной семье, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 17 июля 1996 года, а также в законодательстве субъектов РФ.

Понятие *приемная семья* сформулировано в ст. 1 ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», где приемная семья понимается как форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основании *договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью* между органом опеки и попечительства и приемными родителями (супругами) или отдельными гражданами, желающими взять детей на воспитание в семью.

Приемное родительство также может рассматриваться как *разновидность социального родства*. Вместе с тем сохраняются отношения между ребенком и его кровными родителями: приемный ребенок сохраняет право на причитающиеся ему алименты, сохраняются и наследственные правоотношения между указанными лицами

Приемная семья – временная, семейная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, являющаяся особым социальным институтом общества, основывающаяся на возмездном договоре о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью и наделенная законом определенным объемом правосубъектности.

Рассмотрим указанные признаки чуть более подробно. Во-первых, приемная семья – *временная форма устройства детей*. Указанный признак отличает рассматриваемый институт от усыновления, правовые последствия которого – полное приравнивание в правовом статусе усыновителей к родителям (и, соответственно, бессрочность). Приемная семья – всегда срочное явление, при этом конкретный срок может быть установлен в договоре либо определяться *достижением приемным ребенком совершеннолетия*.

Во-вторых, приемная семья – это именно *семейная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, форма замещающей семьи*. От обычного детского учреждения приемную

семью отличает меньшее количество детей (как правило, от одного до восьми), поэтому приемная семья обеспечивает «не общественное, а семейное воспитание, основанное на личном контакте приемных родителей с каждым из детей».¹

В-третьих, основанием возникновения приемной семьи является *договор, заключаемый между приемными родителями и органом опеки и попечительства*. Ребенок при этом не является стороной договора (но, разумеется, не является и предметом договора, поскольку последним выступает воспитание ребенка или детей), однако можно говорить о том, что договор о приемной семье – договор в пользу третьего лица, в данном случае – именно ребенка.²

Договорное возникновение приемной семьи отличает ее от усыновления, конститутивным элементом которого выступает судебное решение об установлении усыновления, а также от опеки (попечительства), которые создаются на основании административного акта – решения о назначении лица опекуном или попечителем ребенка.

В-четвертых, только в отношении приемной семьи можно говорить о наличии, пусть и ограниченной, правосубъектности. Иными словами, сама по себе приемная семья (как совокупность приемных родителей и их родных, а также приемных детей) имеет свои специфические права. Такая характеристика не присуща ни усыновлению, ни опеке или попечительству, где правами обладает либо ребенок, либо усыновитель (опекун или попечитель). Примерами прав, предоставляемых приемной семье в целом, является, к примеру, право на льготы по оплате коммунальных услуг, право на получение жилого помещения – квартиры или жилого дома и т. д.

Сторонами договора выступают приемные родители и органы опеки и попечительства по месту жительства ребенка. Ребенок не является стороной договора, однако согласие ребенка, достигшего 10 лет, необходимо для заключения такого договора. Если ребенок и приемные родители проживают в разных местах, возможно также заключение трехстороннего договора: между приемными ро-

¹ Антокольская М.В. Семейное право. – М.: Юристъ, 2003. – С. 312.

² Такой же точки зрения придерживается, к примеру, С.Ю. Чашкова, см.: Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в Российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 20.

дителями, органами опеки и попечительства по месту жительства приемных родителей, а также органами опеки и попечительства по месту жительства ребенка.

Количество детей, передаваемых на воспитание в приемную семью, как правило, *не должно превышать восьми*; братья и сестры не могут разлучаться, если это не предусмотрено по медицинским показаниям.

Приемные родители обязаны:

– воспитывать приемного ребенка на основе взаимоуважения, организуя общий быт, досуг, взаимопомощь;

– создавать необходимые условия для получения ребенком (детьми) образования, заботиться о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии;

– осуществлять защиту прав и интересов ребенка (детей);

– обеспечивать уход за ребенком (детьми) и лечение, систематический показ врачам-специалистам в соответствии с медицинскими рекомендациями и состоянием здоровья ребенка (детей);

– обеспечивать посещение приемным ребенком (детьми) общеобразовательного учреждения, следить за его успеваемостью, поддерживать связь с учителями и воспитателями этого учреждения. В случае невозможности посещения ребенком (детьми) общеобразовательного учреждения по состоянию его здоровья, обеспечивать получение образования в установленных законом доступных для ребенка формах;

– извещать орган опеки и попечительства о возникновении в приемной семье неблагоприятных условий для содержания, воспитания и образования ребенка (детей).

Помимо этого, приемные родители являются *законными представителями ребенка*, могут представлять его интересы, в том числе и в суде без специальных полномочий. В подтверждении полномочий приемных родителей органы опеки и попечительства выдают соответствующим лицам удостоверение по установленной форме.

Теперь о льготах. С 1 января 2007 года в соответствии с ФЗ от 26 апреля 1995 года «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (ст. 12.1, 12.2) один из опекунов (попечителей) либо приемных родителей имеет право на получение единовременного

пособия в размере 8 000 руб. (причем с 1 января 2008 года данная сумма не облагается ЕСН – ст. 238 НК РФ). В соответствии с этим же законом опекуны и приемные родители имеют право на ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет.

Кроме того, ряд гарантий установлен *Трудовым законодательством*. Опекуны, попечители и приемные родители имеют право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет (ст. 256 ТК РФ); привлечение указанных лиц к работе в ночное время возможно только с их письменного согласия (ст. 96 ТК РФ); им предоставляется право на 14-дневный отпуск для сопровождения ребенка при поступлении его в образовательное учреждение в другой местности (ст. 322 ТК РФ), а также право на четыре дополнительно оплачиваемых выходных дня в месяц для ухода за ребенком-инвалидом (ст. 262 ТК РФ). Если ребенку, проживающему с опекуном или приемными родителями, меньше 14 лет, по просьбе работника (опекуна или приемного родителя) ему может быть установлен неполный рабочий день (ст. 93 ТК РФ).

Наконец, определенные льготы устанавливаются *Налоговым кодексом*. Речь идет о стандартном налоговом вычете по НДФЛ в размере 600 руб. за каждый месяц в двойном размере. Опекуны, попечители или приемные родители также имеют право на социальный налоговый вычет по НДФЛ за обучение детей по дневной форме до достижения ими 24 лет.

Правовая информация, которая регулирует отношения, возникающие при создании и функционировании принимающей семьи, делится на две части – о потенциальных принимающих родителях/попечителях и о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей. Государственной думой 15 марта 2001 г. был принят Федеральный закон «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», одобренный Советом Федерации 4 апреля 2001 г. Приведем *основные статьи* для изучения данного ФЗ.

Статья 8. Конфиденциальная информация о детях, оставшихся без попечения родителей, и гражданах, желающих принять детей на воспитание в свои семьи.

Статья 10. Порядок использования государственного банка данных о детях.

Статья 11. Порядок доступа к конфиденциальной информа-

ции о детях, оставшихся без попечения родителей, и гражданах, желающих принять детей на воспитание в свои семьи.

Кроме того, *всем потенциальным принимающим родителям необходимо знать следующую правовую информацию.*

О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Всем родителям, заявившим о своем желании стать приемными родителями, необходимо знать, что с 1 сентября 2012 года вступает в силу Федеральный закон, в который внесены определенные изменения.

Лица, желающие принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, *должны* пройти соответствующую психолого-педагогическую и правовую подготовку по программе и в порядке, которые утверждаются органами исполнительной власти субъектов РФ.

Иностранцами гражданами, лицами без гражданства или гражданами РФ, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации, которые желают принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей и являющегося гражданином РФ, могут быть представлены документы о прохождении соответствующей подготовки на территории государства, в котором они постоянно проживают.

В случае, если иностранные граждане, лица без гражданства или граждане РФ, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации, которые желают принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, не прошли соответствующую подготовку на территории иностранного государства, в котором они постоянно проживают, указанная подготовка проводится на территории Российской Федерации.

Документ о прохождении в установленном порядке подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, должен будет прилагаться, в числе прочих документов, к заявлению об усыновлении, за исключением случаев подачи заявления об усыновлении ребенка отчимом или мачехой, близкими родственниками ребенка, лицами, которые являются или являлись усыновителями и в отношении которых усыновление не было отменено.

Заявления об усыновлении, не рассмотренные на день вступления в силу данного Федерального закона, рассматриваются в соответствии с правилами, действовавшими на день подачи указанных заявлений в суд.

Серия «В фокусе: ребенок-родитель-специалист»

ПРОФЕССИЯ – РОДИТЕЛЬ

М.: ООО «РПФ НИК», 2014. – 156 с.
Подписано в печать 01.11.2014
Тираж 1000 экз.

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»
www.timchenkofoundation.org
Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1, бизнес-центр «Нордстар»

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко создан в Москве в 2010 году. Фонд объединил в своем программном портфеле все направления семейной благотворительности. Деятельность Фонда направлена на помощь семье и детям, поддержку активного долголетия, развитие спорта и культуры. Эти стратегические направления нацелены на системное решение социальных проблем в России.

Настоящая книга создана в рамках издательского проекта программы «Семья и дети» фонда. Программа поддерживает развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, профилактику социального сиротства, повышение профессиональных компетенций самих приемных родителей и специалистов, работающих в сфере защиты семьи и детства. Подробнее: www.timchenkofoundation.org

Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1,
бизнес-центр «Нордстар»
Телефон: +7 (495) 660-56-40
Факс: +7 (495) 660-56-41
www.timchenkofoundation.org